

18+

ВЕРХОВНЫЙ МАГИСТР

ЯНА БЕЛОВА

Яна Белова

Верховный Магистр

«Издательские решения»

Белова Я.

Верховный Магистр / Я. Белова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-691107-9

Алаутар — мир снов Великого Моря. В нем живут воплощения Стихий, ведьмаки, калатары, хорро и аркельды. Об этом мире можно прочитать в первых книгах цикла «Сны Великого Моря». Верховный магистр — книга о простых смертных Алаутара. Гай неожиданно для самого себя стал верховным магистром собственной школы. Теперь у него толпа учеников и полное погружение в тему детско-родительских отношений и проблем.

ISBN 978-5-00-691107-9

© Белова Я.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. «Потеряшки»	6
Пролог	8
Глава 1	14
Глава 2	30
Глава 3	42
Глава 4	58
Глава 5	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Верховный Магистр

Яна Белова

Иллюстрации ЭЛИЗ <https://eliz63.ru/> электронное издательство

Обложка ЭЛИЗ <https://eliz63.ru/> электронное издательство

© Яна Белова, 2026

ISBN 978-5-0069-1107-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

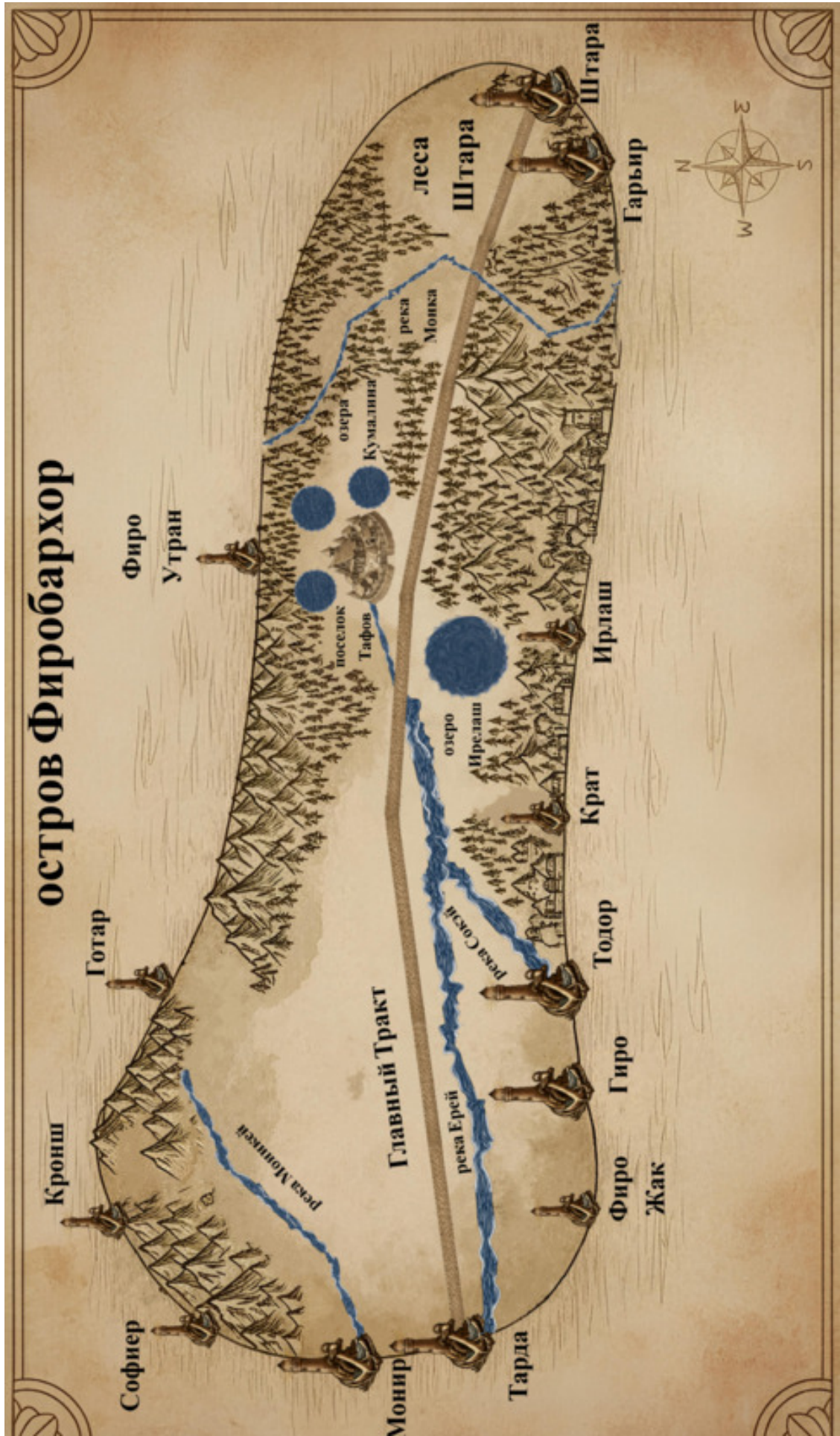
Рекомендуем прочитать книги:

Сны Великого Моря. Алаутар.

Сны Великого Моря. Хорро.

Сны Великого Моря. Мертвый Ветер.

Часть 1. «Потеряшки»

Пролог

Солнце садилось за далеко выступающими в море белыми скалами, служащими естественными волнорезами Фиро Тарда, одного из трех главных портов Фиробархора.

В порту кипела работа. С материка прибыл паром и несколько кораблей.

Остров Фиробархор называли городом ведьмаков. На самом деле, это было далеко не так. Это был огромный остров, сравнимый по величине с провинцией Даваали или землей «Бурь И Гроз», что на севере Утаира. Это был остров портов. «Фиро» – на языке ведьмаков значило «порт», «бархор» – «земля». На всеобщем языке Алаутара «Фиробархор» значило – «остров портов». На острове было двадцать восемь портов, столько же маяков и ровно столько же районов-селений. Строго говоря, не было города Фиробархор, был населенный преимущественно ведьмаками остров, все двадцать восемь поселений были тесно связаны друг с другом и считались «районами» одного города, при этом располагались на значительном расстоянии друг от друга, были разделены реками, лесами, холмами, поселениями каро и даже поселениями живущих под заклинанием «барьер» тафов, огромными пастбищами, полями и фермами. Да, были отличные дороги на суше, но все же, ведьмацкие коммуны сообщались друг с другом благодаря морским перевозкам.

Порты Тарда, Тодор и Монир были самыми крупными коммунами. Тарда и Монир находились на западной стороне Фиробархора, Тодор – на южной. В Тарда и в Монир ходили паромы с материка Даваликар, из городов Улимер и Байкура, сюда же прибывали суда речного флота.

Материк Даваликар насквозь перерезала на севере река Нея, слишком широкая и полноводная, чтобы ее можно было считать обычной рекой. Она соединяла западный залив Кайламар и восточное побережье. По этой реке ходили морские суда, экономя время. Материк Даваликар был велик, а тут его не приходилось огибать, чтобы добраться морем от западного побережья до восточного и дальше, до Фиробархора, островов Калидара и материка Утаир.

Тарда был ближе всего к выходу из русла Неи, потому именно сюда чаще всего прибывали суда речного флота с грузами, предназначенными всему Фиробархору, и паромы из Байкура – города на реке Нея, стоявшего в том месте, где река впадала в залив Шуни, разделявший материк Даваликар и остров Фиробархор.

Коммуна Тарда насчитывала более шестнадцати тысяч жителей, больше был только Фиро Тодор, там жили двадцать две тысячи ведьмаков, в Монире – тринадцать тысяч. Во всех остальных портах-коммунах Фиробархора населения было в разы меньше. Считалось, что на Фиробархоре живет около ста десяти тысяч жителей, не считая свободных от службы каро и тафов под «барьером», поскольку их поселения, порядки там и количество жителей никто никогда не изучал и не лез в их жизнь. У существ без высокого сознания было неотъемлемое право в своей среде жить, как угодно, ни перед кем не отчитываясь.

Калатари и аркельды тоже жили на Фиробархоре, в основном в Монире, тесно связанном с преимущественно калатарийским городом Улимер, откуда в Монир ходил паром два раза в день и в Тодоре, куда приходили корабли с островов архипелага Калидар, некоторые из которых также были преимущественно калатарийскими. Как правило, аркельды и калатари жили на Фиробархоре временно, если не создавали семьи с ведьмаками. В этом случае аркельды вливались в ведьмацкие общины, однако калатари, чаще, увозили своих супругов и детей на материк. Фиробархор был абсолютно ведьмацким островом, как Земля Хахад – калатарийской. Никто не запрещал ведьмакам селиться на Хахад, им просто было неуютно там жить. Так же как калатари не приживались на Фиробархоре.

Порт Тарда был защищен от ветров и волн протяженными узкими островами-скалами, они же служили волнорезами. Они торчали из воды недалеко от берега, разделенные широ-

кими проходами, будто самой природой созданные «ворота». С южной стороны берег резко поднимался, сразу за портовыми сооружениями. В этой части Тарда селились не связанные с морскими и торговыми делами жители. Тут были театры и иллюзионы, парки, таверны, общественная библиотека, немагическая детская школа, спортивные школы и арены, бассейны, где обучались плаванию, медицинские и спа-центры, они же бани. В общем, вся культурная и светская жизнь Тарда была сосредоточена в южном районе.

С северной стороны от порта располагались все склады, производственные мастерские и огромный крытый рынок, где можно было купить что угодно и тоже практически круглые сутки. Только с полуночи и до пяти утра рынок был закрыт. В Алаутаре в сутках было 25 часов, 25 час обозначался как «ноль» и назывался «абсолютной полночью», все часы в мире проскакивали этот «ноль» в дневное время суток. Таким образом полдень – это было 12 часов дня и сразу после него шел «1 час после полудня».

Дальше на север лежал поселок каро, с востока Тарда окружали фермерские угодья, через которые шла дорога вглубь острова – Главный Тракт. На юге границей поселения была река Ерей, несущая свои воды вдоль Главного тракта почти с середины острова, от озера Ирелаш.

В самом близком к порту районе жили небогатые и непритязательные. Тут было много дешевых таверн, питейных заведений, игровых клубов, тут всегда было шумно, днем и ночью кипела жизнь. При этом никакой опасности ни для кого тут не было. Разве что быть зашибленным неудачно пущенным в полет тюком с разгружаемого или загружаемого судна. Фиробархор считался самым безопасным местом в Алаутаре (по мнению ведьмаков, калатари считали таковым Землю Хахад). Все потому, что здесь тафы боялись безобразничать. Ведьмаки позволяли тафам под «барьером» жить на их острове и даже иногда нанимали их как слуг, но убили бы любого тафа «без барьера», рискнувшего приплыть на их остров. Тафы боялись ведьмаков, особенно пальори, потому как ни один ведьмак на Фиробархоре не стал бы церемониться с тафом, накладывая на него «барьер», пытаться понять напал ли таф на кого-то или еще не успел, просто прибил бы как взбесившееся животное, без сожалений и сомнений.

На Земле Хахад тафов не было вовсе и не было поселений каро. Любой каро, ступивший на Землю Хахад, должен был в течение недели наняться на службу или отбыть с первым же кораблем откуда прибыл. Жители земли Хахад нанимали слуг в других местах, а прибывавшие на Хахад каро без усилий находили дом, готовый их нанять в качестве слуг. При этом Земля Хахад была изолирована от большинства морских торговых путей и находилась далеко от всех прочих населенных островов и материков, а каро боялись путешествовать морем и не ходили через порталы хазалита без сопровождения (дорого и существ без высокого сознания хазалит пропускал только в сопровождении существа с высоким сознанием, буквально на поводке или на руках). Любой каро «не на службе» сразу становился заметен. У тафов не было ни малейшего шанса появиться на Хахад, притворившись порядочным каро, и, тем более, оставаясь тафом.

На Фиробархоре не было стражей порядка. Все стычки, конфликты и проблемы решали старейшины коммун или «большой совет Фиробархора», если речь шла о конфликте жителей разных коммун. Ведьмаки мало пьянели и потому не «творили дичи по пьяни». Конфликты в тавернах и в игровых клубах случались, но серьезных последствий, как правило, не имели, конфликтующие стороны в итоге расплачивались за пострадавшее имущество с хозяевами заведений и расходились взаимно недовольные друг другом и «не задавшимися днем». Однако все дружно считали подобное «мелочью жизни» и жаловаться в совет старейшин не шли. Ведьмаки не бегали от ответственности за очевидные преступления. Да и убежать от соплеменников куда-либо было трудно. Правила ведьмацкого мира гласили, что «оправданная месть может ждать тысячу лет, оставаясь оправданной». Проще было закрывать долги и конфликты, чем бегать от них и жить в страхе до конца своих дней. Ведь при публичном разборе конфликта или

преступления был шанс остаться живым, здоровым и неприкасаемым для возмездия пострадавшей стороны.

На Фиробархоре никто не боялся ходить ночью по полям и лесам и перевозить ценные грузы по суше. Крупных хищников тут не водилось. Самым опасным диким зверем тут была росомаха. В восточной части острова в лесах водились волки и доледы (двухголовые волки в два раза крупнее обыкновенных волков), повсеместно жили немагические лисы, хорьки и их разновидности. Ведьмаки не считали этих зверей опасными и умели избегать с ними встреч, просто чтобы не тревожить напрасно. Спортивной охоты в Алаутаре не существовало как явления, а обычная охота ради еды и меха считалась признаком крайней нужды. На Фиробархоре, да и в целом, в Алаутаре никто так отчаянно не нуждался в пропитании или одежде, кроме тафов без барьера.

С некоторых пор Эрмир прекрасно ориентировался в специфике жизни и географии Фиробархора. За прошедшее лето он побывал на этом острове не менее двадцати раз, в гостях у своей подруги Ромара-Рия. Она же показала ему главные «районы» города-острова, а именно, Тодор, Монир и Тарда. Сама она родилась и выросла в Тарда, здесь жили ее родители, младшая сестра и брат.

Ее родители были ведьмаками марбо и сильными магами. Отец был лекарем, мать владела аптекой и делала лекарства. Оба когда-то учились в столичной школе Намариэ, потому фактически не имели конкурентов в Тарда, считаясь лучшими в своем деле. Естественно, они были очень богаты. Ромара-Рия мечтала в будущем иметь свой театр, и ее родители не считали ее мечты несбыточными. Хочешь – купим или построим, а пока иди, учись в столичную школу Сайнз.

Лето стремительно подходило к концу. Сожаления по этому поводу Эрмир не испытывал. Он знал, что в любой момент может перенестись в теплый, любимый им город Лаукар, что на материке Извир, где всегда было солнечно и теплое море, продавалась самая вкусная в Алаутаре клубника.

Занятия в школе Сайнз, где он учился, начинались с первого дня месяца Сьер, мысли о школе его только радовали. Вопреки опасениям многих преподавателей, ему вовсе не надоела учеба даже спустя три года. Ему нравилась атмосфера занятий, то, что он делал, у него были друзья. Он считал свою настоящую жизнь абсолютно счастливой.

Его наставник нисколько не возражал, что все прошедшее лето он скакал по городам и континентам «одним желанием», проводя много времени в гостях у друзей. На Фиробархоре у Ромара-Рия; в Лаукаре, где жили сестры двойняшки и где у самого Гая был «зимний» дом, в котором по славной традиции все лето жил друг Эрмира – Аурэль; в Мильде у Дарья-Ри и ее брата Шакштира; в Саймуре у Вальгера и Аварда, чья семья проводила там по два летних месяца каждый год; в Лиаже, городе на одном из островов архипелага Калидар, у подруги Тиали; в Ребдмере у Лиодаля; в Пааде у Такхура; и в Улимере у Зриера. Иногда они «прыгали по миру» всей толпой. Для того, кто мог перемещаться в любую, хорошо знакомую ему точку пространства одним желанием, перенося с собой всех зацепившихся за него друзей, это было легко и безопасно. Гай – наставник Эрмира считал, что это «полезно со всех сторон, только бери с собой ашины».

Эрмир никогда не оставался в гостях на ночь, до сих пор не избавившись от иррационального страха быть вдали от наставника слишком долго. Разве что мог остаться ночевать в Лаукаре, на их с Гаем «даче», при условии, что их соседи тоже ночевали в своих «зимних домах».

С утра на рынке в Лаукаре у Эрмира украли кошелек с шестьюдесятью ашинами. Это было очень неожиданно и обидно. Его ограбили впервые. До этого тафы не рисковали связываться с ним. Все же он выглядел как ведьмак пальори, для всех, кто не сталкивался с батъери. Правда, девчонки уверяли его, что он «слишком по-калатарийски красив для настоящего

пальори». Просто у него были точеные, правильные и тонкие черты лица. Пальори выглядели проще. Среди них не было страшных и уродливых, но черты лица были более крупными, что вовсе не лишало их привлекательности. По мнению Гая, все алаутарцы были удивительно красивыми. Однако сами алаутарцы дружно считали лица калатари самыми красивыми. Все, кто был ближе к этому типу, автоматически считались «красивее прочих».

Так или иначе, утром кто-то посчитал Эрмира достойным быть ограбленным. Денег было жалко, но еще обиднее было думать, что вор счел его – чистокровного ведьмака, воплощение Стихии, одного из самых могущественных магов Алаутара, легкой мишенью. Ведь он даже не заметил, как срезали его сумку-кошелек с пояса.

Стоя на утесе, на смотровой площадке сквера южного района Тарда, глядя на догорающий в небе закат и кипучую деятельность внизу, в порту, Эрмир размышлял о своем месте в этом мире. Ему был двадцать один год, его жизнь в настоящем казалась ему блаженным сном. По сути, ограбление не имело значения. Он не слишком обеднел. Было обидно и почему-то тревожно, будто это происшествие обязано иметь продолжение или последствия. Совершенно иррациональное ощущение.

– Ну, что, мы готовы возвращаться домой, – раздался звонкий голосок Лили – еще одной подруги Эрмира, внучки Стража Порядка Калантака Фэрджера и девушки Лиодаля, которая также часто путешествовала в их школьной компании.

Эрмир вздрогнул и обернулся. К нему подошли Ромара-Рия, Лиодаль и Лили. Последняя протянула ему мороженое, видимо, только что купленное. Он благодарно улыбнулся и кивнул.

– Я сегодня финансово пострадал, это мое утешение.

– Бедный, несчастный, – засмеялась Лили, – почему ты не выбрал актерский курс, тебе отлично удаются трагические роли?!

Лили была калатари, невысокая, кудрявая, рыжеволосая девчонка, прямолинейная, вспыльчивая и, одновременно, очень ранимая и добрая. Эрмир не умел сердиться или обижаться на нее.

– Но ведь я правда пострадал! – картинно переигрывая, воскликнул он и засмеялся.

– Ты в это самозабвенно веришь, я несколько не сомневаюсь, я это вижу, – кивнула Лили, – Это особенно забавно, учитывая, что прямо сейчас у тебя в кармане 250 ашинов.

Родители Ромара-Рия в прошлом месяце заказали Эрмиру разрисовку потолка в своей гостиной, в этом месяце господин Шивкуд – отец Ромара-Рия, захотел украсить еще и вестибюль своей клиники. К тому же соседи семьи Ромара-Рия, успевшие оценить разрисованный потолок, захотели себе «что-то подобное». Для знакомых и друзей цены остались прежними – 50 ашинов, но всем прочим Эрмир украшал дома своими рисунками из цветного стекла за 100 или даже 150 ашинов, зависело от пространства. Сегодня он заработал 250 ашинов и заодно побывал в гостях у подруги.

Ромара-Рия приобняла его за пояс и строго посмотрела на Лили.

– Художники – чувствительные натуры.

Все засмеялись. И вдруг стоявший рядом Лиодаль несколько раз треснул Эрмира по спине, не глядя на него.

– Смотри, смотри, это парень из Лаукара!

Эрмир удивленно посмотрел по направлению его взгляда. В 50 шагах от них на лавке, в тени раскидистого дуба сидел мальчишка ведьмак. Казалось, он с трудом переводил дыхание, как после быстрого бега. Одет просто, но прилично, в истинно фиробархорской манере – светло-бежевая хлопковая рубашка с капюшоном, откинутым назад, на длинный тонкий шерстяной черный жилет; прямые плотные хлопковые темно-серые, будто припыленные изначально, брюки и того же цвета летние ведьмацкие сапоги (кожаные полуботинки со шнуровкой). На таких действительно сложно было заметить пыль. С этим расчетом их и делали подобного цвета.

– Не может быть, – возразил Эрмир, – я его там не видел.

– Точно говорю, он! – не унимался Лиодаль, – Рядом со мной стоял, пока мы клубнику покупали.

– Тот выше был, крупнее, – возразила Лили, присмотревшись к парню, – похож вообще-то.

– Не он точно, – возразила Ромара-Рия. – Это Крейдар, наш сосед. Он болен золифом, он боится всего нового, какой Лаукар.

– Что такое золиф? – нахмурился Эрмир. Он чувствовал, что парню нехорошо, что он старается успокоиться, но почему-то не может и оттого еще сильнее начинает задыхаться.

– Если он нервничает, он начинает кашлять и у него горлом идет кровь. Врожденная редкая болезнь. Он весь день проторчал в нашем саду, они с сестрой играли в сид, они друзья, хотя, мне кажется, он в нее совсем не по-дружески влюблен...

– Как странно, я теперь совершенно уверена, что видела в Лаукаре очень похожего мальчишку, может, чуть старше...

– У Крейдара есть брат близнец, может, вы видели его, – пожал плечами Ромара-Рия, – я не знаю его брата. Знаю, что есть, но не видела никогда. Они переехали в Тарда два года назад из Фиро Штара.

– Он чистокровный? – еще больше удивился Эрмир, – В Штара живут одни чистокровные.

– Отец у него точно самый обыкновенный ведьмак, чьи родители живут тут дольше, чем мои, долго его не было, потом вернулся с семьей. Я слышала, как мои родители обсуждали его возвращение. Папа переманил его работать к себе в клинику из спа-центра, он отличный костоправ и может тремя сеансами массажа поставить на ноги. Я могу спросить Рамишу, она точно знает о них больше.

Тем временем, мальчишка начал кашлять. Его колотила крупная дрожь.

– Его надо отвести домой, – вздохнула Ромара-Рия.

– Давай, я доставлю его поближе к его дому, – предложил Эрмир.

Они подошли ближе к парню. На вид лет 16—17, очень худой, но, несомненно, пальори.

Увидев Ромара-Рия в компании незнакомых ему, Крейдар закашлял еще сильнее, на губах появилась кровь.

– Я перенесу тебя одним желанием домой, по-моему, я знаю твоего брата из Лаукара, – быстро проговорил Эрмир, желая дать понять, что его не стоит стесняться или считать себя должным за услугу.

– Синий дом, напротив нашего, через сквер, – пояснила Ромара-Рия.

Эрмир положил руку мальчишке на плечо и в следующий миг они стояли у крыльца названного дома. Крейдар, кашляя, тяжело опустился на ступеньку.

– Спасибо, – с трудом выговорил он, – Не рассказывай о моем брате в Лаукаре никому больше, очень тебя прошу. Нельзя, чтобы знали, что он там. Он погибнет, если узнают.

Эрмир присел рядом с ним, незаметно создав над парнем купол «медленного восприятия» – специфического пространства, попадая в которое «зритель» мог перевести дух от сильных эмоций, полученных в ходе представления. Магия, которой обучали в Сайнз, работала не только в театрах и иллюзиях, почему-то многие упорно игнорировали этот факт.

Парень моментально успокоился и кашель затих. Он удивленно посмотрел на незнакомца.

– Ты целитель?

– Я – Мертвый Ветер, – усмехнулся Эрмир, – тебе не о чем так переживать.

– Я знаю, кто ты, Рамиша сказала. Я видел тебя много раз. Мне жаль, что так получилось с твоим кошельком. Не говори, что видел моего брата в Лаукаре...

– Так, давай, договоримся, – прервал его Эрмир, – Я не собираюсь никоим образом вредить тебе, твоему брату или еще кому-то. Наоборот, я могу помочь ему, если он в беде.

– Он не в беде, просто хочет жить сам по себе, но он молод, потому, это невозможно.

– Он сбежал из дома? – уточнил Эрмир.

Парень кивнул.

– Из школы. Просто не говори больше о нем, тогда его не найдут.

Купол стал истончаться, вне помещений театральная магия была кратковременной. Эрмир решил оставить больного мальчишку в покое и поискать нужные сведения в других источниках.

– Ладно, не дергайся. Мне пора, – он встал и в следующую минуту вновь стоял у лавки в сквере, откуда перенес Крейдара к нему домой.

Закат догорел, сгущались сиреневые сумерки и зажигались фонари. Его друзья успели доесть мороженное.

– Ну, идем домой? – спросила Лили, поднимаясь с лавки ему навстречу.

Эрмир улыбнулся и, в один жевок проглотив свое мороженное, кивнул.

– Да, я его прямо к крыльцу доставил, оказывается, он меня знает.

– Не удивительно, они с Рамишей ровесники и в последнее время постоянно вместе, надо спросить ее, не влюбилась ли она в него часом, – улыбнулась Ромара-Рия.

Эрмир обнял ее на прощание, поцеловав в макушку. Ромара-Рия значительно уступала ему в росте. Впрочем, обычно ведьмаки пальори были выше Эрмира. Его 184 см не считались «высоким ростом» в пальорской среде. При том, что ведьмаки росли только до 22 лет и интенсивнее всего с 16 до 20, можно было смело полагать, что он выше уже не будет.

Лиодаль неудачно прыгнул с низкой ветки дерева, на которую зачем-то забрался, порвал штаны на заднице. Пришлось еще немного задержаться. Пока посмеялись, пока Ромара-Рия починила заклинанием его штаны. Расстались они лишь спустя полчаса.

Эрмир перенес Лили и Лиодаля к ее дому. Лиодаль планировал остаться ночевать у нее и с утра лететь своим ходом к себе домой в Ребдмер. Эрмир попрощался с друзьями и перенесся, наконец, домой. Ему не терпелось сообщить наставнику обо всех выполненных заказах, приключениях и странностях прошедшего дня. В том числе, об ограблении и странной истории с близнецами пальори, один из которых болен жуткой болезнью, а второй прячется от образования в Лаукаре, причем, с неким риском для жизни.

Глава 1

Крейдар еще долго сидел на крыльце своего дома, странное спокойствие, накрывшее его в присутствии Мертвого Ветра, ушло, но кашель не вернулся. Он понимал, что только что совершил сразу несколько непростительных ошибок, но ничего уже не мог поделать. Зачем он вообще заговорил об Эйдараде? Не нужно было. Он лишь привлек внимание к себе и к нему! Он просто испугался, что на назначенном месте встречи оказались соседка и ее друзья. Эйдарад не дурак, он не показался бы прежде, чем убедился бы, что вокруг нет знакомых. И еще и о кошельке сказал! Кто, кто тянул за язык?! Этот сноб совершенно точно никак не связывал свое ограбление и Эйдарада!

От досады на себя самого Крейдар зажмурился до красных мух в глазах. Это помогло взять себя в руки. Ничего особенного не произошло. Эти щеголи из Калантака уберутся домой и все. Ромара-Рия через девять дней тоже вернется в школу. У них свои дела и проблемы, им не до него или Эйдарада. И этот злополучный кошелек они тоже скоро забудут. Наставник этого Эрмира богаче всех на этой улице вместе взятых. Конечно, придумать такой напиток, как хоррор, значит разбогатеть раз и навсегда. Все любят хоррор. Не такой крепкий, как абсент или бальзам Шридр, но и не калатарийские, аркельдские сладкие или кислые компоты. Идеальный вкус. Крейдар пробовал хоррор лишь однажды, этой весной на свое семнадцатилетие и, как большинство ведьмаков, влюбился с первого глотка в алаутарский виски. То, что этот чудесный напиток был придуман в другом мире и Гай просто организовал его производство в Алаутаре, Крейдар не знал.

– Ты почему тут сидишь? – услышал он за спиной голос матери, – Скоро ужин, не опаздывай.

Крейдар поднялся со ступеньки. Мать стояла в дверях, видимо, собираясь куда-то идти. На ней было светло-голубое летнее платье и шелковая темно-синяя, идеально подходящая к ее васильковым глазам накидка.

– Ты куда? – осторожно спросил он.

Он знал, что не имеет права задавать подобные вопросы ни матери, ни любой другой женщине, не связанной с ним обязательствами, предполагающими ее отчет перед ним в таких делах. Если бы отец услышал из уст Эйдарада подобное, точно вlepил бы тому затрещину. Однако Крейдар мог себе позволить такую неучтивость, к тому же, для матери эти правила ничего не значили.

– В дом господина Шивкуда. Не только же тебе там время проводить, – улыбнулась она, ласково погладив его по щеке и стала спускаться с лестницы, – Мне нужно забрать твоё лекарство, к ужину вернусь, – договорила она уже внизу.

Лекарства. Какой смысл лечить неизлечимое. Крейдар вновь тяжело вздохнул. Он откуда-то знал, что его болезнь не вылечить ни одним лекарством. Его недуг проявился в пять лет, с тех пор он стал фактически неполноценным в глазах сородичей. Дальше его воспитывали как девочку. Отец сразу сложил с себя обязанности его родителя, фактически передав их жене и игнорировал его присутствие в своем доме вплоть до ссылки в полосу магнитного разлома на Шард. Эйдарад был его сыном, а Крейдар просто был. Как мебель в доме. Впрочем, отец не запрещал брату с ним общаться. Не приветствовал, но и не мешал. Крейдар даже жил на женской половине дома. Однажды Эйдарад в шутку назвал его «любимой сестренкой», после чего Крейдар не разговаривал с ним две недели и игнорировал в упор. Конечно, в итоге они помирились, и брат поклялся более никогда не произносить подобного вслух.

Крейдар был магом. И сильным. Намного сильнее, чем брат или мать. Его настоящий отец не был магом вовсе, даже на гире не мог взлететь. Леталки управлялись сферами белого огня, без воли мага они не работали. Эйдарад и мать имели практически одинаковый магиче-

ский потенциал. Господин Ноюрсет из клана Ири, старейшина их общины Штара, говорил, что брат и мать с потенциалом в 550 лет, а вот он мог бы жить все 700, если бы не его недуг, который убьет его рано или поздно. Приступы кашля могли привести к критической кровопотере, разрыву легких или остановке дыхания в любой момент. Из-за этого же недуга он не мог нормально обучаться магии, физическое или ментальное перенапряжение могло вызвать кашель. Его жизнь не обещала быть ни интересной, ни легкой, ни долгой, невзирая на солидный магический потенциал. Он ошибка природы, как назвал его однажды отец. В чистокровном клане Шуари не могло быть сильных магов, он первый за всю десяти тысячулетнюю историю клана. Будь он Шъир, родившимся не в своем клане, все было бы иначе. Однако он был чистокровным Шуари, магом Воды. Что толку думать о несбыточном. Его судьба была предрешена и незавидна. Мать все еще верила, что его можно вылечить, он не пытался ее разубедить. Раз ей так легче и проще, жить, пусть верит.

После того, как отца сослали, родительский брачный договор утратил силу и был расторгнут. Эйдарада взял на воспитание брат отца, Крейдар же остался с матерью, как если бы действительно был девчонкой. Мать быстро вышла замуж вновь за того, за кого всегда хотела, но не могла, в силу обязательств перед общиной иметь хоть одного чистокровного ребенка. Ее новый супруг Салтарад тоже был ведьмаком, но нечистокровным. Крейдару он нравился. Он был веселым, добрым и любил его мать. По-настоящему, а не потому, что «проще любить того, с кем делишь дом, иначе жизнь будет невыносима».

Салтарад привез их в Тарда, общину, где жили несколько ветвей чистокровного клана Аури и всего пара ведьмаков Юкра, далеких от дел и проблем чистокровной общины в целом. Салтарад выдал Крейдара за собственного сына, и никто не усомнился в этом.

Крейдар лишь два года назад понял, что жизнь может быть совсем иной, чем ему казалось прежде, намного проще и веселей. Салтарад относился к нему, как если бы он был нормальным парнем, никаких женских половинок дома, даже обучал его владению оружием, насколько это было возможно. Научил он его и магическому приему «шаг». Теперь Крейдар мог перемещаться на любые расстояния, на близкие вовсе без цесмарилов, для перемещения на дальние ему нужно было от двух до 15 ашинов. Салтарад тоже был магом воды, с потенциалом в 600 лет. Он считал, что Крейдар сможет учиться в магической школе, когда станет старше и более уравновешенным. Крейдар хотел ему верить, но боялся обмануться и разочароваться в итоге.

Крейдар прошел к себе в комнату, умылся и переоделся к ужину. Он знал, что брат сам найдет способ встретиться с ним, потому нисколько не удивился, увидев его в своей комнате после того, как вышел из прилегавшей к душевой небольшой гардеробной.

– Все в порядке? – спросил Эйдарад.

– Относительно, – кивнул Крейдар, – Они не знают, что это ты украл кошелек у того парня. Угораздило же тебя нарваться именно на него! Мне сказали, он за один день может по десять раз переноситься куда угодно без цесмарилов и с толпой сопровождающих. Это тот самый Мертвый Ветер из Калантака!

Эйдарад помрачнел.

– И что он тут делал?

– Он дружит с сестрой Рамиши, они однокурсники и потолки соседям моим разрисовывает. Художник он, но, главное, он не подозревает, что кошелек у него стащил ты. Думает на тафов, в Лаукаре их много, при Рамише ее отцу говорил сам.

Эйдарад шумно выдохнул и расслабился.

– Ну и хорошо. Я испугался, когда вы исчезли из парка, думал, он принял тебя за меня и потащил убивать.

– За кошелек не убивают, – усмехнулся Крейдар.

Эйдарад притянул его к себе и обнял.

– Я рад, что у тебя все хорошо, брат. Живи за нас двоих!

Он был на пол головы выше Крейдара и шире в плечах. Сильно отросшие, спутанные, серые от пыли, давно немые волосы почти закрывали глаза густого синего цвета. У Крейдара глаза были светлее, ярко-голубыми, как у большинства клана Шуари. Как их вообще можно было перепутать?

– Береги себя. Тебе нужно просто дожить до двадцати пяти лет. Дальше весь мир будет твоим. Только доживи! – не менее порывисто ответил Крейдар, обнимая его в ответ.

– Можно, я подло воспользуюсь твоим духом? – улыбнулся Эйдарад, – От меня воняет псиной.

– Конечно, пользуйся, но это не псина, это смола, пыль и жаренный лук, – просветил его моментально определявший запахи Крейдар, тут же добавив, – можешь порыться в моих вещах, что-то на тебя, может, налезет.

– Обязательно и непременно, – пообещал ему брат, улыбнувшись, – Иди, а то, чего доброго, придут тебя звать за стол.

Он двинулся в душевую, на ходу снимая через голову простую темно-серую хлопковую рубашку. Крейдар направился к выходу, бросив взгляд в зеркало, висящее напротив душевой, вздрогнул. Вся спина Эйдарада была покрыта жуткими рубцами. Некоторые казались все еще припухшими и воспаленными.

Крейдара никто никогда не бил, но лишь потому, что не считал полноценным. Он знал, что подобные наказания не приняты были в семьях обычных ведьмаков, мать как-то говорила, что и в некоторых чистокровных семьях этого нет. К Шуари это не относилось. Шуари считали иначе никак. Дурь из молодых можно только выбить. Если этого не сделать дурь будет видна всем и «позора не оберешься». На деле оказывалось, что всем видна именно дурь чистокровных Шуари. Недаром же, в ссылку на Шард отправились преимущественно они. Отец говорил, это потому, что маги злоупотребляют властью, но логика была неумолима. Шуари сами портили жизнь себе, своим детям и всем прочим. Сами портили, сами получали за это. Дядя отправил Эйдарада в школу для «истинных пальори» на Шарде, открытую в деревне, где поселился их с Крейдаром отец. Там не действовала магия, зато действовали все законы чистокровного мира. Почти три месяца назад Эйдарад сбежал оттуда вместе с тремя друзьями, принадлежащими разным кланам – Риг, Ири и Юкра. Теперь они промышляли мелкими грабежами в городах, куда их доставлял Крейдар. В основном, в Лаукаре и Калантаке, слишком больших и богатых, чтобы кто-то мог запоминать лица всех незнакомых или переживать из-за потери кошельков.

Сначала в Лаукар и Калантак Крейдар пришел через портал хазалита, просто погулять и осмотреться. Дальше все было просто. Раз в пять дней он закидывал брата и его друзей в чужой город и через пять дней забирал в условленном месте обратно на Фиробархор. Воровать на самом Фиробархоре они боялись.

Самый старший в их четверке – Зорах Ири, которому было уже двадцать лет, снял для них четверых дом в Монире. Якобы они все братья, а родители оставляют младших на его попечение, потому как торговцы и заняты делом. По их легенде, их отцом был аркельд. Так было проще. Аркельд мог посчитать двадцатилетнего сына достаточно взрослым, чтобы не просто жить самостоятельно, но и отвечать за младших братьев. План казался безупречным. Пока все шло как по маслу. От Тарда до Монира добраться было легко.

Крейдар не был в Монире, его не посвящали в подробности разбойничьих дел. Не потому, что не доверяли, просто берегли и, он знал наверняка, что и его брату и его друзьям стыдно перед ним за то, что они делали. Надо было на что-то жить, не привлекая к себе внимания и скрываясь, заработать честным путем было практически невозможно, или им так казалось.

Крейдар их не осуждал и готов был помогать по мере сил. Ему казалось, что, чем больше он перемещался одним желанием, тем легче становились его приступы кашля. Зорах как-то обмолвился, что золиф – болезнь «блок магии». Любое колдовство раскачивает магический потенциал, а значит, увеличивается уверенность мага, что делало блок проницаемым. Уверенность мага не лечила от золифа, но она обманывала болезнь. Кашель мог по-прежнему убить в любой момент, просто без болезненных ощущений. Что-то такое Зорах слышал от своего отца – не больше, не меньше старейшины Штара.

Зорах рисковал больше всех остальных. Узнай его отец, чем он занят, он бы точно его убил. Такой позор даже кровью невозможно было смыть. Старейшина Штара не мог простить подобного позора, навлеченного на его клан сыном.

Спустившись в столовую, Крейдар постарался выкинуть из головы лишние мысли. Салтарад, как и он сам, легко читал эмоции. Чтобы объяснить как-то свою тревожность, он рассказал, что Мертвый Ветер перенес его из парка к дому одним желанием, когда у него начался кашель после слишком быстрой ходьбы.

– Мне показалось, он целитель, он что-то сделал, что сразу все прошло, – закончил свой рассказ Крейдар.

– Он, кстати, чистокровный Шъир, родившийся в клане Риг, – усмехнулась мать, – учится в Сайнз, потрясающий художник и при этом в хороших отношениях со своими родственниками, в том числе с отцом.

– Я тоже слышал о нем, – кивнул Салтарад, – говорят, он может становиться тьмой, убивающей или исцеляющей на свое усмотрение. Скорее всего, он действительно имеет способности целителя, но выбрал путь художника.

– Рамиша говорила, он с ее сестрой на курсе танцев и на музыке, – вспомнил Крейдар.

– Так необычно для чистокровного пальори. Это вселяет надежду.

– Ну, все же, его судьбу определяет наставник аркельд, – вздохнул Салтарад, – Господин Гай эксцентричен, это все знают. Говорят, он вообще ничего не запрещает своему ученику, кроме как убивать без крайней необходимости.

– И, заметь, никто не страдает от действий его ученика, значит, рабочая воспитательная система, – засмеялась мать.

А вслед за ней все остальные.

Эйдарад слышал их смех, вылезая из окна над козырьком, расположенным близко к окнам столовой. Сердце дернула тоска. Как бы он хотел сидеть там с ними, смеяться, говорить о всякой ерунде. Если бы он пришел к матери, она, конечно, не выгнала бы его, пошла бы на все, перессорилась бы и со своим кланом Лайя и с кланом отца, чтобы он остался в ее доме. В этом случае, ее жизнь, жизнь брата и этого простака Салтарада перестала бы быть простой и благополучной. Им пришлось бы минимум уехать с Фиробархора, максимум искать защиты кого-то могущественного. Вроде этого Мертвого Ветра или его наставника. Он не мог с ними так поступить.

Он ловко прыгнул на землю и скрылся в сгустившемся мраке.

Дорога вела его к реке Ерей, там он договаривался встретиться с Зорахом Ири и Аримаром из клана Юкра, чтобы вместе лететь домой в Монир. Жилые дома и городские строения остались позади, вокруг сгустилась все еще по-летнему теплая ночь. Зимой жить будет сложнее. Может, стоит перебраться в Лаукар, там не нужно будет заботиться о теплой одежде и можно питаться фруктами из чужих садов, их даже забором там не обносят, ешь чужие апельсины сколько влезет.

В Лаукаре жили многие чистокровные, да, в основном Аури, но и Юкра и Ири тоже. Аримар и Зорах могли попасться им легко. Размышляя таким образом, Эйдарад быстро дошел до места встречи – круглой, закрытой со всех сторон высокими кустами акаций полянке. Что-то его остановило в самый последний момент. Вместо того, чтобы открыто войти в зеленый

амфитеатр, он буквально прокрался последние 30 шагов и, остановившись за кустом, прислушался.

Было подозрительно тихо. Аримар не умел просто сидеть и ждать, он всегда ходил взад-вперед, что-то напевал, шуршал всем подряд и в целом был очень шумным. Еще сомнительней, чтобы Аримар и Зорах молчали, неужели они еще не пришли?

– Он не придет, да? – хмыкнул за зеленой колючей стеной смутно знакомый голос, – У маменьки остался, умнее вас, идиотов, оказался, – говорящий засмеялся и Эйдарад тут же понял, кто это. Этот холодный, безэмоциональный смех он прекрасно знал. Господин Ноюрсет, отец Зораха, нашел их.

Эйдарада бросило в холодный пот.

– Ладно, приходите в себя, остолопы...

Послышалась возня, тяжелое дыхание и приглушенные стоны. Эйдарад замер на месте, боясь пошевелиться.

– Ну, что, тупоголовые, набегались? Пора по домам, – без злобы, но с долей издевки провозгласил господин Ноюрсет.

– У меня нет больше дома, – буркнул Аримар, – Меня сослали в эту школу не потому, что хотели видеть дома. Я практически немаг в семье сильных магов, зачем я им такой? Третий уровень заклинаний – мой потолок, хорошо, если до 350 лет доживу...

– Я не вернусь, – в свою очередь заявил Зорах, перебив приятеля, – можешь убить меня прямо тут, я не стану сопротивляться, но я не вернусь.

– Ты серьезно сейчас? – сурово спросил его отец, – Понравилось жить как таф? И чем же тебя так привлекает эта твоя свободная от чести и достоинства жизнь грязного отребья?

– У меня нет выбора.

Эйдарад вдруг понял, что господин Ноюрсет вовсе не жаждет причинить кому-то из них вред. Вероятно, его цель была принципиально иной. Он готов простить Зораха за все эти жуткие преступления, которые он совершил, они все совершали.

Вновь накатила тоска. Его отец точно бы такого никогда не простил, ни отец, ни дядя, а им, в отличие от господина Ноюрсета, нечего было терять, для них репутация не имела такого значения.

– Объясни, – потребовал Ноюрсет.

Зорах тяжело вздохнул.

– Ты предал меня, у меня нет больше отца и нет дома. Ничего нет. Мне двадцать, я маг с потенциалом 900 лет, а ты отправил меня не в Калантак учиться, ладно, не в Намариэ, но и не в Отанак, не в Крамбль, не в какую-то провинциальную школу полезных навыков, нет. Ты засунул меня в полосу магнитного разлома, где магии нет вовсе, в школу, которая вообще не школа, а тренировочный лагерь охранников от пиратов или, точнее, самих пиратов! – запальчиво заговорил он, – Теперь у меня перебито запястье, я не могу применять «белый огонь» и прочие сложные заклинания. Я научился жить как таф и ощущать себя последним дерьмом. Просто забудь обо мне или убей, все равно это не та жизнь, которой можно дорожить, а я не тот сын, которым можно гордиться, – последние слова он буквально прокричал.

– Я не собирался оставлять тебя там надолго, – несколько оторопело проговорил Ноюрсет, – Ты должен был доверять моим решениям. Ты поступил бы в Отанак этим летом, если бы не сбежал или если бы я раньше нашел тебя. Я так и планировал. Чтобы ты посмотрел на разные стороны жизни. Да, я хотел выбить из тебя твою аркельдскую привычку относиться к благам жизни как к чему-то само собой разумеющемуся, и чтобы ты хоть немного овладел оружием, раз сам я не смог тебя научить...

– Ты просто убрал меня с глаз долой, чтобы я не мешал тебе быть счастливым в новом браке, который ты рано или поздно заключишь с другой представительницей клана Тея...

– Ой, дурак... – с чувством протянул Ноюрсет, проигнорировав факт, что с ним разговаривают крайне непочтительно и мало того, перебивают.

Аримар молчал, видимо, в шоке от всего происходящего. Эйдарад не мог уже просто взять и уйти. Он должен понять, как все сложится и что ему делать дальше. Зорах, вопреки его представлениям, был куда в лучшей ситуации, чем он сам. Каким бы суровым и жестоким не казался со стороны Ноюрсет, он был магом. Отец много раз повторял, что маги другие. Они иначе думают и чувствуют, чем немаги или слабые маги, их действия сложно предсказать. «Я сам маг» – вздохнул про себя парень», – «Отцу и меня было сложно понять и, наверное, любить тоже».

– Я не вернусь домой – повторил Зорах – не могу и не хочу. Если у меня не будет необходимости скрываться я найду себе приличный не стыдный заработок. Я не собирался жить как таф больше 5 лет.

– Что с твоим запястьем? – перебил его отец.

– Тебя не касается, справлюсь как-нибудь, заклинания без пассов я по-прежнему могу использовать. Может когда-нибудь разбогатею настолько, чтобы вылечить.

– Хорошо, если ты решил так, будь, по-твоему. Ты сделал свой выбор, – раздраженно фыркнул Ноюрсет, – тебе 20, и я позволяю тебе жить самостоятельно. Ты больше не можешь рассчитывать на свой клан. Выбрал путь, иди по нему, вся ответственность теперь только на тебе. Я снимаю с себя родительские обязательства в отношении тебя.

– А со мной что? – осторожно спросил Аримар.

– Просто иди домой. Я больше, чем уверен, что твой отец не собирался избавляться от тебя, отдав в эту школу. Просто он не все знал.

– Все он знал, – хмыкнул Аримар, – я из дома Тридьяра, шардские Юкра маги. Просто я его главное разочарование в жизни.

– Тогда он не станет тебя искать. А другим до тебя дела нет. Тебе незачем скрываться. Живи в Тарда или где угодно, но честным трудом и просто молчи, что ты Юкра, – посоветовал ему Ноюрсет, – Вы идиоты! Никому до вас нет дела, кроме ваших семей. Ни один Юкра или Ири, не связанный с вами близкородственными связями, не стал бы возиться, возвращая вас в школу или ваши дома. Тупые! Тупые якулы! Да живите вы, как угодно, соблюдая три закона этого мира. Но нет, вы умудрились нарушить один из них, хорошо, хоть крови на ваших руках еще нет. Иначе точно бы пропали. Все, разговоры окончены. Хорошего вечера, господа...

Эйдарад не успел сориентироваться и нырнуть в тень, выходящий на тропинку в город господин Ноюрсет, практически налетел на него, сбив с ног.

– О, все-таки нет среди вас умных, – буркнул он, – Все слышал?

Эйдарад кивнул.

– Иди жить к матери. В твоём случае, твоему дяде совершенно точно нет дела, где ты и что с тобой, а отец не может покинуть магнитный разлом. Твой дядя не знает, что ты пропал и не узнает, если не поедет на Шард, а он не поедет. Он не жаждет контактировать с тамошними родственниками. Иди к матери жить, – вновь повторил он и, раздраженно передернув плечами, ушел прочь.

Эйдарад встал, отряхнулся и, подняв ветку, вошел внутрь зеленого амфитеатра. Оба приятеля встретили его хмурыми понимающими взглядами. Они прекрасно слышали все сказанное господином Ноюрсетом минуту назад.

– Как поступишь? – вздохнул Аримар.

– Гордор а Монире? – уточнил Эйдарад у Зораха, – Твой отец явно не знает о нем.

– Да он дома, с его ногой далеко не убежать. Ты не пойдешь к матери жить? – без всякого выражения спросил Зорах. Он казался усталым и разбитым. Даже странно было думать, что совсем недавно он так дерзко говорил с собственным отцом.

– Она счастлива, у них троих семья и прекрасные отношения, я все испорчу, если появлюсь в их жизни вновь. Если нам не нужно скрываться, то все очень просто. Найду работу в порту и все.

– Тебе семнадцать, – скептически хмыкнул Аримар, – мне хотя бы девятнадцать скоро.

– Через четыре месяца, – усмехнулся Эйдарад.

– Полетели домой, потом решим – постановил Зорах, тяжело поднимаясь с земли, на которой сидел.

– Он вас в магическую сеть поймал?

– Я даже не понял, как. Вроде стоял и вдруг очнулся на земле... – кивнул Аримар, также поднимаясь и растирая затекшую спину.

Спустя час они долетели до Монира. Всю дорогу Эйдарад размышлял об услышанном. А еще о том, как ошибался в своих представлениях о происходящем.

Господин Ноюрсет был самым уважаемым и влиятельным ведьмаком в Штара. Эйдарад знал его как сурового и сдержанного старейшину, которого откровенно боялись многие. Зорах мог казаться таким же, у них у обоих были ледяные прозрачно-зеленые глаза, но Зорах казался изящнее. На него плохо нарастала мышечная масса, возможно, потому он был не слишком заинтересован в физических тренировках. В школе он был худшим во всех видах боевых искусств, но это его ничуть не сломило. Он всегда смотрел свысока на их преподавателей немагов, чем выводил их из себя. Эйдарад оказался в школе в месяце Абрэ, Зорах на месяц раньше, а Аримар и Гордор провели там по полтора года. В первый день летнего месяца Тиа они сбежали. Именно Зорах организовал этот побег. Он был старше, умнее и сильнее несмотря на свою внешнюю несолидность. Аримар и Гордор были шире в плечах и лучше владели всеми видами оружия, хоть и были младше Зораха, при этом они его опасались ровно так же, как немаги Штара его отца.

Господин Ноюрсет сегодня показался совсем другим. Эйдарад вдруг подумал, что, если бы его отец повел себя так, как Ноюрсет сегодня, он забыл бы обо всем и немедленно вернулся бы домой. Он был бы счастлив иметь такого отца. Зорах и Ноюрсет были очень похожи. Видимо, поэтому они лучше знали друг друга и понимали ситуацию совсем иначе.

Аримар в их четверке имел имидж оболтуса: уверенный в себе, безалаберный, шумный, неосторожный, с глазами цвета штормового моря и, в отличие от других слабых магов, очень непростой. Он скрывал за своим весельем и грубоватой простотой речи немалые знания о мире и глубокое понимание сути явлений. Но о чистокровном мире он знал лишь то, что все в нем сложно и трудно, если ты немаг.

Гордор тоже был весьма посредственным магом, мог прожить 350 лет, не больше. Он был прост и понятен, как все те, среди кого прошло детство Эйдарада. Он знал правила и не задавался вопросами, почему они таковы. Его в школу тоже отправил опекун, «к отцу», чтобы снять с себя груз ненужных обязательств. До встречи с Зорахом Гордор не представлял, что можно жить иначе, чем по правилам чистокровного мира. Он сбежал из-за любопытства и желания посмотреть мир. И в отличие от остальных, не так уж тяготился жизнью, которую они вели. Говорил, что никогда не чувствовал себя так хорошо. И не вернулся бы назад, даже, если ему пришлось бы убивать ради этого. Неделю назад он ограбил очередного тафа. Это было бы очень смешно, если бы таф не укусил его за ногу в районе шиколотки, перед тем как дать деру. Теперь Гордор фактически прыгал на одной ноге. Рана заживала плохо, возможно, были повреждены связки.

Эйдарад был самым младшим в их четверке. Маг средних способностей, не слишком силен, не слишком умен, «посредственность, много возомнившая о себе» – так охарактеризовал его учитель. Эйдарад хотел уйти из чистокровного мира всегда, сколько себя помнил. Брату это фактически удалось ценой смертельно опасного недуга. Эйдарад не отказался бы даже от такой цены. В далеком детстве он побывал в Калантаке – в огромном прекрасном

городе с семьей сестры матери и ее детьми аркельдами. Именно в тот день он понял, что настоящая жизнь у аркельдов. Именно они живут, пусть часто недолго, но зато счастливо каждый день.

Монир встретил их обычным ночным оживлением. Поздно вечером из Улимера прибывали паромы и корабли. Монир был поделен на два района – южный портовый и северный жилой. В портовом никто не жил. Здесь были склады, мастерские таверны, увеселительные заведения и обычный рыбный рынок. В северном было все для вполне комфортной жизни, кроме игровых клубов и дешевых питейных заведений. Жители Монира не хотели, чтобы приезжие моряки шатались под их окнами. Северный Монир был спокойным и тихим местом. Многие дома окружали сады. Эйдарад с друзьями жили в маленьком доме на окраине. На четверых у них было две спальни, две ваннные комнаты и одна кухня-гостиная. Готовить никто из них не умел, питались в основном консервами, булками, фруктами, сырами и колбасами.

Гордор ждал их у двери и казался бледнее обычного.

– Я думал вас схватили, – признался он, заковыляв на кухню, опираясь на импровизированный костыль в виде тяжелой узкой доски, найденной в подвале.

Гордор и Аримар выглядели как истинные пальори: высокие, крепкие, но Гордор казался уже сейчас мощнее. Он был невероятно силен, не слишком быстр и ловок, но спокоен и простодушен. У него были желтые, как у большинства из клана Риг, глаза. Наверное, он был самым добрым среди них. Ему было жаль бедолаг, которых они оставляли без денег, поэтому он выбирал охотиться на тафов. Пальори, грабящий тафов – это было очень смешно. Гордор смеялся, но стоял на своем. Строго говоря, он один не нарушил второй из трех главных законов Алаутара. За все время разбойничьей жизни он не причинил вреда имуществу ни одного существа с высоким сознанием, если не считать краж апельсинов в чужих садах. В Лаукаре это не считалось наказуемым, если вор не ходил за апельсинами в один сад каждый день и не обирал все дерево. С земли фрукты можно было смело собирать в любом количестве. Упавший урожай принадлежал животным, птицам и насекомым.

– Нас именно схватили, но потом отпустили, – усмехнулся Аримар и, пройдя на кухню, сразу набросился на хлеб и сыр, попутно рассказывая обо всех событиях прошедшего дня.

Зорах есть не стал и почти ничего не говорил, весь вечер сидел, держась за сердце, которое билось слишком часто.

– Перенервничал, – хмыкнул он в ответ на обеспокоенные взгляды приятелей, – мне надо переварить все это. Завтра решим, что делать дальше. Гордору надо к лекарю в любом случае. Завтра, все завтра...

– А мне решать нечего. Я пойду в порт наниматься в грузчики – пожал плечами Аримар, – на жизнь хватит.

– Я тоже, когда поправлюсь – кивнул Гордор, – У нас еды осталось позавтракать только. На рынок надо сходить.

По лицу Зораха прошла судорога, он поморщился и встал.

– Аж в ребра стреляет, пойду спать. Завтра пригласим целителя и купим еды побольше.

Эйдарад жил в одной комнате с Гордором. Зорах с Аримаром. В последние дни Гордору стало трудно подниматься на второй этаж, поэтому он спал на диване в гостиной. Одна из двух ваннных комнат была внизу, поэтому он вовсе не жаждал теперь бывать на втором этаже.

Эйдарад долго лежал в темноте, слушая шелест листвы за окном и трели ночных птиц, думая о внезапно открывшихся перед ним возможностях: не бояться, не прятаться, не воровать... Но чем ему зарабатывать? Его потенциал не стабилен, в грузчики его не возьмут еще минимум год, только если соврать о возрасте. Магические услуги? Какие? Он ничего, по сути, не умеет. Его учили владеть оружием, но не менять магией стекла на зиму, чистить или убирать дом. Попросить мать о помощи? Только в самом крайнем случае. Надо обязательно сообщить Крейдару, когда придет время встречи.

Сон забрал его в свой плен на рассвете после того, как он решил все же поискать простую магическую работу.

* * *

Как только Эрмир сообщил Гаю о странностях, с которыми столкнулся в Тарда, тот, почувствовал, что дремотная, блаженная расслабленность последних месяцев обязана пойти прахом. Не то, чтобы это его расстроило или напугало. Всеу свое время. Время расслабляться и ни о чем не думать, и время причинять добро; время лениво проводить дни ничего, не делая и время быть занятым с утра до вечера. Желательно все же, чтобы пресловутое утро начиналось в полдень, иначе совсем беда.

– Тебе тоже кажется, что этот парень влип в историю? – уточнил Эрмир, допивая кофе.

Они привычно сидели на диване у камина, пили вечерний кофе и ели трайфл с ежевикой (здесь «черной малиной»), новое блюдо, изученное их слугой каро, и говорили обо всем подряд, делясь впечатлениями прошедшего дня.

– Уверен, – кивнул Гай и трагически вздохнул, – В прошлом месяце Волкрлар пошутил, что я открою свою школу уже в этом году. Мне сейчас подумалось, никакая это была не шутка.

Эрмир слышал об этом, но не придавал значения.

– Возьмешь меня преподавателем? – усмехнулся он.

– На полставки, – засмеялся Гай, – ты еще учишься сам.

Будучи магом Воздуха, Эрмир понял смысл слова «полставки», сказанного по-русски. В Алаутаре не существовало «ставок». Все преподаватели сами определяли количество учебных часов и вольны были работать столько, сколько считали нужным для того, чтобы студенты, все же, научились чему-то на их занятиях.

– Ты не бросишь меня, правда же? Если у тебя будет целая школа долбоящеров, я все равно останусь твоим учеником? – на полном серьезе спросил Эрмир.

Услышав слово «долбоящер», Гай засмеялся, но тут же ответил:

– Ты моя семья, дуралей. Это навсегда. Я тебе говорил, ты не того боишься. Когда ты станешь взрослым, умным, женишься и съедешь от меня, я буду надоедать тебе своими визитами, как надоедаю Кайлин и Ордъёраину или Мальшарду с Карин. От меня трудно избавиться.

– Кайлин и Ордъёраин, равно как Мальшард с Карин всегда рады тебе, не надо тут... – улыбнулся Эрмир, – и, кстати, я не хочу съезжать никогда. Кто будет в камине огонь разводить, если не ты?

В дверь постучали. Гай бросил взгляд на часы. Почти полночь. Эрмир нахмурился.

– Может, ну их? Пусть завтра приходят, это не кто-то из близких точно.

Близкие дому Гая или заявили бы, появившись прямо в гостиной, или дождались бы утра.

– Я скончаюсь от любопытства, если не открою, – вздохнул, вставая, Гай.

На пороге стоял Киард, младший магистр школы Крамбль. Его Гай, точно, не ожидал увидеть. В последние годы они много общались, даже дружили, но Киард был не из тех, кто приходит в столь неудобное время. Он был чистокровным ведьмаком, поборником правил и этикетных устоев, даже официально считаясь изгоем чистокровного мира.

– Простите за поздний визит, – слегка поклонился он Гаю и, стоявшему у него за спиной с шоколадкой в руке любопытному Эрмиру.

Гай открыл дверь пошире и удивился еще больше, когда из-за широкой спины Киарда показалась его супруга – родная тетка Эрмира – Джамира.

– Добрый вечер, – улыбнулась она, входя следом за мужем.

– Что-то случилось? Что-то с моими родителями? – забеспокоился Эрмир.

– Нет, нет, у них всё отлично. Они вчера были у нас в гостях с Геларой и Ардридом, – поспешно заверила его Джамира, – Мы хотим поговорить совсем о другом.

Гай жестом пригласил гостей на диван и позвонил в колокольчик, вызывая из подпола «домового», приказал подать всем кофе, фруктов и трайфл гостям.

– Это очень вкусно – порекомендовал новый десерт Эрмир так, чтобы слуга это услышал, отчего тот едва не подпрыгнул от радости, ставя поднос на столик, после чего церемонно поклонился.

– Рад служить моим повелителям.

Киард и Джамира поблагодарили его, пряча улыбки. Им казались забавными манеры слуги в доме Гая. Они были здесь далеко, не впервые.

– Сложно это все собрать в голове, – вздохнул Киард, когда слуга удалился – Мы сегодня узнали, что четверо чистокровных мальчишек попали в беду.

Гай и Эрмир молча переглянулись.

– Отец одного из них приходится мне очень дальним родственником и является одним из немногих, известных мне, адекватным Ири.

– А его мать тоже была Тея. Погибла пять лет назад во время тайфуна. Приспичило ей травы собирать не вовремя. Ветвь сестры нашей с Аодари, бабушки Димрики, – вздохнула Джамира.

– Так вот, отец этого парня приходил сегодня ко мне с просьбой забрать его сына в Калантак и устроить правдами и неправдами в Крамбль или любую другую школу. У него какая-то травма руки. Обещал денег и всё такое...

– А самому позорно? – буркнул Эрмир.

– Нет, просто Зорах зол и обижен на него. Есть, в целом, за что. Но это еще один большой разговор, ради которого мы пришли бы в другое, более пристойное, время. Главное, что мальчишек надо забрать как можно скорее, пока они не натворили дел или с ними не случилось что-то худшее, чем до сих пор.

– Зораха мы заберем, – быстро добавила Джамира, – У нас есть все права и возможности для этого и, я уверена, что смогу его уговорить.

Киард кивнул.

– Но остальные – Юкра, Шуари и Риг. У всех троих отцы с бедами в головах, как говорит Эрмир, – он слегка улыбнулся. – Там история, возможно, для Верховного Совета, если говорить о причинах, почему эти мальчишки вообще оказались в таком положении. Но я не знаю, к кому обращаться и что делать с тремя бедолагами сейчас. Поселить у себя чужих чистокровных я не имею права, это слишком большой конфликт.

– В моей комнате они жить не будут – фыркнул Эрмир, обращаясь к Гаю, – к себе сели.

Киард и Гай засмеялись. Джамира укоризненно посмотрела на племянника и тоже улыбнулась, почувствовав, что Эрмир и Гай по умолчанию готовы взять контроль над этой ситуацией в свои руки.

– Раз дело пахнет Верховным Советом, мы притащим их к Кайлин и Ордьераину, у них места много, – постановил Гай, – по крайней мере, на первое время, пока я не найду здание для своей школы.

– Школы? – удивились гости.

Гай лишь руками развел:

– Дарик Волрктлар напророчил мне стать верховным магистром моей собственной школы до дня Зимнего Солнцестояния. Вероятно, речь идет о моих учениках в самом ближайшем будущем.

– Красную мантию тебе надо, – прицокнул языком Эрмир.

– Почему красную? Черную хочу...

Эрмир засмеялся, а вслед за ним остальные. Конечно, Киард и Джамира не ожидали, что их новость, несущую в себе столько проблем, воспримут так просто. И готовность решать эти проблемы окажется молниеносной.

Еще до того, как гости доели трайфл и выпили кофе, было решено, что все четверо отправятся с утра (в полдень) на Фиробархор. Эрмир успел побывать в Монире, где по словам родственника Киарда, квартировали мальчишки. Он мог легко доставить одним желанием всех туда. Сам Эрмир планировал ранним утром побывать в Лаукаре, поскольку обещал Аурэлю забрать его на денёк в Калантак, чтобы тот мог обновить гардероб и купить все необходимое к надвигающемуся учебному году.

Гай намеревался поспать подольше, подозревая, что скоро это станет для него роскошью.

Так и вышло. Гай выспался, а Эрмир за компанию с другом обошел несколько торговых лавок с одеждой, обувью и канцтоварами. За завтраком Гай слушал, как сложна жизнь того, кто не умеет останавливать порывы купить очередную дорогую тряпку. Аурэль, завтракавший с ними, смеялся в голос, слушая эти стенания. Эрмир так и не научился «не тратить деньги». Меньше, чем за два часа, он потратил 150 ашинов, хотя не собирался что-либо покупать вовсе. Просто забыл выложить из кармана летнего форита заработанные накануне гонорары.

Все лето картины Аурэля продавались в первой в Алаутаре «художественной галерее», открытой хорро Авророй, в Лаукаре. Та тоже была художницей и с недавнего времени решила, что «пора зарабатывать на высоком искусстве». Идея оказалась успешной. В галерее картины продавались лучше, многие посетители готовы были платить только за просмотр. За два месяца Аурэль заработал почти пять сотен ашинов и до сих пор не мог поверить своему счастью. В отличие от Эрмира, он готов был тратить деньги на дорогие шмотки. Слишком давно он не мог себе такого позволить. Он поссорился с родней, поступив в Сайнз, и спустя три с половиной года так и не помирился.

Аурэль был чистокровным калатари с Земли Хахад и у его родственников тоже было много «бед в головах». Для него заработанные «бешеные деньги» были символом самостоятельности и надежды на полную финансовую независимость. Он хотел это отпраздновать, купив два дорогих хальса, пять очень дорогих рубашек и кольцо из красного золота с камнем миликсанамарой, считавшимся проводником творческого вдохновения.

Гай слушал все эти стенания и откровения, тихо смеясь про себя Эрмир привнес в его жизнь много основательно подзабытых им самим проблем, возможные лишь в юности. Три года назад мысли об ученике и, тем более, своей школе его пугали, а не вдохновляли. Теперь в его доме крутились толпы друзей и девушек Эрмира, он был посвящен во все подробности их дел, проблем и романтических увлечений. Страх пропал. Гай понял, что его вовсе не раздражает подростковая среда (всем друзьям Эрмира ныне было от двадцати до двадцати пяти лет, по меркам Алаутара, это были еще подростки). Мысли о собственной школе давно бродили в его голове, он ничуть не возражал, что судьба, похоже, решила, что пора воплощать мысли в реальность.

После завтрака Гай и Эрмир полетели на Главную площадь, где договорились встретиться с Киардом и Джамирой, а Аурэль направился в гости к Лили, с которой дружил и часто ходил по театрам Калантака. После встречи с ней он собирался лететь в Сайнз, снимать квартиру на одного. Теперь он мог себе позволить жить без соседа.

Ровно в полдень Эрмир перенес Гая, тетку и ее супруга в знакомый ему северный район Монира. Тут пару недель назад он бродил с Ромара-Рия, Такхуром и сестрами двойняшками из Лаукара. Они ходили на романтический мюзикл в здешний театр. Иланка и Такхур встречались, Ромара-Рия и Эрмир тоже иногда проводили вместе ночи, но старались не упоминать об этом в компании. Друзья знали. И то, что это отношения без обязательств и то, что дружба для них важнее романтики. Гай называл отношения своего ученика и Ромара-Рия – дружба с привилегиями. Подобные же отношения были у Эрмира еще с одной девушкой Лиерели – ведьмачкой марбо, учащейся в Отанак. Эрмир пользовался женским вниманием и быстро научился строить именно отношения без обязательств.

Он был воплощением Мертвого Ветра и не мог позволить себе или девушкам влюбляться по-настоящему. Его жизнь обещала быть длиннее, чем у всех них вместе взятых, фактически вечной. Отношения с обязательствами следовало заводить только с равными, иначе пришлось бы пережить и супругу, и детей и праправнуков. И Эрмир и его подружки это прекрасно понимали.

Не имевшие подобных препятствий Лиодаль и Лили, Иланка и Такхур, Дарья-Ри и Зриер встречались по-настоящему, как говорил Гай: «любовь-морковь по самые помидоры».

Оглядевшись по сторонам, Гай удивленно присвистнул:

– Какое живописное место!

Дома в Монире по славной ведьмацкой традиции облицовывали камнем, но тут преимущественно голубым и светло-зеленым, вставляя в облицовку мозаичные цветные плитки. На солнце эта красота переливалась и сверкала. Булыжные мостовые, свешивающиеся на тротуары ветви из чужих садов, клумбы и фонтаны, обложенные синим и зеленым камнем на перекрестках каждых двух улиц – это был самый красивый из всех типичных ведьмацких городов. А то, что Монир был именно ведьмацким не было никаких сомнений: планировка домов, широкие улицы, выделенные проезжие части для конных экипажей и верховых, отсутствие отдельных торговых лавок (ведьмаки предпочитали огромные рынки, где можно было за один раз купить сразу все, а не ходить по отдельно-стоящим магазинам) – все было в ведьмацком духе.

– Ноюрсет сказал, мальчишки поселились на окраине, в конце улицы «Южный Предел».

– Ближе к портовой части, я знаю, где это, – кивнул Эрмир, – там дома дешевле всего.

Жители Монира провожали их заинтересовано понимающими взглядами. Особенно Эрмира и Гая. Оба были в солнечных очках, популярных лишь на материке Извир, Эрмир, к тому же, был подстрижен по последней столичной моде (этой моде было уже три с половиной года, в Калантаке молодежь полюбила парикмахерскую «модельные стрижки», открытую некогда хорро Чинуком и Сарасвари). Гай вертел головой по сторонам, осматривая «всякую ерунду» вроде клумб и фонтанов. Киард и Джамира могли бы сойти за местных в теории, даром были чистокровными ведьмаками пальори, но шли обнявшись, а это было не принято среди ведьмаков Фиробархора, как чистокровных, так и обыкновенных. Сразу видно – туристы из больших городов.

В Монире, Тарда, Тодоре и еще четырех больших портах были плиты хазалита, позволявшие путешествовать налегке (сняв с себя все зачарованные предметы, в том числе избавившись от уменьшенных), туристы тут не были редкостью, даже те, что прибывали иначе, чем на пароме из Улимера и кораблях. Несколько раз по пути они встречали подобных себе «неместных», любующихся местной архитектурой и нахваливающих местную кухню – пальори, марбо, калатары, аркельды. Туристов невозможно было перепутать с жителями Фиробархора. Последние были сдержанней и не любили бродить без крайней необходимости «по жаре». 18 статики (+28 по Цельсию) для ведьмаков было «жарко». Они не боялись и не избегали жары, просто не любили. Киард вовсе наложил охлаждающее заклинание на свой летний шелковый форит и ботинки. Джамира предусмотрительно взяла с собой шляпу с широкими полями. Гай летом не носил форитов или хальсов, ходил в легких рубашках и не менее легких коротких жилетах, чуть закрывающих пояс брюк. В одних рубашках без форитов, хальсов или жилетов в Калантаке разгуливать по улицам считалось моветоном и безвкусицей. Эрмиру же никогда не бывало жарко. Как маг Воды он легко мерз, но лаукарские «+40 С в тени» для него были – «ну, тепло, да».

Местные одевались просто, преимущественно в хлопковую, льняную, шерстяную и из волокон травы шикит одежду. Здесь ходили в рубашках, часто с закатанными, или еще хуже, короткими рукавами (по меркам снобов из Калантака), простых, никак не украшенных, легких платьях, сарафанах (тоже форменный кошмар по меркам столичного или лаукарского

туриста, правда по другой причине – легко обгореть, шелушащаяся и покрасневшая кожа тоже считалась моветоном), штанах до колен. Здесь мало кто летом носил украшения, зато не стеснялись ходить с большими корзинами для покупок (как какие-нибудь каро).

По улицам многие ездили в повозках и верхом. Ближе к портовой части города им навстречу попала повозка, запряженная похожими на больших ослов (размеров с лошадь тяжеловоза) животными.

– Якулы! – обрадовался Гай, который видел этих зверей во второй раз за все 26 с лишним лет жизни в Алаутаре.

Ведущий под уздцы якулов ведьмак снисходительно улыбнулся, услышав этот возглас. Киард засмеялся.

– Они правда упрямые и своенравные? – уточнил Гай, подумав об ослах Внутреннего Поля.

– Они глупые и минимально обучаемые, – улыбнулась Джамира, – Их водят под уздцы, потому как они не пойдут сами, не понимают, что надо куда-то идти. Однако они выносливые, малочувствительные и безобидные. Любая лошадь своенравней в сто раз. Но если якулы едят, пьют или спят, их бесполезно пытаться отвлечь от этого занятия, стой жди, пока они утолят жаду, голод или выспятся. Есть поговорка отруби голову якулу и она продолжит спать или есть без тела.

Улица «Южный Предел» вела из города и обрывалась у поля, где свободно паслись шуршеры (почти овцы, но с короткими ветвистыми рогами и длинными изящными ногами). Чуть в стороне лежала дорога в портовую южную часть города, разделенную с северной речкой Моникей. Через нее был перекинут добротный широкий каменный мост, сразу за которым находился рынок и начинались склады и мастерские.

Последний дом на улице «Южный Предел» выглядел самым запущенным и маленьким. Облицовка кое-где отвалилась, забора нет, сада тоже, окна на первом этаже зимние – мутные. Вокруг было тихо и пусто, туристы сюда не забредали, дом по соседству с указанным Ноюрсетом пустовал, у входа стояла табличка «сдается» с адресом и именем того, к кому следовало обращаться по поводу съема.

Киард поднялся на узкое крыльцо и постучал в дверь дома мальчишек. Им открыл парень ведьмак, опирающийся на доску, выставив вперед небрежно перевязанную ногу. Лет восемнадцать, но очень высокий и сильный.

– Что угодно?

– Только поговорить. С Зорахом, но, если вам будет интересно, то и с вами.

Гай почувствовал, как мальчишка напрягся, смерил взглядом Киарда, увидел за ним Джамиру, Эрмира и Гая и сдался, беспомощно пожав плечами.

– Я не знаю, где Зорах, тут только я. Это я виноват.

– В чем? – машинально спросил Киард.

– Вы же не просто так сюда пришли, – фыркнул парень, – сами знаете.

Он блефовал. И врал даже в том, что в доме он один. Гай это знал.

– Мы не причиним вам вреда, мы узнали о вас от Ноюрсета. Он просил вам помочь, – быстро проговорил он, пока мальчишка не успел что-то предпринять, – Вы в сложившейся ситуации, пострадавшие, чтобы вы о себе не придумали.

– Мы можем войти? – не дожидаясь ответа, Киард аккуратно, но быстро подвинул очень крепкого с виду парня в сторону и проложил спутникам дорогу в темную гостиную.

Пахло пылью и прелым луком. Большой стол, два дивана и кресло вокруг кофейного столика у камина, у стены кухонный шкаф и дровяная печь-плита.

– Не бойся, – мягко улыбнулась Джамира, – вам нужна помощь, особенно тебе. Что у тебя с ногой?

– Таф укусил, – пробормотал Гордор, прекрасно понимая, что ничего не сделает с четырьмя взрослыми магами. От сильных магов шел особый, еле уловимый флер, от которого у него всегда слегка покалывало в районе солнечного сплетения. Когда он убеждался, что маг ему не опасен, покалывание прекращалось. Зорах говорил, что это сродни природному дару, хотя многие маги за пятьсот лет неведомым образом определяли себе подобных. Эйдарад тоже мог. В случае Гордора это было конкретным телесным ощущением.

– Что хочет от меня отец? – со второго этажа спустился парень постарше. Высокий зеленоглазый, с тонкими для пальори запястьями и чертами лица.

Гай шепнул Эрмиру:

– Еще один батъери, рожденный Тея.

Тот кивнул. Парень был одной с ним комплекции.

– Он очень болен, – также тихо проговорил Эрмир, – ему прямо сейчас настолько плохо, что безразлично, что мы с ним сделаем.

Гай чувствовал, что Зораху трудно стоять.

– Давайте, присядем и спокойно поговорим, – и сам сел на диван, выставив руки вперед ладонями вверх. Жест, показывающий отсутствие намерения нападать.

Киард и Эрмир последовали его примеру. Джамира сняла шляпу и обернулась к Гордору.

– Куда можно положить?

– Я подержу, госпожа, – слегка поклонился он, – у нас не слишком чисто...

Зорах применил очищающее заклинание, запахло лаймом, но сам он без сил опустился на диван рядом с Киардом. Слишком поспешно, чтобы подумать, что так было задумано, просто упал, успев замаскировать это под обычное действие.

Джамира улыбнулась и положила шляпу на стол, Гордор слегка расслабился и тоже присел на диван. Доску он использовал в качестве костыля, наступать на ногу он, очевидно, не мог вовсе.

– Твой отец пришел ко мне вчера и просил забрать тебя в Калантак. Мы родственники. Я – Киард, чистокровный Ири, слышал ты или нет, я изгой.

Зорах удивленно уставился на него.

– Тот самый Киард, магистр Крамбль? Я думал, чистокровные избегают вас.

– Скорее, я их, – улыбнулся Киард, – почти всех, но вот моя супруга.

– Джамира. Чистокровная Тея, – усмехнулась она, больше всего тому, как вытягиваются от удивления лица мальчишек, – Так что я тоже твоя дальняя родственница, но по матери.

– А вы? – не сдержал любопытства Гордор, обратившись к Гаю и Эрмиру, – Простите за неучтивость...

– Гай, тот самый создатель хоррора, это мой ученик...

– Мертвый Ветер... – Гордор побелел как полотно, глядя на Эрмира. Эйдарад рассказал вчера им историю с украденным кошельком.

– Я не кусаюсь, – предупредил тот, удивленно переводя взгляд с одного ошеломленного, испуганного ведьмака на другого.

– Он мой племянник по линии его матери, – подлила масла в огонь Джамира.

– Мы возместим весь ущерб, – облизав пересохшие губы, пробормотал Гордор.

– Какой? – нахмурился Эрмир.

Гай, разобравшийся в страхах парней, толкнул его плечом.

– Это сейчас не имеет значения, – быстро проговорил он вслух, – Вы нуждаетесь в помощи и лечении, чтобы вернуться к нормальной жизни.

– Мы будем все жить у вас? – скептически хмыкнул Зорах, быстро сообразив, что Эрмир не знает о них.

– У нас только ты. Мы можем и хотим стать альтернативными опекунами для тебя. Как ты догадываешься, мы не следуем правилам чистокровного мира. Твоя жизнь в нашем доме

будет жизнью двадцатилетнего аркельда в гостях у родственников, – пояснил Киард, – Однако остальных, опять же, вы понимаете причины, мы взять к себе не можем.

– Остальных я возьму в свою еще пока не открытую школу, – договорил за него Гай, – Я могу себе позволить любые расходы и конфликты, возможно, вы это тоже знаете...

Они знали. И Гай и Эрмир это ощутили сразу. История Эрмира, за которого его наставник заплатил триста тридцать тысяч ашинов (что по меркам Алаутара было немислимой суммой), чтобы замять скандал и возместить ущерб от его магической ошибки, благодаря которой о нем узнал Верховный Совет, была широко известна в мире чистокровных ведьмаков. Почти так же широко, как другая история, в которой Эрмир убил двух напавших на него пиратов в своем доме в Лаукаре. Оба пирата были чистокровными.

На Гая бы точили зуб многие сосланные на Шард, в магнитный разлом, бывшие пираты и бандиты, если бы не понимали, что это абсолютно бессмысленно. Гай был в дружеских отношениях с магами Верховного Совета и был аркельдом с магическим потенциалом в полторы тысячи лет. Такая сила считалась исключительной. Правда, главного большинство чистокровных не знали. Гай был воплощением стихии Огня. Это знал Эрмир и Киард, но не знали даже Джамира или родители Эрмира, что уж говорить о незнакомых Гаю чистокровных. Круг посвященных в эту тайну был узок: Верховный Совет, Стражи Порядка Калантака и близкие друзья Гая. Для всех прочих он был магом, способным прожить полторы тысячи лет. Впечатляюще, но, в целом, обычный, смертный, очень мощный маг.

– Я почти немаг, – вздохнул Гордор, надежда зажглась и тут же погасла.

– А я почти не учитель, – усмехнулся Гай, – Школа будет, чему-нибудь да научишься, я сам не знаю пока, как и чему буду вас учить.

– Зачем вам это? – удивился Зорах.

Гай пожал плечами и засмеялся.

– Ты не поймешь, ты ведьмак. Скуки ради. Я весьма богат и могуществен. Я считаю, что подобные избранники удачи должны возвращать этому миру его любовь к себе, делая что-то хорошее для мира и его обитателей.

Зорах и Гордор ошарашено переглянулись. Киард и Джамира улыбнулись. Они-то, в отличие от мальчишек, хорошо понимали, о чем говорит Гай, они знали его дольше.

– Да, наверное, не понять, – вздохнул Гордор и тут же добавил, – Я, безусловно, согласен. Я пойду в вашу школу. Это в любом случае, лучше, чем то, что есть у меня сейчас.

– Настоящий ведьмацкий подход, – усмехнулся Эрмир.

– Я, конечно, согласен пожить у вас, – слегка поклонился Зорах Джамире и Киарду, морщась от боли в левой стороне груди.

– Давайте, я доставлю вас уже к дари Кайлин и дарнику Ордъераину, – предложил Эрмир.

– Зачем?! – хором ахнули парни.

– Вас надо вылечить. Дари Кайлин непревзойденный целитель, она поймет, что с вами или, быть может, отправит в госпиталь во владения к дари Тасиме, – пояснил Гай, – Где остальные два ваших приятеля?

– Аримар в порту, пытается наняться на работу грузчиком, а Эйдарад ищет работу в заведениях портового района, что-то из разряда «подай-принеси», – с готовностью ответил Гордор.

– Скоро уже вернутся, вечером лекарь придет, – добавил Зорах, – я не знаю, что со мной. Вчера еще было все хорошо. Может, отец проклял.

– У тебя сердечный недуг, ты слишком перенервничал, – заявил Гай.

– Ночью мне казалось, я умираю, – признался парень, – страшно так...

– Вылечат. Это лечится, раз сейчас ты сидишь живой, – успокоил его Гай, – от сердечных недугов или умирают сразу или их можно вылечить. Вы не представляете, как повезло в этом жителям Алаутара, в других мирах дела с ними хуже.

– Я читал в книге хорро Юны... – начал было Гордор, но в этот момент в дом ввалились два парня, причем один тащил другого на себе. Тот, похоже, был без сознания.

Увидев сидящих в гостиной незнакомцев, парень охнул и застыл, решая, куда бежать и как это сделать с ношей на плече.

– Что случилось? Что с Эйдарадом? – Зорах вскочил, но Киард опередил его, молниеносно шагнув к незнакомому парню, аккуратно сняв с него второго, уложил на диван, из-за чего Гаю и Эрмиру пришлось встать.

– Жив, – кивнул Киард в ответ молчаливому взгляду Гая.

– Его ударило заклинанием «сакх», когда он менял погасшую световую сферу вручную. Он солгал хозяйину таверны, что умеет это. Тот обещал, что он придет в себя, но платить отказался.

Киард и Джамира застонали от полноты чувств.

Заклинание «сакх» – это заклинание, создающее и помещающее световую сферу в светильник или фонарь. По сути, сгусток энергии, до которого нельзя дотрагиваться без защиты. Вручную их заменяли, наложив на руку или перчатку простой энергетический или любой другой щит или перчатка должна была быть из дерева шудава, дымившее, от соприкосновения с любой энергией, отдавая с дымом эту энергию вовне.

Зорах налил в бокал воды.

– Он теперь пару дней будет как осенняя муха, – вздохнул он.

– Кто вы? – немного придя в себя и сообразив, что его друзья не выглядят попавшими в ловушку пленниками, спросил Аримар.

Киард и Джамира повторили ему рассказанное ранее. Аримар в шоке опустился рядом с Эйдарадом.

– Это слишком хорошо, чтобы быть правдой, – облегченно вздохнул он, – Какова цена?

– Ваше доверие, – усмехнулся Гай, – Доверие и готовность принять новые правила вашей жизни.

– Я готов, – хмыкнул парень.

– Собирайте вещи, – предложил Киард.

Парни переглянулись.

– У нас их нет, – улыбнулся Гордор.

Зорах вытащил из стола кошелек Эрмира и бросил хозяйину.

– Там больше, чем у тебя украли, в счет компенсации ущерба.

– Ладно, теперь мы точно можем перемещаться, – улыбнулся тот, сообразив, кто его ограбил, – цепляйтесь друг за друга и за меня...

Аримар ухватил руку Эйдарада и второй рукой Гордора, которого уцепил Эрмир. Киард, Гай и Джамира, забравшая со стола свою шляпу, взялись за руки, а Гай цапнул за локоть еще и своего ученика.

Миг спустя все стояли в гостиной первого этажа в доме «на холме», принадлежащем двум Верховным Магам Алаутара – Кайлин и Ордьёраину.

Глава 2

Сказать, что Кайлин и Ордъераин были в шоке от обрушенных на них Гаем и Киардом новостей, это ничего не сказать.

Осмотрев всех мальчишек, Кайлин отправила во владения дари Тасимы Зораха, диагностировав у него рану «черной печали» – сердечный недуг, не слишком серьезный, но требующий времени и магии Силы Жизни. К тому же, у Зораха неправильно срослись кости запястья, их нужно было заново ломать и сращивать по всем правилам. Чтобы процесс восстановления шел быстрее, ему нужно было пожить во владениях Силы Жизни.

Когда стало понятно, что раньше, чем через три-пять дней Зорах к ним не переедет, Киард и Джамира засобирались домой. Однако прежде их пригласили на обед.

Эйдарад, Гордор и Аримар отдыхали у себя в комнатах. Эйдарад пришел в себя, но слабость и состояние оглушенности не могли пройти быстро, в лучшем случае к следующему вечеру. Привести его в чувство раньше было невозможно.

Рана Гордора была простой, но без должного лечения заживала бы долго и, скорее всего, оставила бы его хромым навсегда. Теперь же он должен был поправиться в течение недели. Аримар, хоть и был здоров, но крайне вымотался. Он умел скрывать усталость, тревогу и печаль, именно потому его организм был истощен больше, чем у всех остальных мальчишек. Оказавшись в кровати и поверив, что в безопасности, он отключился и проспал почти сутки.

За обедом вновь обсуждали странную школу, открытую на Шарде бывшими пиратами, откуда сбежали мальчишки пальори. Если бы сбежал только Зорах, никто бы сильно не удивился. Парень с магическим потенциалом в 900 лет в конфликте с отцом, пытавшимся доказать ему, что не только магия имеет значение. Это было бы воспринято как частное дело одной семьи. Школы боевых искусств могли быть открыты где угодно и кем угодно, никто бы не обратил внимание на еще одну. Но вот то, что опекуны изыскали способ отказаться от опеки, фактически вернув детей родителям, утратившим родительские права – это настораживало. И еще больше то, что нахождение в школе не было добровольным и туда отправляли тех, кто не закончил немагическую школу. Обычно в школы боевых искусств не брали тех, кому не было 20 лет.

Формально придаться было не к чему, изматывающие тренировки, наказания в виде дополнительных физических упражнений и отсутствие бытовых удобств во всех школах боевых искусств считались нормой. В стенах школы детям не наносилось телесного вреда, неукоснительно соблюдалась техника безопасности при обращении с оружием, никого не морили голодом, не били и не унижали напрямую. Родители знали устав школы и соглашались с ним, надеясь научить стойкости, боевым искусствам и смирению перед иерархией чистокровного мира. То, что Гордор и Эйдарад жили не в школе, а в домах своих отцов – опять же частные случаи. Можно было бы наказать их опекунов за пренебрежение родительскими обязанностями, если бы это были не родственники отцов мальчишек – парни в гостях у близких им по крови, не придаться.

– Нам надо закрыть этот притон традиционных чистокровных идеалов, – безапелляционно заявил Ордъераин, – Найти повод и закрыть. Ничему хорошему они там никого не научат, раз уж парни пальори, выросшие в чистокровных домах и приученные к кнутам и подвалам, бегут оттуда...

– Интересно, они первые и единственные дали оттуда деру? – вслух подумал Кадъераин, Страж Порядка Калантака, чья семья по-прежнему жила во владениях Кайлин и Ордъераина.

– Нам нужен Волрктлар, – вздохнула Кайлин, – Нам надо знать наверняка, что там происходит и сколько таких бедолаг бегают по миру, если бегают. Возможно, эта четверка действительно первые беглецы. Сказал же Гордор, что не будь Зораха с ними, он сам до сих пор был бы

сослан на Шард. Одно понятно, мальчишки воспринимают эту школу как ссылку в магнитный разлом. Нельзя, чтобы туда ссылали молодых и не желающих там быть.

– Так, господа, с этим, я уверен, мы рано или поздно разберемся, вернемся к моим шуршерам, – отложив вилку в сторону встрял в разговор Гай, – Где мне взять здание для моей школы?

Все сидящие за столом засмеялись.

– Они уже твои шуршеры? – смеясь, уточнила Светлана. Шуршеры слишком походили на овец, чтобы не догадаться, какая поговорка была переведена на пардэн.

– А кто они после того, что натворили? – пожал плечами Гай, – Шуршеры и есть. Пока я не пойму, как быть полноценным верховным магистром, моя роль в моей школе – роль пастуха, чтобы мои шуршеры дожили до возраста полной силы.

– Ты себя мощно недооцениваешь, – махнул на него рукой Ордъёраин, – Эрмир свидетель, ты отличный учитель.

– Истина, – кивнул тот.

– В Розовом торговом переулке напротив нашей кулинарной школы продается здание гостиницы, – вспомнила Малика. – Что может быть идеальнее для небольшой школы?

– Я все переделаю как надо, – тут же заверила Арикарда.

И она и Дарк также были за столом. Вопреки традиции, в этот раз именно обед собрал всех обитателей дома в столовой. Обычно все вместе собирались только на ужин. Лис Барт доел свою ножку кушараль и, облизнувшись, сказал:

– Мне надо срочно поспать, чтобы узнать обо всем этом побольше. Вынужден откланяться, – и сбежал прочь.

Халиф тоскливо проводил его взглядом, Барт мог смотреть чужими глазами на мир, пока спал. Никто не удивился его намерению заглянуть в странную школу глазами ее нынешних обитателей.

Иви потрепала прошедшего мимо нее Халифа по загривку.

– Не грусти, я с тобой поиграю.

Иви недавно исполнилось восемнадцать лет. Чем старше она становилась, тем больше походила на батъери. И все же, вкус феликаса она описывала как истинная пальори. Волкрлар уверял, что она пальори, просто рожденная в мире, где могла выглядеть только так. Иви родилась в Шактуре, но об этом знал лишь Верховный Совет, семья Кайлин и Ордъёраина, ее приемные родители и нашедший ее на дороге в снегу Гай. Иви была не слишком высокой, голубоглазой, стройной и гибкой девушкой, немного похожей на Эрмира, что было неудивительно, учитывая, что двоюродный дед Эрмира был ее отцом. Об этом не знал даже Эрмир, только ее приемные родители, Волкрлар, Гай, Кайлин, Ордъёраин и Дамард со Светланой. Сама Иви или ее настоящий отец также не были в курсе своего родства друг с другом.

Феликасом решили накормить и Зораха, чтобы точно знать, батъери или все же пальори. Феликас представлял собой стебель съедобного растения и имел различный вкус для представителей разных рас Алаутара. Зорак мог легко оказаться батъери. Чистокровный женский клан Тея время от времени рождал мужчин батъери, вот только Зорак не был при этом оборотнем, то есть не унаследовал очевидную магию клана матери, но и клановую магию отца – по капле крови определять болезни и знать о ком угодно что угодно, если память об этом хранило тело этого кого-то – тоже не унаследовал. Он был просто сильным магом, каких и в клане Ири и в клане Тея было немало.

После обеда все разошлись по своим делам.

Гай, Малика и Арикарда отправились смотреть и покупать здание для школы. Киард, Джамира и проводивший их в Калантак одним желанием Эрмир решили сходить в гости к родителям последнего, рассказать о новостях и предупредить о надвигающемся новом совете чистокровных. Ноюрсет был полон решимости придать огласке «творящийся в школе на Шарде

произвол». Ему не сказали, что его сын сбежал не один и сообщили о побеге, лишь когда он сам пришел туда забрать Зораха в двадцатый день месяца Тиа. Зораху нужно было потерпеть двадцать дней и тогда сейчас он бы учился в Отанак или Крамбль, а Верховный Совет ничего не знал бы о «проблеме на Шарде».

Семья Кадьераина также отправилась в город вместе со Светой и Дамардом. Они хотели походить по магазинам. Иви теперь училась в Сайнз, ей нужно было делать покупки к учебному году. Светлана же должна была закупить все необходимое для кулинарной школы, где теперь была «директором». Малика преподавала в своей школе вместе с Аодари, Джамирой и выпускником факультета всеобщих знаний Сайнз, аркельдом Китаром, молодым, любящим поест аркельдом, всегда мечтавшим быть преподавателем.

Света взяла на себя все административные заботы, Дамард стал ее главным ассистентом.

Занятия в кулинарной школе начинались с десятого дня первого месяца осени Сьер. Теперь в школе было сорок учеников и полный курс занятий длился два года. Это не значило, что все ученики обязаны были учиться именно столько, кому-то хватало того, что они усваивали за полгода или год. В этой школе оплата была за месяц обучения. Рекомендовалось учиться два года, а дальше сами решайте. Все же, учащиеся кулинарной школы были взрослыми, занятыми рестораторами, владельцами таверн, поварами или желающими реализовываться на этом поприще.

В кулинарной школе Светланы и Малики учили готовить простую еду без магии. Все рецепты были взяты из мира Внутреннее Поле – манты, вареники, пельмени, равиоли, пицца, лагман, сырники, бургеры, чипсы и картошка фри, трайфл, тонкие блины, паста. Все это в Алаутаре было в новинку и воспринималось как «простые деликатесы». Некоторые повара после обучения усовершенствовали базовые рецепты магией. Имели полное право. В школе Светы и Малики учили «базовой классике».

Ордьёраин и Кайлин отправились в гости к Волрклару, а Дарк и Агелар решили проверить Лакшори – заведение Эвара, который в данный момент отдыхал с женой на Земле Хахад.

* * *

Гордор проснулся около пяти вечера от того, что кто-то на него внимательно смотрел. Открыв глаза, он встретился взглядом с темными умными собачьими глазами. Халиф, встав на задние лапы, внимательно разглядывал пришельца.

– Привет, – улыбнулся ведьмак и хлопнул по кровати рядом с собой, – прыгай сюда!

Халиф не стал заставлять себя долго просить, тут же залез на постель, лизнув гостя в нос. Тот засмеялся, обнимая собаку.

– Ты здесь живешь? – серьезно спросил он пса, теребя за загривок.

Халиф вновь лизнул его в лицо.

Когда-то у Гордора тоже был пес. Но его пришлось отдать. Он не хотел брать в дом опекуна собаку, которую тот обещал «сразу убить, если будешь себя недостойно вести». Расплачиваться за собственные ошибки ни в чем неповинному любящему его существу Гордор не мог позволить. Он попросил сестру и мать забрать Даши к себе. Те его любили, хоть Даши был предан только Гордору. Наверное, пес подумал, что он его бросил.

Халиф тьякнул, лег и уложил голову ему на грудь. Гордор перебирал пальцами его шерсть и думал о том, как вновь меняется жизнь. Три последних месяца были чудесными, полная свобода, все легко, нет страха, обид и гнева. Его приятели тяготились условиями, мучились угрызениями совести, постоянно о чем-то беспокоились и переживали. Он – нет. Не делай того, о чем будешь жалеть и все. Он не делал, потому внутри него жили покой и ясность. Подлецов тафов было не жаль, да и их он не убивал, не калечил, просто ловил, отбирал все ими награбленное и отпускал на все четыре стороны. Если бы последний гад его не укусил за ногу, он вовсе не считал бы свое существование вне закона чем-то плохим и нежелательным.

Сейчас же вокруг него была абсолютно шикарная обстановка. Он никогда не спал на настолько удобной кровати, спальня казалась огромной, а ванная вообще, как из сна. Нога больше не болела, его накормили потрясающе вкусное едой, его навестил чудесный пес...

– Только бы это было по-настоящему, – вздохнул он вслух.

Как и все в Алаутаре он знал в лицо Верховных Магов, их детей – Арикарду и Дамарда, а также спутников жизни тех. Картинки с известными персонами продавались всюду. У него с сестрой тоже был один альбом на двоих. Конечно, официально, альбом принадлежал сестре, но они оба знали, что он общий, никогда не говоря о том вслух. У парня Риг не могло быть таких дурацких увлечений, он не мог хотеть читать дурацкие сказки о других мирах, как его сестра – поклонница книг хорро Юны. Он читал их втихаря, пока отец не видел. Сестра знала и готова была покрывать все его дурацкие увлечения – картинки, сказки, замки из песка на берегу шокрского залива

Семья Гордора жила в Шокре, после ссылки отца в магнитный разлом Гордору пришлось переехать в Байкур к новому опекуну, а после на Шард в крошечную, по сравнению с Шоком и Байкуром деревню, где жили сосланные в магнитный разлом пираты из кланов Риг, Шуари и Ири. Отец запрещал ему бывать в Офроне – нормальном, вполне цивилизованном городе в разломе, якобы там жили многие его кровные враги и должники. Гордор не раз нарушал этот запрет, два раза попадался, был наказан, но ни о чем не жалел. Если бы не его вылазки в Офром, он никогда бы не поверил, что Шард – красивое и пригодное для жизни место, что там есть вкусная, хоть и странная еда, веселые всеобщие праздники, очень необычный напиток – чай, своеобразная архитектура и много местных легенд: о духе перемен, говорящих дельфинах, огнях в горах Боратэя, охраняющих чайные поля хорро, способных остановить время для всех зашедших туда, и о многом другом. А потом Гордор сбежал с друзьями и увидел Фиро Монир и Фиро Тарда, Лаукар и Калантак. Там было столько нового и интересного. Теперь же он будто сам попал в сказку – его лечила сама дари Кайлин, воплощение Шторма Дарк достал для него из воздуха легкий прочный костыль, говорящий лис рассказал о том, как пользоваться кранами в огромной ванне. Он попробовал «ледяную пыль» – пирожное, о котором столько слышал. Его никто не заставляет что-либо делать, он просто лежит посреди дня в спальне, которая только его. Ах, да, этот странный господин Гай хочет взять его в свою школу и наверняка там будет лучше, чем в школе на Шарде.

Размышляя таким образом, он вновь задремал, а когда проснулся, Халиф уже ушел, затащив на постель его новый удобный летний сапог. Ордьеаин подарил ему комплект совершенно новой одежды, оставленной некогда в доме гостившим хорро Марутом, но то Гордору знать было необязательно.

Облачившись в новую фланелевую темно-бордовую рубашку и летние плотные черные брюки, он решил проведать Эйдарада и Аримара и заодно осмотреться получше. Никто ведь не запрещал ему выходить из спальни, тем более, дали костыль, не по комнате же ходить с ним.

Спальня Аримара была напротив. Тот беспробудно спал. Гордор не стал его будить, отправился в соседнюю комнату к Эйдараду. Тот открыл глаза сразу, как только Гордор его позвал по имени, но не сразу узнал. Господа Киард и Кайлин говорили, что какое-то время Эйдарад будет сам не свой.

– Как ты? – спросил Гордор, усевшись на край постели приятеля.

Тот повернулся на бок лицом к нему, сосредоточившись и лишь после ответил:

– Странно. Как будто в тягучем сне. Не я совсем.

– Пройдет завтра, – пообещал ему Гордор.

– Где мы? Я вроде знаю, что все хорошо, но не помню почему.

Гордор все ему рассказал. Некоторые фразы приходилось повторять по два – три раза, чтобы дошел смысл. В итоге Эйдарад вздохнул и улыбнулся:

– Это был счастливый кошелек. Так действует судьба.

Гордор не понял, что он имеет в виду, но переспрашивать не стал. Эйдарад устало прикрыл глаза и Гордор отправился дальше исследовать потрясающе красивый, огромный дом. И у Аримара, и у Эйдарада, и у него самого были огромные спальни, у него еще и со смежной ванной, но между спальнями Аримара и Эйдарада была еще одна шикарная ванная комната. В коридорах горели чудесные картины из светильников. Дальше по коридору несколько комнат оказались заперты, зато за ними он нашел столовую и уютную гостиную. В гостиной его встретил лис Барт, умевший говорить – настоящий магический лис Эфирного леса, что на острове дарика Волрклар. Дальше Гордор не ушел, лис заговорил его до самого ужина, рассказывая о мире, Калантаке, доме Кайлин и Ордьеаина, магических животных, устройстве ванных комнат (Гордор привык к душевым или ведьмацким купальням). Вскоре к ним присоединился Халиф и лис уговорил Гордора попробовать выйти с ним и Халифом на прогулку. Его легко было уговорить. Спустя пятнадцать минут он стоял на крыльце, вдыхая прохладный морской воздух. Лис и Халиф затеяли догонялки во дворе. Он с удовольствием наблюдал за их прыжками. Дом был огромен, мир был огромен и его жизнь казалась ему огромной и прекрасной, несмотря ни на что.

* * *

Тем временем Гай купил гостиницу – трехэтажное здание между лавкой фруктов и лавкой сладостей. К трем наземным этажам прилагался еще один подвальный этаж, как водится, с кухней, кладовками и тремя квартирами для слуг каро (небольшие комнаты, совмещенные с душевыми). На первом этаже была таверна, общая для всех гостей гостиницы комната. Арикарда, осмотрев все, обещала предложить Гаю несколько вариантов перепланировки в ближайшее время.

– Через неделю можешь открывать свою школу, – улыбнулась она.

За прошедшие годы она стала непревзойденным архитектором, дизайнером и одновременно исполнителем своих проектов. Впрочем, от помощи она никогда не отказывалась и Гай не сомневался, что Ордьеаин и Мальшард с радостью помогут им в магической перedelке здания.

Прежний хозяин с супругом уехали на юг доживать «последний глоток жизни» без забот и проблем. Гай вновь подумал, что Волрклар прав, все всегда «случается вовремя».

Малика неожиданно предложила учить его студентов готовить.

– Они же почти не маги, им точно пригодится, – заявила она.

Гай не мог с ней не согласиться.

– И близко ходить на занятия, – кивнул он на здание кулинарной школы на другой стороне Розового торгового переулка.

– Их надо учить как-то зарабатывать на жизнь, может, имеет смысл сделать на первом этаже торговую лавку, будут подрабатывать, пирожками торговать собственноручно сделанными, – смеясь, предложила Арикарда.

– Тоже дельная мысль...

* * *

В это же самое время Эрмир сидел в гостиной родительского дома, слушая краем уха о том, что все чистокровные ведьмаки должны знать о ситуации со школой на Шарде, принадлежащей сосланным пиратам.

Сестра Эрмира – Гелара и брат Ардрид тоже были тут. Гелара поступила в Крамбль, школу изобретателей и инженеров, была собой бесконечно горда и с нетерпением ожидала начала учебного года. Ардрид подsunул брату свои новые стихи «оценить в свободное время».

Эрмир никогда не критиковал его творчество, стихи были не плохими, учитывая, что их автору не так давно исполнилось четырнадцать лет, правда некоторые были наивными и слишком личными. Отец тоже не критиковал их, но некоторые запрещал показывать «вне семьи».

Как раз наивные и личные. Ардрид не видел в этом проблемы, его радовал сам факт, что ему разрешили «стать поэтом».

В пальорских семьях и, особенно в чистокровных, подобные устремления не приветствовались старшими кланов. Забавно, что из всех детей Нирдэра, «одобряемые чистокровной общиной стремления» были у дочери и сына супруги от первого брака, ставшего строителем в Мильде. Оба его собственных сына при этом занимались «ерундой» и хотели сделать это своей жизнью. Нирдэр смирился, лишь порой посмеивался над этим фактом. На самом деле, ему нравились стихи Ардрида и творчество Эрмира, он теперь открыто об этом говорил и жене, и детям, и близким друзьям. Однако, будучи частью чистокровной общины, не признавался в этом «вне ближнего круга».

Пока Киард и Джамира делились новостями, Эрмир читал стихи и рассматривал чертежи Гелары, благодаря которым ее приняли в Крамбль. На одном явно был стол-фондюшница из гостиной Гая.

– Эрмир, как ты считаешь, идея со школой господина Гая – это вопрос какого количества времени? – отвлек его отец.

– Думаю, недели, максимум двух, – не задумываясь, ответил тот, – здание, его переделка, наем каро, которые будут кормить его шуршеров, то есть учеников, – поправился он, улыбнувшись, – занятия могут начаться и позже, но школа откроется быстро.

– Мы не ожидали такой скорости решения этой проблемы, – вновь повторила Джамира, – Мальчишкам повезло.

– Господин Гай будет присутствовать на совете чистокровной общины? – вдруг спросила Гелара, – Он ведь решает их проблемы вместо них...

– Он не захочет, – остановил ее Эрмир, и потом, он не ведьмак, даже меня туда не пустят, его тем более.

– Я тоже не пойду, – вдруг заявил Нирдэр, – Кто-то из моих племянников обязательно захочет посетить это мероприятие и расскажет подробности.

– Почему не пойдешь? – удивился Киард, – Возможно, во мне говорит преподаватель, но я считаю, что школы, куда «ссылают детей» не должно существовать.

– Я согласен с тобой, – кивнул Нирдэр, – И все же проблема не в школе, а в отцах, которые ссылают туда детей, зная, что и как там происходит.

– Может, не знают... – предположила мать Эрмира – Аодари.

– Я так понял, Ноюрсет Ири возмутился лишь потому, что его не предупредили о побеге сына, все остальное он знал, читал устав и правила школы, знал, что она в магнитном разломе, но послал туда сына – сильнейшего мага, возможно, более сильного, чем он сам. Хотел подчинить его, сломать, заставить уважать себя, но перегнул и испугался, возможно, пожалел о содеянном. Оттого такой запал навесить на эту школу позорное клеймо. Он просто обеляет себя для себя же. Я не могу его осуждать после собственных ошибок, но и облегчать жизнь ему и ему подобным не хочу. Каждый должен разбираться с дерьмом в своей голове сам.

– Все так, но в это время страдают дети. Если обелится один взрослый якул в своих глазах или чужих – это малая цена за не разрушенные жизни и психику молодых, – уверено возразил Киард, – Я не могу пойти на этот совет, меня слушать не станут, я не часть общины, но ты другое дело. Не хочешь сам, стань моим голосом.

Нирдэр задумался.

– Когда планируется этот совет?

– Все официально: сбор, приглашения, суть проблемы. В день Середины Осени не раньше, а, возможно, даже ко дню Зимнего Солнцестояния, – рассудил Киард.

– Я подумаю, время есть, – согласился Нирдэр, – Ты прав, но мне нужно время определить для себя, как я к этому отношусь. То, что плохо – безусловно, мне нужно понять собственные мотивы идти на этот совет.

Киард удовлетворенно кивнул.

– Мы точно пойдем, – решительно заявила Джамира, кивнув сестре, – Если опекуны пренебрегают своими обязанностями, то разумнее обращаться к матерям, а не к лишенным опеки отцам, если нет родственников и друзей с его стороны, готовых взять на себя опеку вместо того, кто фактически от нее отказался.

– Это можно обсудить тоже, – пожал плечами Киард.

– Шуари и Риг точно на это не согласятся, – хмыкнул Нирдэр.

– Потому они и населили разлом, – усмехнулся Эрмир, – они заинтересованная сторона, необъективная по умолчанию, если выставить их так, слушать их не станут.

– Ты становишься взрослым, – одобрительно улыбнулся Нирдэр, – Нам надо обсудить все это с кланом Шъир и Аури до совета.

– Я поговорю с Фремиком, – тут же согласился Киард.

– А мы с дедом, – подмигнула сестре Аодари.

* * *

– Ты затеял большую игру, но выбираешь невыгодную позицию и делаешь чересчур высокие ставки, – усмехнулся старый ведьмак пальори, откинувшись в своем кресле, – Торопишься, идешь на поводу у эмоций. Разве этому я тебя учил?

Сидевший напротив него Ноюрсет из клана Ири недовольно поморщился:

– Скажи, как ты видишь эту ситуацию? Что я упустил, по-твоему, господин Бригошкад?

Старик задумчиво посмотрел в окно.

Они сидели в библиотеке дома отца Ноюрсета – 768 летнего Бригошкада Ири, старейшины Фиро Гарьир, порта наиболее близкого к Фиро Штара. Тут на Главной площади был портал хазалита.

В Фиро Штара жило всего 710 жителей, 645 из которых были чистокровными пальори. Фиро Гарьир насчитывал 5050 жителей и всего около двухсот чистокровных пальори.

Окна библиотеки Бригошкада выходили в сторону моря, в небе над которым сегодня собрались штормовые облака.

– Мир сильно изменился за последние пять сотен лет, – вздохнул старик, – невозможно дальше делать вид, что это не так. Это понятно нам, видевшим своими глазами то, как было и помнящим, почему это был именно так, но непостижимо для тех, кто судит о прошлом с чужих слов. Особенно, со слов таких же молодых и глупых, как они сами. Нельзя спорить с дураками. Это бессмысленно. От того, что созданный тобой совет осудит действия твоих оппонентов и все узнают, что кланы Шуари и Риг вновь изыскали способ противопоставить друг другу магов и немагов – ничего не изменится. Ты лишь расскажешь большему числу чистокровных о школе, где из их балбесов хотят сделать знатоков боевых искусств. Они не услышат того, что это гарантированный способ воспитать из детей ненавидящих чистокровное наследие изгоев. Я не желаю, чтобы древняя магия исчезла из этого мира за следующие пять сотен лет.

– И что ты предлагаешь? – Ноюрсет высоко чтит ум и опыт отца. Не прошло и трехсот лет, как до него, наконец, дошло, что тот никогда ничего не делал из мотива причинить ему вред или позлить. Самому Ноюрсету было почти 480 и впереди у него было еще 250

Между Ноюрсетом и его отцом было много ссор, обид, они не разговаривали более ста лет. Все это в итоге не имело значения. Бригошкад был самым мудрым и влиятельным ведьмаком из всех, кого Ноюрсет знал.

– Я предлагаю тебе рассказать опекунам тех, кто сбежал вместе с Зорахом, о случившемся и о своем намерении созвать совет, акцентируя внимание лишь на том, что до твоего сведения не довели факт, побега Зорах из школы. Это первое. Второе – Киард не заберет остальных мальчишек в свой дом, он осторожен и умен. Он обратится к кому-то из своего окружения, кто способен пойти на столь опасный шаг легко и не задумываясь.

- Нирдэр Риг? – удивился Ноюрсет.
- Наставник сына Нирдэра, – усмехнулся Бригошкад.
- Ты уверен, что Гай это сделает? Тогда проблема будет решена...
- Какая именно?
- Гай обратиться к Верховным Магам и те просто закроют эту школу, – пожал плечами Ноюрсет.

– Они не станут закрывать эту школу. Это просто школа боевых искусств, со стандартными правилами. Они запретят официально брать в такие школы тех, кому нет двадцати лет или даже двадцати пяти. Возможно, заставят сделать в этой школе каникулы и обяжут возвращать детей магов из разлома через полгода обучения, что-то в таком духе...

– И это тоже решит проблему, почему нет...

– Какую? – повторил Бригошкад.

– Та ситуация, в которой оказался Зорах, не повториться...

– С чего ты взял? – надтреснуто засмеялся его отец, – Зораха в разлом отправил ты. Он же не мог тебя послушаться, будучи чистокровным и приученным к тому, что отец имеет власть над его судьбой. Разве он поехал туда добровольно? Разве ты счел бы его жалобы на соблюдение школой собственного устава достойными внимания? Разве не разочаровался бы он и не злился на тебя после того, как понял: именно так и было задумано – он беспомощен перед грубой силой? Учись владеть оружием и терпи. Разве после этого он пришел бы домой, сбежав оттуда? Это школа, сбежать оттуда легко при желании. Разве не решил бы он в итоге, что мир чистокровных ему не подходит и он должен уйти?

Ноюрсет вздохнул.

– Я доверял твоим решениям, даже если злился на тебя. Я бунтовал, но знал, что ты моя опора в жизни и желаешь мне добра.

– Тебе почти пятьсот лет. Пять сотен лет назад мир был другим, – оборвал его отец, – пятьсот лет назад чистокровным ведьмакам не приходило в голову, что преподавание, рисунки, цветочки и танцы могут обеспечить не менее достойную и комфортную жизнь, чем традиционно одобряемые пальори занятия и, тем более что можно отлично жить, не владея оружием. Где сейчас по-настоящему востребовано воинское искусство? Калатары с нами с удовольствием торгуют, пираты среди них перевелись, тафов все ловят магическими приемами. Турниры – да. Но это только одна сторона жизни, которая далеко не всем интересна. Еще воинское искусство востребовано у пиратов. Так зачем оно твоему Зораху? Пятьсот лет назад тафов было в сорок раз больше, на Фиробархоре было всего три плиты хазалита – в Тодоре, Монире и Тарда, не было сфер белого огня и леталок и еще много чего не было, в том числе восьми портов Фиробархора, что есть сейчас. Морские и сухопутные пути были опасными и долгими, сообщение с городами слабое, калатары неохотно торговали своими уникальными товарами. Пираты были не бандитами, а благодетелями, благодаря которым ведьмаки обретали новые технологии и знания, изучая и адаптируя для себя их изобретения. Сейчас это просто бандиты, убивающие своих же чистокровных соплеменников, чего раньше ни одному пирату в голову не пришло бы. Сейчас пираты хуже тафов, потому что, в отличие от последних, умеют владеть оружием. Ну и? Зачем ты засунул Зораха в магнитный разлом? Зачем поставил в зависимость от немагов с темным прошлым? Он сделал совершенно логичный вывод: быть чистокровным – значит делать то, что претит и зависеть от идиотов. А его отец поддерживает это. Зорах знает, что легко проживет, занимаясь цветочками и благовониями, знает, что в настоящем мире эти занятия дадут ему комфорт, деньги и уважение окружающих, он не интересуется турнирными видами спорта и знает, что мир безопасен для мага его уровня вне магнитного разлома. Что ему мешает жить хорошо и быть счастливым?

– То, что он чистокровный, – кивнул Ноюрсет, не находя ни одного аргумента, чтобы оспорить слова отца.

– Опять неверный ответ. Ему мешает отец идиот, – засмеялся старик, встав из-за стола и обойдя кресло сына, хлопнул того по плечу, отошел к окну.

Ноюрсет вовсе не оскорбился этим замечанием, он был согласен с отцом, невозмутимо спросив:

– Это все было во-вторых, что же в-третьих?

– В-третьих, тебе следует запастись терпением, не торопись с этим советом. Надо чтобы ситуация проявилась целиком, – с готовностью продолжил Бригошкад, – Верховные Маги дадут свою оценку происходящему, решат, что делать с нарушившими закон мальчишками, примут меры со своей стороны в отношении школы. Опекуны определяться со своей ролью в воспитании мелких пакостников. Ждать. Сейчас тебе следует ждать. Назначай совет на день Зимнего Солнцестояния, не раньше. И темой совета заявляй не проблему с конкретной школой, а то, что наши дети тяготятся чистокровным миром не потому, что молодые и глупые и не понимают своего счастья, а из-за ограничений и правил, которые в сегодняшнем мире потеряли смысл. Почему мы запрещаем выбирать школы по сердцу? Чистокровные маги живут долго, любая магическая школа раскачивает потенциал мага. Какая, в сущности, разница, чему они учатся с 17—18 до 20—30? Раскачали потенциал, попрыгали на сцене, повозились с вытяжками для благовоний и что? Впереди 500 лет и больше, чтобы учиться чему-то действительно полезному, с голода не умрут, любой ерундой, которую преподают в магических школах, можно заработать на жизнь. Почему мы не даем нашим детям возможность убежаться в нашей правоте, если вдруг они действительно выберут дурацкую школу и разочаруются после? Они легко исправят свою ошибку. Этот Мертвый Ветер в Сайнз завел настолько потенциально выгодные знакомства, что даже мне завидно – дети судостроителей, владельцев грузоперевозок, кофейных плантаций Калидара, верховных магистров школ, известных врачей, внук самого Модирмаха! В будущем эти детки станут владельцами иллюзионов и театров, их семьи принимают этого Эрмира в своих домах в любое время. Да только ради этого стоило туда идти! Ну, играет он на рояле и альте, кстати, я себе заказал этот музыкальный инструмент у господина Аматида, – Бригошкад махнул рукой, – Он не станет танцором или музыкантом, он уже сейчас зарабатывает тем, чему его в Сайнз точно не учили, хорошие деньги имеет. Эта школа дала ему полезные связи на долгие годы. Разве плохо? Вот о чем следует говорить на совете, который ты созываешь. Многие, что раньше было обосновано, сегодня себя изжило, – Бригошкад закрыл верхнюю створку окна и сразу в стекло врезались капли дождя.

Он успел удивительно вовремя. Ноюрсет знал всегда, что его отец обладает этим странным даром – все делать вовремя, даже если в последний момент. Он знал, что даже если сейчас хочется возражать и спорить, завтра станет очевидно, что отец абсолютно прав.

– Думаешь, Зорах не вернется?

– Вернется. Ты дал ему позволение жить самостоятельно, но не изгнал его. Хоть в этом ты поступил разумно. Ты не сказал, что он мертв для тебя. Фактически, он может вернуться, когда захочет. Однажды он так и сделает. Обычные подростковые капризы, не бери в голову, – усмехнулся Бригошкад, – И ты и твой брат так поступали не раз.

– Я так не поступал, – запротестовал Ноюрсет.

– Не в двадцать, но в сто пять и в сто восемьдесят лет, – хмыкнул его отец.

Ноюрсет вспомнил те крупные ссоры, теперь казавшиеся очень глупыми, и не стал возражать. Однако пообещал себе избавиться от привычки считать сына подростком в его 105 и 180 лет. Это тоже пережиток прошлого – тотальная зависимость от своего клана. Не нужно это. В конце концов, сам он стал ощущать себя взрослым только, когда сломал в своей голове установку, что отец лучше знает, как ему надлежит жить и что думать. Невозможно повзрослеть по-настоящему, оставаясь в своих глазах «молодым и глупым».

– Останься сегодня у нас, мать будет рада, сыграем в Вадрику, – предложил отец.

Ноюрсет не отказался. Его родители давно вошли в возраст «последнего глотка жизни». Осталось не так много времени, чтобы побыть с ними, набраться мудрости. Да и просто сохранить в памяти побольше теплых моментов.

После смерти жены он часто думал, что его собственная старость будет безрадостной и одинокой. Дети вырастут наверняка переедут с Фиробархора. Впрочем, не факт. Он сумел оставить в Штара обеих дочерей, пригласив унаследовавшую опеку над ними племянницу погибшей супруги в свой дом жить до возраста полной силы младшей дочери. Обе его девочки уже поступили в магические школы в Тодоре. Старшая дочь в школу кораблестроителей, младшая – в школу травников. Зорах тоже рвался туда. Он не разрешил. Для девушки заниматься травами и цветами, делать целебные масла, настойки и благовония для ванн – позволительно, для парня просто смешно. Возможно, Бригошкад прав. Лучше бы Зорах потратил впустую четыре года, чем потерять сына. Быть может, Зорах разочаровался бы раньше в таком образовании. Сейчас же непонятно вообще, увидит ли он его когда-нибудь вновь. С дочерьми у Ноюрсета никогда не было проблем. Он их просто любил, и они не рвались из дома, весь свой первый курс младшая Верана все неучебные дни проводила дома, ни в какую не хотела «отрываться от родного гнезда». У Ноюрсета всегда были теплые отношения с обеими дочерьми, и они ничуть не тяготились тем, что чистокровные. Все потому, что он не имел права диктовать им как жить, а его супруга, и после ее родственница не считали давление и жесткие рамки благом.

Бригошкад абсолютно прав, пора пересматривать старые правила, иначе дети откажутся от всех правил вовсе, уходя из чистокровной общины навсегда.

* * *

– Нельзя закрывать эту школу! – в столовую залетел лис Барт, запрыгнул на свой стул и отряхнулся, прежде чем оглядеть стол, раздумывая, что он хочет съесть.

Все уже собрались за ужином. Гордор тоже пришел и никто не счел его нахождение за столом неуместным. Ужин получился поздним, ждали Дарка и Агелара из Лакшори и заодно обсуждали трагедию в семье Волрклар.

У Волрклара умерло сразу три старенькие лисы из тех, что жили в его саду. Остальные восемь старичков очень переживали, да и все семейство Волрклара тоже. Магические лисы жили по 200 лет, к ним привязывались все, с кем они рядом жили. Волрклар, по словам Кайлин и Ордъёраина, решил побыть с семьей. Однако услышав новости, сказал, примерно тоже, что Барт только что: «школа должна быть, пригодиться еще не раз, но некоторых учеников оттуда следует забрать».

– Я посмотрел глазами всех там вокруг. В школе сейчас семь учеников и пятеро из них абсолютно счастливы там быть, а вот двух многое тяготит, – доложил лис после того, как слуга каро положил ему на тарелку мясные медальоны со сливочно-сырным соусом и поставил перед ним блюдо с молоком.

– Господин Гордор, что молчим, поделись с нами, кто там у вас такой счастливый был? – улыбнулся Гай.

Мальчишка явно робел и стеснялся в столь высоком обществе, но видя, что ему улыбаются, ответил:

– Школа принадлежит моему дальнему родичу из клана Риг, он переехал на Шард добровольно и живет в Офроне. Он хотел помирить чистокровных Офрома и сосланных на Шард, некоторых успехов он достиг. Он переехал с семьей, два его сына учатся в той школе. Что им не радоваться. Еще там сыновья сосланных Риг, Ири и Шуари, которым тоже удалось устроиться в Офроне. Потому к ним приехали бывшие жены и даже с дочерьми. Опекуны отправили этих троих к родителям. Они тоже живут в родительских домах в Офроне. Собственно, чего еще надо? Конечно, они всем довольны. Я и Эйдарад тоже жили у отцов, а не в школе, но в этой

деревне. Скучно, уныло, убого. Я сам сбежал от тоски и за компанию, полагаю, Аримар тоже. А Зорах и Эйдарад маги за 500 лет, им вообще там все было поперек горла.

– А те двое, кто не сбежал, но недоволен, кто они? – спросил Дамард, ободряюще кивнув мальчишке на тарелку с мясными стейками, на которую тот поглядывал, но съев два куска мяса, стеснялся брать еще.

Гордор слегка покраснел и молча кивнул Дамарду, чтобы тот передал ему блюдо со стейками.

– Один точно Юмирш. Он сирота. Его отца казнили три года назад, мать умерла по своему желанию, когда он был совсем маленький. Он не жил с отцом до его казни, жил у деда. Потом дед умер и Юмирша унаследовал кузен, который его спихнул в эту школу с глаз долой. Юмирш тоже маг за 600 лет, заклинатель камней. Мы предлагали ему с нами бежать, он отказался. Ему только 15, он боялся быть обузой для нас и его пугала мысль о жизни воровством. Он считал, что это путь в никуда.

– Кстати, о воровстве, – опомнился Ордёраин, взмахнув вилкой, – Волрklar нам выдал список всех жертв этих... – он посмотрел на Гордора и усмехнулся, – довольно крупных пакостников. Семнадцать аркельдов, три ведьмака марбо, пятеро калатары, один наш Эрмир и 25 тафов.

– Тафов? – рассмеялся Гай.

– Это мои жертвы, – вздохнул Гордор, – тафов грабил я...

Отовсюду раздались смешки, даже Иви смеялась.

– Тафы Калантака и Лаукара теперь боятся молодых пальори, – улыбнулась Кайлин, – Тафам мы, конечно, возмещать ущерб не станем, остальным жертвам грабежей придется все возместить.

– Мне они уже все возместили, – хмыкнул Эрмир, – я только не понял, почему я единственный ведьмак не марбо, ограбленный вами? – он решил не сообщать, что он батёри.

– Вы были очень увлечены разговором. Пальори редко так беспечно ведут себя на рынках...

– Можно на «ты», – поморщился Эрмир, – а то, я кажусь себе слишком старым...

И все, кроме Гордора, вновь засмеялись. Тот смущенно кивнул.

– Теперь ты понимаешь меня лучше, мой юный подаван, – усмехнулся Гай, доедая свой салат с морепродуктами.

Возмещение ущерба пострадавшим от рук четырех беглецов взяли на себя маги Верховного Совета, но это должно было выглядеть так, будто Гай возмещал этот ущерб из своего кармана. Верховные Маги обещали «выкупить претензии» у всех пострадавших и передать их Гаю вместе с деньгами, после чего тот лично должен был встретиться с каждым потерпевшим и отдать ему «долг».

Одной из пострадавших оказалась дочь Модирмаха, больше знакомых имен в списке потерпевших не нашлось.

– Так, а второй из недовольных этой школой кто? – вернулся к прерванному разговору Кадьераин, строго посмотрев на Гордора. Он, в отличие от всех прочих, не готов был принять за оправдание воровства «тяжелую жизнь», но, видимо, вспомнил, что от Гордора страдали только тафы, тут же оттаял, взгляд мгновенно потеплел.

– Я не знаю, наверное, новый кто-то...

– И, да, – вспомнила Кайлин, – по миру бегают еще двое таких бедолаг. Точнее, по городам и просторам Шарда. Они не грабят никого, оба оборотни, фактически живут в своих звериных ипостасях уже пять месяцев.

– Это, наверное, Сальер и Викруд, они оба Аури, но не близкие родственники. Они не сбегали, им разрешили уйти.

– Как это?

– Отцы их отправили в школу на полгода. Предупредили всех, что, если они захотят уйти, они могут это сделать в тот же момент, оплаченное не будет востребовано. Они и ушли через три месяца.

– И домой не вернулись, – вздохнул Ордье́раин.

– Как и Зорах, – добавила Арикарда.

– Их тоже надо отловить и вернуть в цивилизованный мир, – хмыкнул Дарк, – ловить оборотней та еще задача.

– Ничего сложного, – усмехнулся Барт, – оборотни, спящие в звериных ипостасях – это уникальный вид высокого сознания. Я легко отыщу их, а потом смогу сколько угодно видеть их глазами все. Можете уже завтра идти забирать их, где бы они ни были.

На том и договорились. После ужина Иви пригласила Гордора составить ей компанию на прогулке с Бартом и Халифом.

Арикарда отправилась «работать над проектом школы», а Гай и Эрмир домой. Правда, перед этим Эрмир рассказал все о планах Киарда и своей семьи в отношении предстоящего совета чистокровных. За столом при Гордоре он говорил этого не стал.

– Завтра у нас Верховный Совет по этому поводу, – кивнул Ордье́раин, – подумаем, как быть.

– Во второй половине дня мы отправимся на Шард за этими одичавшими в звериных шкурах парнями, – предупредил Гай.

– Я с вами пойду, – заявил Дарк и улыбнулся, – я хочу поесть суширолов, давно я не ел этих деликатесов.

Дома Гая и Эрмира ждал Аурэль, которого пришлось возвращать в Лаукар. В школьных квартирах было пока пусто, он снял новую квартиру и перенес туда свои вещи, хранившиеся летом в кладовых школы, но ночевать на новом месте не захотел. Слишком грустно показалось ему в пустующем восьмиэтажном здании жилого корпуса.

Эрмир рассказал ему об открывающейся школе Гая, сам Гай попросил пока «об этом не распространяться». Аурэль в Лаукаре общался с живущими поблизости ведьмаком Сириллом из клана Шуари и его девушкой и однокурсницами, сестрами двойняшками.

Калатари молча кивнул и улыбнулся.

– Я умею хранить чужие тайны. К тому же, я надеюсь, что в вашу школу будут брать и калатари тоже. На Хахад много калатари немагов, обреченных связывать свою жизнь с турнирными видами спорта только потому, что это единственный для них одобряемый семьей вариант уехать на Даваликар. У нас не любят, когда рожденные на Хахад калатари покидают родные берега. Но в вашу школу их точно отпустят.

– Почему? – удивился Гай.

– Дураков среди калатари Хахад не много, – мягко улыбнулся Аурэль, – все сразу поймут, что ваши ученики под особой опекой Верховного Совета, а значит будущее их гарантировано. Они научатся чему-то полезному, разбогатеют и, возможно, вернуться домой.

– Готовить точно научатся, – засмеялся Гай.

– Эта простая еда без магии вкусна и необычна. Если, вернувшись после такого обучения на Хахад, какой-то калатари откроет таверну с такой едой, он быстро разбогатеет.

– Они же могут просто пойти в кулинарную школу...

– Детей не отпустят в Калантак в школу, где за их судьбу никто не в ответе, – возразил Аурэль, – И потом, вы же не только кулинарии их будете учить.

– Я пока не придумал, чему еще, – признался Гай.

– Жить эту жизнь, – подсказал ему Эрмир, – В этом ты гениальный учитель.

Глава 3

Материк Шард располагался в южном полушарии. Тут приближалась весна. Снег тут лежал не долго, только в месяце Улеж не таял вовсе. К концу месяца Данкей он остался лишь в высокогорьях Боратэя, однако все еще было холодно, дули промозглые ветра, по ночам замерзали лужи, а земля покрывалась инеем или ледяной коркой.

По форме материк Шард напоминал кляксу или восьмилучевую расплюснутую морскую звезду. Практически по центру, пересекая материк, проходил магнитный разлом – гигантский овраг, на дне которого не действовала обычная магия, к югу этот овраг расширялся, уходя в один из «лучей» звезды (кляксы). На дне оврага протекала река Сайми. Тут были плодородные долины, небольшие озера и более мягкий, по сравнению с поверхностью Шарда, климат: зимы и ветра теплее, трава зеленее и сочнее, почва плодородная, животный и растительный мир потрясаяще разнообразен. На западе склоны разлома являлись предгорьем горного массива Боратэя. На востоке разлом кончался непреодолимой гладкой 600-футовой стеной сплошной горной породы, которую не трогало время, ветра и дожди. На юге, на краю разлома, магия уже действовала, можно было взлететь на леталке или пользуясь магией Воздуха, на севере был плавный спуск в разлом, начинающийся недалеко от единственного по-настоящему крупного города материка – Шардраша, в котором жило около 90 тысяч жителей.

На Шарде крупных городов было всего двенадцать и два из них внутри разлома – Офром и Вайль. В Офроне жили преимущественно ведьмаки, в Вайле – калатары, каждый насчитывал около шести тысяч жителей. Остальные большие города Шарда насчитывали от 10 до 60 тысяч жителей и располагались на «лучах» кляксы-звезды. В основном население Шарда жило в деревнях вне разлома, внутри тоже, но там деревень было всего пять. В деревнях занимались рыбной ловлей в океане или в озерах внутри разлома и земледелием. Мясным скотоводством на Шарде, как и везде в Алаутаре, занимались преимущественно каро, они же выдвигали шкуры, стригли шерсть, разделявали туши и торговали мясом. На Шарде каро жили повсеместно. Внутри разлома, вокруг Офрома было сразу пять поселков каро и один тафов под заклинанием барьер.

Высланные на Шард за пиратство и разбой ведьмаки, не сумевшие устроиться в удобном со всех сторон, кроме отсутствия магии, Офроне, основали деревню восточнее от города, на расстоянии 40 шакодов (около 20 километров в привычном Гаю исчислении) между тремя холмами, заросшими кустарником любимой ведьмаками ягоды барики. Около тридцати пяти домов, одна большая таверна, одна поменьше, школа «воинского мастерства», одноэтажный рынок, работающий лишь раз в пять дней, кузница, плотницкая мастерская, маслодавильня (в буквальном переводе с ведьмацкого), конюшня на два десятка лошадей, принадлежащих всем жителям деревни, медицинский центр – он же общественная баня. Лекарь приезжал раз в три дня из Офрома и принимал в кабинете при купальнях.

У новой деревни пока не было определенного названия. Сами жители называли ее «Сури-так» – мечта пока (имеется в виду путь к чему-то достижимому, но на данный момент невозможному), в Офроне эту деревню называли «Барика С Куста» (ягоды барики съедобны только будучи прокипяченными в сахарном сиропе, с куста барика – ядовитая ягода), в Шардраше и на остальном Шарде деревня носила название – «Пиратский Приют».

В этой деревне жили мужчины пальори и буквально несколько женщин марбо, поселившихся в домах некоторых бывших пиратов. Пираты растили табак и люч (очень похожая на подсолнечник злаковая культура), делали из семечек люч масло, а из растущей вокруг деревни полыни настойку – традиционный ведьмацкий напиток, ковали оружие и сельскохозяйственный инвентарь. Учитывая, что три года назад на месте деревни не было ничего, можно было лишь восхищаться скоростью, с которой устраивались тут вынужденные пересе-

ленцы. Они не бедствовали. Пальори умели строить быстро и качественно, на века, умели «заработать на жизнь» и «жить по средствам». Крыша над головой была у всех, не голодали, из Офрома приезжали торговцы, ведьмачки марбо, с удовольствием «снимали себе комнаты» в их домах, что, по сути, приравнялось к «крутили романы без обязательств», заодно налаживая поставки табака, семечек и масла люч и полынной настойки в Офром. Все было бы неплохо, если не было бы так уныло и скучно.

В Офроме многие были злы на тех, кто вынужден был поселиться неподалеку. Шестерых сосланных на Шард пиратов просто убили из мести за нападения на родственников. Остальным, имеющим врагов в Офроме, запретили там появляться. Однако, пираты, не имевшие конфликтов с шардскими кланами, спокойно селились в Офроме, равно как желавшие жить без магии чистокровные ведьмаки, нарушившие законы Алаутара, которым большой совет чистокровной общины настоятельно рекомендовал переселиться в разлом (без права отказаться). Такие просто переехали в благоустроенный ведьмацкий город с семьями.

В последние пару лет в Офром переселились многие немаги, добровольно и принудительно.

Юмирш шел с тренировочной площадки по мокрой, прилипающей к сапогам земле, дорог тут не было. После дождя грязь поднималась до щиколоток, сапоги часто промокали. В большом мире подобное не было проблемой – заклинание очищения или экран, защищающий обувь от проникновения влаги и налипания грязи. Тут такое было невозможно, приходилось отмывать все вручную и мерзнуть.

В горле першило, похоже, он опять заболел. Он болел всю эту зиму, хотя, до попадания на Шард не болел никогда. Кузен отправил его сюда десять месяцев назад. Сказал, до возраста полной силы. Юмирш, не сомневался, что не доживет до 25 лет. И дело не в каких-то невыносимых страданиях, которые он испытывал, просто тошно от такой жизни. Безвкусная еда, тренировки, пустые скучные нотации и разговоры, куча хозяйственной работы вроде мытья сапог, полов, стирки, колки дров, холодные комнаты. Пока в школе жили Аримар, Сальер, Эйдарад и Гордор, было с кем говорить, мечтать о том, что будет, когда они вырастут и этот мрак рассеется. Потом ушел Сальер вместе с родственником и вскоре за ними оставшиеся его друзья. Они предлагали идти с ними. Он испугался, теперь горько жалел. Все лучше, чем эта бесконечная унылая зима.

Кашляя, он вошел в столовую.

– Опять будешь сопли вокруг вешать, – пробурчал один из преподавателей, господин Стрибергар, – что же вы дохлые какие все. Что не маг, то слюняй. Правильно, Бертрад решил магов за 500 лет больше сюда не брать. Одни неприятности от вас. Жаль, от тебя уже не избавиться. Иди, ешь. И потом сразу к себе в комнату, нечего сопли развешивать всюду!

Стрибергар был из клана Шуари, всегда на всех ворчал, но именно к нему можно было спокойно обратиться по любому вопросу без риска получить отказ. Он решал любые проблемы учеников школы: помогал в хозяйственных делах, давал дельные советы, вызывал врача, готовил на всех, не слишком хорошо, но есть можно.

Юмирш взял свой горшочек с овощами и крупным куском мяса, тарелку с хлебом с прослойкой из травяного сыра и уселся у окна в углу. Через стол сидел новенький, девятнадцатилетний Чакуриеш, сын еще одного местного жителя Махурада из клана Ири. Чакуриеш приехал в школу около месяца назад. Еще один маг, этот за 650 лет. И тоже проблемный для школы. Маги не хотели тут быть. Махурад подумывал отправить сына к брату, в Офром, подозревая, что не справится с ним. Чакуриеш за три прошедших года вырос, окреп и обнаглел. После приезда его отец уже трижды его наказал. Чакуриеш жил вне школы, с отцом, но в школе обсуждали всякий раз эти новости и бессмысленность попыток Махурада «воспитывать как немага Ири мага, считающего себя Аури». Чакуриеш остался столь же непочтителен с отцом, а после

последнего наказания стал отказываться от еды. Не ел уже третий день. Приходил в столовую, какое-то время сидел за столом, потом уходил.

Сегодня на тренировке он упал в обморок, его отстранили от занятий, но домой он не пошел.

Юмирш не хотел сближаться еще с кем-то, кто точно скоро отсюда уйдет. Когда друзей нет, их невозможно потерять. Однако ему хотелось его поддержать, он не знал как, потому просто невесело улыбнулся ему. Чакуриеш кивнул, также криво усмехнувшись. Гордор всегда умел находить нужные слова, от которых становилось теплее. Юмирш больше всего скучал именно по Гордору. Тоже Риг, как и он сам, большой, сильный и добрый.

– Верховные Маги тут! – влетел в столовую еще один ученик, – С господином Бертрадом сюда идут!

– Что ты несешь? – фыркнул Стрибергар, сидевший у стола раздачи обеденных блюд.

В коридоре слышались голоса, преподаватель снял фартук и вышел, вернувшись через три минуты вновь в компании владельца школы и двух магов Верховного Совета – дари Тасима и дарика Наримара. У парней в столовой съехали вниз челюсти. Верховные Маги выглядели довольными и приветливыми.

– Ну, учитывая, как недавно существует ваша школа и с какими трудностями вы тут сталкиваетесь, все шероховатости и недочеты можно считать незначительными, – улыбнулся Наримар, быстро оглядывая столовую.

Юмирш почувствовал на себе этот цепкий холодный взгляд и понял, что дарик Наримар зол, а веселость лишь маска. Однако, оборачиваясь к преподавателям, он умело скрывал истинные чувства.

– Итак, давайте, подведем итоги, – дари Тасима с беспокойством посмотрела на Чакуриеша, но нарочито неторопливо уселась за свободный стол, жестом пригласив преподавателей школы сделать то же самое.

Дарик Наримар прошелся до окна, якобы рассматривая вид из него – унылый, грязный двор и хозяйственный пристрой напротив.

– Мы включим вашу школу в список всех образовательных учреждений Алаутара для не достигших возраста полной силы. Можете теперь обращаться за финансовой помощью или советами в большой преподавательский совет. Представители преподавательского совета есть и в Офроне, и в Шардраше, подавайте прошения через них. Также вас будут приглашать на большие преподавательские семинары, некоторые из них можно организовывать в том числе в Офроне, тогда все преподаватели вашей школы смогут поучаствовать. Я уверена, вопрос с их безопасностью мы решим. Теперь к списку недочетов, которые необходимо устранить. Первое – нельзя брать в школу на неопределенный срок без получения официальной опеки над учеником. Получается, официальный опекун от него отказался. А вы? Готовы отвечать за подростка в качестве опекуна? Должна быть бумага передачи опеки, – дари Тасима показала преподавателям образец документа и спокойно продолжила, открыв тетрадь, – Дальше, нельзя брать не окончивших немагическую школу или их надо доучивать по программе немагическую школы. В итоге, представитель любой немагической школы, входящей в список школ для детей Алаутара, должен подтвердить наличие у ваших учеников соответствующих знаний после доучивания. Следующий пункт, учащиеся после двадцати лет не должны иметь препятствий покинуть учебное заведение. Если у них проблемы в семье – родители настаивают на образовании, а подросток не желает знаний, это частное семейное дело, школе не нужны эти проблемы, школа в это не вмешивается или опять же, забирает право полной опеки себе, временной для тех, кому уже есть 20 лет, не существует. Тот, кто не является официальным опекуном, не может распоряжаться судьбой подростка.

– Ну, и совсем ерунда, – добавил Наримар, подходя к внимательно слушающим преподавателям, – пропишите в уставе момент исключения из школы и то, как дети должны воз-

вращаться в этом случае домой. У вас тут труднодоступная местность. Если молодые болваны после исключения потеряются или решат пожить вольной жизнью, вы останетесь виноваты перед их опекунами. Во всех школах Алаутара есть пункт о компенсации возможного вреда репутации и издержек. Берите в задаток ашины, чтобы молодые болваны могли уйти домой через хазалит или сами провожайте их до дома за счет родителей, иначе это они взыщут с вас потом, когда узнают, что это повсеместная практика. И еще, опекун, пренебрегший договором с вами об опекунстве, по умолчанию отказался от опеки. Значит, фактически, продолжать обучать здесь такого парня вы должны за счет школы или буквально за свой счет, господин Бертрад, потому как именно вы по логике стали его опекуном. Умные опекуны-отказники могут попытаться вернуть деньги, отданные вам за образование. Имеют право. Вам крайне невыгодны такие ситуации.

– Вы совсем недавно верховный магистр, – ободряюще улыбнулась дари Тасима мрачному, словно туча, Бертраду, – ошибки неизбежны. Главное, помните, вы делаете благое дело. Учить молодых – это интересный, самоотверженный путь.

Услышав, что он верховный магистр, Бертрад гордо приосанился. Юмирш, поймав этот момент, лишь улыбнулся.

– Как же мне сейчас поступить? Два ученика живут именно в школе, опеки официальной у меня, конечно, нет и, учитывая обстоятельства, я не хочу ее получать. Это сложные мальчишки, которых я не хотел бы тут видеть вообще.

– Мы можем их забрать, – невозмутимо ответил Наримар, – Опекуны отказались от них, это весьма прискорбно, мы должны выяснить их мотивы. Вам не стоит быть стороной этого процесса выяснения. Ваша школа должна работать и процветать. Частные семейные распри не должны этому мешать.

Бертрад облегченно вздохнул.

– У вас прекрасные строители, кузнецы и плотники в деревне. Возможно, стоит учить детей этому ремеслу тоже. Это, без сомнения, пригодится им в жизни и поможет вам в получении дополнительного финансирования со стороны большого преподавательского совета как узкоспециализированной школе полезных навыков для немагов, – дари Тасима отдала «верховному магистру» список «желательных преобразований» и встала, – Спасибо, что уделите нам время, господин Бертрад, господин Стрибергар... Рада была знакомству.

– Для нас это великая честь, – слегка поклонился верховный магистр.

Ошеломленный Стрибергар тоже поспешно кивнул.

– Где эти проблемные оболтусы? – Наримар обвел взглядом сидящих за соседними столами Юмирша, Чакуриеша и еще двух учеников.

Бертрад с готовностью указал на «проблему». Юмирш поднялся, все еще не доверяя своим ушам и глазам. В столовую вошел Махурад, посмотрел на Верховных Магов, потом на сына и усмехнулся.

– Чакуриеш и Юмирш должны покинуть школу сегодня же. Мне не нужны такие проблемы, – сурово отчеканил Бертрад.

Махурад бросил на него понимающе презрительный взгляд и вышел, так ничего и не сказав. Чакуриеш также поднялся.

– Я готов уйти.

– Я тоже, – быстро проговорил Юмирш.

– Вот и отлично. Все довольны, – улыбнулся одними губами Наримар, глаза же метали громы и молнии, пока он смотрел на парней и в окно.

Спустя еще полчаса парни собрали свои нехитрые пожитки и вышли во двор, где Верховные Маги по-прежнему любезно и заинтересовано общались с другими преподавателями и жителями деревни. Кроме дари Тасимы и дарика Наримара их деревню посетил еще и дарик Волрклар, который шумно восхищался мастерством строителей немагов.

Чакуриеш искал глазами взгляд старательно избегающего смотреть на него отца. Юмирш, оглушенный внезапным счастьем, боялся глубоко дышать, чтобы его не спугнуть или не проснуться. Все казалось слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но нет. Верховные Маги попрощались с преподавательским составом школы и, взяв за руки парней, перенеслись в совсем иное место.

Магия воплощений Стихий действовала в разломе так же как где-либо еще. Все маги Верховного Совета являлись живыми воплощениями Стихий.

Юмирш не успел оглядеться по сторонам, когда почувствовал, что на него валится стоящий рядом Чакуриеш. Наримар подхватил его магией в последний момент.

– В госпиталь его, – скомандовала дари Тасима, – второго к дари Кайлин, у меня турнирных раненых куча, – и улыбнулась удивленному Юмиршу, – У тебя все будет в порядке, твой приятель тоже к вечеру переедет к дари Кайлин в дом.

Он хотел поблагодарить, но дарик Волрктлар тронул его за плечо, и картина вокруг вновь поменялась. Вместо зелени и цветов – шикарная гостиная и Гордор с костылем, который тут же ринулся к нему, крепко обняв.

– Где господа хозяева дома? – усмехнулся дарик Волрктлар.

– Простите за неучтивость, – тут же спохватился Гордор, уронив костыль, – я не знаю, кто где, кроме Аримара, а тот у себя в комнате, сказал, что спустится...

– Ладно, расскажешь этому красавцу, что к чему, я...

С лестницы спустились дари Кайлин и дари Малика. У Юмирша истоцилась способность удивляться. Он дома у Верховных Магов! Тут Гордор и Аримар! От волнения он вновь зашелся хриплым кашлем, не позволившим ему представиться как следует.

– Так, хоть одного здорового найдем? – усмехнулась дари Кайлин, явно адресовав этот вопрос Волрктлару, – Тут у нас пневмония, – вздохнула она, дотронувшись до лба Юмирша, – Идем лечиться, что делать.

– Он выживет? – с беспокойством спросил Гордор, прыгая на одной ноге, пока Волрктлар не поднял и не вручил ему его костыль.

– Это не опасно для ведьмаков, – заверила его Кайлин, – полежит пару дней, отдохнет, наберется сил и выздоровеет. Я рядом с вами его поселю на втором этаже, попозже допрыгаешь и сам все с ним обсудишь.

И исчезла вместе с Юмиршем. Тот не успел ничего сказать, мигом оказался в кровати погруженный в целительный сон.

* * *

Тем временем Гай, Эрмир и Дарк гуляли по улицам Шардраша, изображая обычных туристов.

Здесь были популярны калатарийские плащи-накидки с глубокими капюшонами, а также зонты. Благодаря этому, Дарк легко избегал ненужного внимания к своей известной всему миру персоне. Гая и Эрмира на картинках для детских альбомов никто не рисовал, им быть узнаваемыми не грозило.

Лис Барт сообщил им, что мальчишки оборотни часто приходят в город за лекарством. Они оба чем-то болели, не слишком опасным, но неприятным. Если бы не это обстоятельство, их пришлось бы искать по лесам и полям как волка и лиса. А так, был шанс перехватить в «цивилизованном обличье».

В этот раз Гая и Эрмира переносил одним желанием Дарк, бывавший в Шардраше не единожды. Эрмир был тут впервые. Гай около десятка лет назад уже гулял по этому городу в более теплый сезон. С тех пор мало что изменилось.

Шардраш стоял на берегах сразу трех рек, причем, одна из них пересекала две другие. В городе было огромное количество мостов, достаточно высоких, чтобы под ними могли проходить лодки и малые парусники.

Эрмир сразу вспомнил северный, чисто пальорский город Мильд, решив, что Шардраш ничуть на него не похож, хотя в Мильде тоже было принято передвигаться по городу на лодках по сети искусственных каналов, также развит речной транспорт и были похожие проблемы с повышением уровня воды при разливе рек или больших приливах. Шардраш, в отличие от Мильда, утопал в зелени, чем напоминал еще и калатарийский город Армарль.

Берега городских рек не были тут затянuty в камень набережных, будучи пространством парков. У воды росли деревья: вечнозеленые, хвойные и лиственные; вдоль берега располагались деревянные настилы шириной до двухсот шагов, на которых стояли легкие лавочки, переносные кованые фонари и кадки с цветами. Вдоль рек принято было гулять. К каждой лодочной пристани также спускался деревянный настил, лишь мосты все сплошь были каменными, некоторые облицованными розовым и зеленым кварцем. Дома строили трех-пятиэтажными колодцами, то есть, по четыре многоквартирных дома соединялись в квадрат или прямоугольник. Внутри «колодца» был двор, общая для всех жителей четырех домов конюшня, а также вход в подземный «жилой комплекс» под ней для слуг каро всех владельцев квартир в домах, с удобными, с точки зрения каро, личными владениями (квартирами-студиями по 15—20 квадратных метров с крохотной душевой). Каро в своих поселках жили в норах и пещерах, они не любили больших пространств и «жить на земле».

Дома в Шардраше облицовывались мозаичной плиткой, известной всему миру как «шардская». Здесь из нее выкладывались целые картины и узоры, потому, каждый дом был по-своему уникален. Тут принято было давать домам имена, их писали сверху под самой крышей. Стоит ли говорить, что именно на Шарде, в Шардраше когда-то впервые появилась почта и широко практиковалась «доставка из магазинов на дом». В Калантаке до сих пор не все улицы имели названия, и отсутствовала какая-либо нумерация домов. Точный адрес дома в Калантаке звучал примерно, как «дом на Кордрок, напротив Круга Магов» или «Дом на набережной первый от таверны „Лисье Логово“ со стороны безымянного поворота к району Гората». Тут же промахнуться или не найти адрес не представлялось возможным.

Все дома опоясывали широкие балконы на вторых этажах, поддерживаемые внизу массивными колоннами. В итоге получались крытые тротуары для пешеходов, по которым приятно было ходить как в дождь, так и в зной. В теплое время года температура воздуха тут поднималась до 30 статики (45 С).

Сейчас, в конце зимы, погода не радовала. Изморось, даже не дождь, а просеянная сквозь мелкое сито водяная взвесь; холодный жесткий воздух; хмурое, затянутое сплошным покровом густого серого цвета небо. И все же, яркие краски облицовки домов и мостов разбавляли это уныние.

Эрмиру город очень нравился. Гаю приходилось брать его за локоть, уводя подальше от конных экипажей, проезжавших мимо, всякий раз, когда он застывал посреди проезжей части, разглядывая местную архитектуру. Дарк откровенно смеялся.

– Господа, я предлагаю перейти к оценке здешней кулинарной традиции, – предложил он, проходя мимо таверны «Суширолы Классика», – Кто притащил в Алаутар суширолы? Я забыл, Эвар как-то говорил...

Гай, не сомневаясь, что его ученик знает об этом, взглядом переадресовал ему вопрос.

– Считается, что хорро Кимиру, он открыл тут первую такую таверну. Традиция делать рисовые рулеты с соленой рыбой тут была всегда, Кимиру лишь чуть изменил ингредиенты и придумал это название. Сладких суширолов не было до него точно, – с готовностью пояснил Эрмир, прежде чем они зашли в таверну.

Внутри было тепло и светло. Столов тут как таковых не было, только удобные кресла. Из поручня каждого выдвигалась доска-поднос и закреплялась на втором поручне. Именно на эту доску ставили заказанные блюда.

Посетителей было немного: две пожилые дамы аркельды, компания девочек подростков и два калатары, явно лодочники, решившие пообедать. Креатор (что-то среднее между хостес, официантом и администратором в крупных тавернах) поставил три кресла рядом в круг и пригласил новых посетителей занять места, вручив им таблички со здешним меню.

Гай и Дарк обменялись смешками, прочитав названия суширолов «Киото», «Токио», «Калифорния» и «Филадельфия». Это действительно были привычные выходцам из Внутреннего Поля роллы – рис, рыба, огурец, соус внутри, пряно-соленый соус, в который было принято макать аккуратный кусок ролла и замаринованные капустные листья по вкусу, напоминающие имбирь, разве что слаще.

Эрмир долго думал, нравится ему или нет. Слишком непривычным для него казалось сочетание вкусов. Дарк и Гай вспомнили «молодость». Кухня Шарда была в целом соленой. В Алаутаре вместо классической соли использовалась трава пармар или минерал амал. На Шарде и на Утаире то и другое активно использовалось, в то время как на Даваликаре и Арвире практически не солили еду.

– Необычно, к этому надо привыкнуть, – вынес свой вердикт Эрмир, доев второй ролл. Он заказал два с разными видами рыбы, причем, один острый. Ведьмаки часто предпочитали острые специи, но Эрмир в этом был исключением, острое выбирал крайне редко. Однако сегодня доел до конца, видимо, пытаясь распробовать «нюансы».

– Сладкий вариант попробуй, – посоветовал ему Гай, зная равнодушие своего ученика к десертам.

Сладкие роллы ему предсказуемо понравились больше. В финале обеда они заказали чай «улу» – традиционный для Шарда в последние 25 лет напиток, опять же, благодаря вернувшемуся из Внутреннего Поля хорро Микхелю, который сказочно разбогател, устроив чайные плантации в горах Боратэя.

Они уже собирались расплатиться и идти «гулять» дальше, когда в таверну зашли старик аркельд и калатары средних лет, громко обсуждая покупку целебных растений у «странных мальчишек». Старик был глуховат, потому его спутнику и, видимо, коллеге приходилось говорить громче нужного.

– Через час придут. Спроси у них, может, они сумеют раздобыть семелину озерную, раз уж нашли чередель лиловый, – попросил дед, тоже в полный голос.

Дамы аркельды поздоровались с вошедшими и засобирались уходить. Дарк и Гай, напротив, передумали куда-либо торопиться. Креатор, рассчитавший их только что, отправился за мороженым для всех троих, которое они якобы «забыли попробовать». Правда, за мороженое Гай заплатил сразу, подозревая, что они могут уйти внезапно.

– Удивительно, что при таких знаниях трав, они не умеют приготовить простую настойку от блох для своих питомцев.

– Удивительно другое, почему наши настойки помогают их домашней лисе только временно? – вздохнул калатары, – Где она у них лазает, что постоянно блохастая?

Гай, Дарк и Эрмир с огромным трудом сдерживались, чтобы не смеяться, сообразив, о какой неприятной, но неопасной болезни говорил Барт.

– Блохастые оборотни – новый вид обидного ругательства, – шепнул Эрмир Гаю, – поймут и примут на свой счет только чистокровные ведьмаки...

На этот раз Гай не сумел сдержать смешка.

Сказать, что они «прислушивались» или, тем более, «подслушивали» разговор двух аптекарей, было бы неверно. Вся таверна вынуждена была слушать о составе настойки для укрепления костей, эмульсии от ожогов и средств от бессонницы, о собранных «талантливыми мальчишками» ингредиентах, планах покрасить мебель в аптеке и многих других бытовых незначительных вещах. Они успели доесть мороженое, выяснить, где находится аптека (за углом здания таверны), в итоге решили отправиться туда, посмотреть, не придут ли «талант-

ливые, но блохастые» мальчишки оборотни чуть раньше, менять редкие травы на монеты и настойку от блох.

Аптеку искать не пришлось. Дом, на первом этаже которого она располагалась, назывался «Здоровье вновь» – в пардене одно слово «самир». Слово «выздоровление» предполагало некий растянутый во времени процесс, «самир» определялось как итог – «вновь здоров тот, кто был болен».

Напротив аптеки на лавке сидели два усталых парня, одному что-то около двадцати лет, второму, сомнительно, чтобы было больше пятнадцати. Худые, с огромными синяками под глазами, но одеты чисто, тепло и небедно.

– И не чешутся, – хмыкнул Дарк, направляясь напрямиком к ним.

Эрмир и Гай также в два шага оказались у лавки. Гай уселся рядом с младшим ведьмаком, Эрмир и Дарк остановились напротив. Мальчишки удивленно уставились на них, но ничего дурного явно не ожидали.

– Господа, мы предлагаем вам учиться в моей школе вместе с Эйдарадом, Гордором, Аримаром и Юмиршем, – быстро проговорил Гай.

Мальчишки вздрогнули, обернулись к Гаю и недоуменно переглянулись.

– Вы отобрали школу у Бертрада? – ошарашено спросил старший, – Разогнали их деревню?

– Что вы, у меня школа в Калантаке скоро откроется, – усмехнулся Гай, – новая совсем. Видимо, как раз для чистокровных ведьмаков, хоть я и не совсем представляю, чему буду вас учить.

Ему удалось заинтересовать, заинтриговать и не напугать парней. Они готовы были спокойно слушать дальше. Дарк и Эрмир также уселись на лавку. Дарк снял капюшон, и парни вновь впали в ступор. Тот, что старше, был сильным магом, младший слабым, если вообще магом.

– Дарик Дарк?

– Инкогнито тут, – шикнул тот, быстро оглянувшись по сторонам.

Вокруг не было никого, лишь через дорогу, под балконами, пробежали редкие прохожие, кутаясь в шарфы, капюшоны и поднятые воротники калатарийских плащей. Температура пошла вниз. Эрмир тоже накинул отороченный мехом капюшон плаща (из Внутреннего Поля).

Потребовалось около четверти часа, чтобы вкратце изложить суть сделанного Гаем предложения и в два раза больше времени, чтобы парни пришли в себя от шока и поверили, что это не розыгрыш и не сон.

Аптекари вернулись в свою аптекарскую лавку. Заметив это, Эрмир толкнул старшего оборотня плечом.

– Идите, продайте, что вы там для них насобирали, вся таверна «Суширолы Классика» в курсе, что они вас ждут.

– Вы не уйдете, пока мы в аптеке? – осторожно спросил тот, – Сальер останется, можно?

Гай и Дарк одинаково тяжело вздохнули.

– Мы за вами сюда пришли, зачем нам уходить без вас? – тем не менее спокойно спросил Гай, – Кстати, как тебя зовут?

– Викрууд Аури, это – Сальер, тоже Аури, – поспешил представиться и представить друга парень, для этого он даже встал. Младший тоже вскочил с места, слегка поклонившись.

– Идите, мы вас ждем, – усмехнулся Дарк.

Мальчишки рванули чуть ли не бегом, перед тем как зайти в аптеку оба обернулись проверить, не ушли ли их странные благодетели. Дарк толкнул Гаю, дернув подбородком в сторону отделившегося от подпирающей балкон колонны ведьмака, также шагнувшего в сторону аптеки.

– Уважаемый, простите за неучтивость, – немедленно гаркнул во всю силу легких Гай, вставая, – Уделите нам одну минуту...

Ведьмак замер на месте от неожиданности, удивленно уставившись на странного аркельда. Сразу стало ясно, что никаких дурных намерений он не имел, но искал именно мальчишек. Эрмир и Дарк также подошли к нему, вслед за Гаем.

– Вы родственник Викроуда или Сальера? – напрямую спросил Гай.

– Я – отец Викроуда, – кивнул ведьмак, нахмурившись. Суровый, усталый и грустный, посредственный, если не сказать, слабый, маг. Темно-синие с серебристым отливом глаза смотрели прямо и безучастно, мыслями он был где-то далеко.

Гай вновь убедился, что никакой опасности для будущего ученика встреча с его отцом не несет.

– Что вы хотели? – ведьмак посмотрел прямо на Гая.

– Я пригласил Викроуда стать моим учеником, я открываю школу в Калантаке.

– Господин Гай? – вновь удивился ведьмак, оторвавшись от своих размышлений, – Я слышал о вас, – только теперь он обратил внимание на его спутников.

Дарк снял капюшон, Эрмир поклонился.

– Я Абрэвитар, – представился ведьмак, понимающе кивнув.

После завершения всех приветствий и представлений, которыми ведьмаки редко когда пренебрегали, Гай все же спросил:

– Вы хотели бы вернуть Викроуда домой?

– Я хотел бы знать, почему он не вернулся сам, – вздохнул ведьмак.

Гай невольно заметил, как сильно сын был похож на своего отца, одни глаза, черты лица, даже мимика. В это самое время мальчишки вышли из аптеки, едва не налетев на стоявшего близко к двери Эрмира, счастливые, но, увидев отца, Викроуд моментально сник. Подошел и опустился перед ним на колени.

– Я виноват...

Тот буквально подхватил его под руки, обняв.

– Нет такой вины.

Гай и его спутники отошли на несколько шагов, чтобы не мешать. Сальер закрыл лицо руками, Эрмир и Дарк удивленно обернулись к нему, ощутив накрывшую его тоску.

– Что с тобой? – Дарк осторожно дотронулся до плеча мальчишки, – Разве плохо, что твой друг вернется домой?

– Я виноват, что он ушел, – всхлипнул он, – Я причина его бед. Я рад, что его простили, но я теряю друга.

– Почему теряешь? – Гай притянул его к себе, приобняв за плечи, чувствуя, как его трясет изнутри, – Я не знаю, что вы там себе напридумывали, но чую, что это лютый бред.

Викроуд ревел без зазрения совести и его отец ничего не имел против и не считал, это чем-то постыдным, что-то говорил ему на ухо, не выпуская из объятий.

– Почему вы не вернулись домой после того, как ушли из школы? – спросил Гай Сальера, больше, чтобы отвлечь его, чем желая знать ответ.

– Я слабый маг, 350 дотяну или нет, вопрос, – вздохнул Сальер, – Турнирные виды спорта мне нравятся, я считал, что смогу. Отец разрешил, но я не смог... – он тоже всхлипнул, – Я ни на что не гожусь, совсем ни на что! Викроуд хотел стать известным в мире турниров, ему запрещали, ведь он маг за 600 лет, это глупо в его случае, – Сальер сам того не замечая, успокоился, тепло, окутавшее его со всех сторон, дарило надежду, разгоняя тоску и сжигая страхи, – Мне было плохо и он уговорил меня уйти из школы. Я сам никчемный и Викроуда сделал таким же в глазах его семьи. Мы потратили деньги на портал хазалита, думали в Шардраше тренироваться к турниру, доказать всем... но деньги быстро кончились. Я заболел, со мной одни проблемы...

Эрмир вздрогнул, Гай цапнул его за локоть свободной рукой, не желая после выслушивать монологи о том, что он тоже не оправдывает большинство родительских надежд. Гай слишком давно знал своего ученика и научился беречь собственные уши и нервы, предотвращая подобные приступы самоуничтожения. Сам Эрмир не заметил подвоха, решив, что наставник просто захотел «погреть его за компанию», увидев, как стучат у него зубы от холода, ничуть не возразил. Заодно повеселел, не успев осознать, что намеревался примерить на себя ситуацию мальчишки оборотня.

Абрэвитар и Викроуд, наконец, подошли к ним. Несмотря на усталость и опухшие от слез глаза, Викроуд теперь выглядел спокойным и счастливым, как будто с него сняли тяжелый груз.

– Простите нам столь бурное выражение эмоций, – усмехнулся Абрэвитар, – я ваш вечный должник, если бы вы не взяли к себе мальчишек, что нашли на Фиробархоре, я бы до сих пор думал, что мой сын просто ушел из дома, по своему осознанному желанию.

– Откуда вы узнали? – искренне удивился Гай.

– Господин Фремик намекнул мне сегодня. Не поленился прийти к нам в Шарддорх. Фремик – мой дальний родственник, мы общаемся иногда. Он знал, что мой сын решил жить своей жизнью. Я ведь именно так думал, когда он не вернулся домой в назначенное время. Мне не сказали, что он ушел раньше, у нас был уговор...

– А, давайте, поговорим где-нибудь в тепле, в Лаукаре, например? Не возражаете? Я замерз, – широко улыбнулся Дарк и закашлял.

Гай остро пожалел, что не набросил на него согревающий купол защитного огненного заклинания, забыл, что имеет дело с вечно мерзнувшей «ледышкой».

Спустя две минуты они всей компанией переместились к зимнему дому Дарка и Арикарды на лаукарском побережье.

Ведьмаки восхищенно озирались по сторонам – море, апельсиновый сад, веранды белоснежных домов, выходящих к пляжу. Дарк пригласил всех войти в дом. Здесь было прохладно, зной остался за порогом. Не сговариваясь, все сняли теплую верхнюю одежду.

Вскоре слуга каро подала чай, кофе, фрукты и десерты.

Эмоции немного улеглись и мальчишки спокойно рассказали обо всем, что с ними произошло.

Им пришлось добираться до Шардраша самостоятельно. Они добрались в своих звериных ипостасях, так было удобнее. Однако по дороге набрались клещей и блох, пришлось лечиться. Они надеялись устроиться в школу боевых искусств в Шардраше, Сальера не взяли, он оказался слишком молод для подобной школы. Викроуд тренировался, но на жизнь и школу нужны были деньги.

Возвращаться домой до «самой малой победы на турнире» они не хотели, не желая разочаровывать родителей, потерявших деньги, ведь они ушли из школы в магнитном разломе раньше положенного. Они стали искать травы для аптекарей. Это умели оба, как любые оборотни, легко могли найти в природе все, что угодно, если знали, что оно там растет. Однако эта работа требовала сил и времени, Сальеру после всякий раз приходилось лечиться от укусов насекомых и звериных проблем. Викроуд смог адаптироваться, но Сальер нет.

Денег едва хватало на жилье, Викроуд не оставлял надежды попасть на отборочный турнир, боялся разочаровать отца и того, что тот заставит его теперь забыть о турнирных видах спорта, раз уж он не выдержал обучения в школе «истинных пальори». Сам Викроуд ни за что не ушел бы оттуда, но пожалел младшего родственника, который в силу возраста и неподготовленности просто не выдерживал нагрузки и часто все ночи проводил в отключке (16 лет Сальеру должно было исполниться только в 28 день месяца Ноюр).

На отборочный турнир Викроуда не взяли, поскольку его «намерения не соответствовали необходимым для опасного соревнования». Парни так и не поняли, что именно это значило

и какие надо иметь намерения, чтобы организаторы турниров допустили участников до соревнований. Зато Абрэвитар вздохнул с подлинным облегчением, услышав это.

– Почему тебя отправили в эту школу? – возмущенно спросил Эрмир младшего оборотня, выслушав эти признания.

Сальер тяжело вздохнул. Вопрос, конечно, прозвучал весьма неучтиво, но на него хотели знать ответ все сидящие за столом, потому никто не стал смягчать сказанное.

– Я единственный почти немаг в семье, у меня есть старший брат, маг за 600 лет, родители маги за 450... Отец считает, мне лучше жить в разломе в будущем, среди подобных мне, чтобы не тяготиться своей никчемностью. Он считает чистокровных немагов тупиковыми ветвями клановой магии...

– Твой отец Харьердир? – быстро спросил Абрэвитар.

Сальер кивнул, Абрэвитар недовольно фыркнул.

– Среди Аури не так много идиотов, но, увы, они есть в любом чистокровном клане...

Гай и Дарк понимающе кивнули. Эрмир с трудом сдерживал негодование.

– Он же оборотень! Клановая магия наглядно в нем проявлена! Какая тупиковая ветвь? Это лишено любой логики! – возмущено бурчал он.

– Отец считает оборотничество самым бесполезным даром, – вздохнул Сальер, – он рад, что я исчез с его глаз. Дома меня не будут рады видеть.

– Уверен? – все же спросил Гай.

– Да, я разговаривал с отцом пару недель назад в Шалме, мы там тоже травы продаем. Я родом из деревни близ Шалмы... В общем, он сказал, ему стыдно, что я его сын и он не хочет меня больше никогда видеть, – сбивчиво объяснил Сальер.

– Ну, и отлично, значит, мне не придется уговаривать его отдать тебя в мою школу, – усмехнулся Гай. – все к лучшему.

Дарк заговорил о планах на будущее Викроуда. И спустя каких-то полчаса парень согласился, что турниры от него никуда не уйдут, а возможность раскачать магический потенциал может быть упущена. До 25 лет ему стоило все же учиться в магической школе, а дальше – что угодно, вся жизнь впереди для совершенствования воинского искусства. Абрэвитар мог быть доволен. То, что не сумел доказать сыну он сам, легко доказали Гай и Дарк. Всего-то нужно было не отрицать значимость турнирных видов спорта и право заниматься этим всю жизнь, кроме несчастных пяти следующих лет. Вот только в какую магическую школу идти, Викроуд так и не придумал, все же ему был интересен исключительно спорт.

– В мою, – ухмыльнулся Гай, – не знаю, чему учить, как и кто будет преподавать, но потенциал совершенно точно раскачается как миленький.

– Я готов заплатить вам любые деньги, – тут же нашелся Абрэвитар, – Если с этого года возьмете его, в двое...

– Заманчиво, но курс у меня экспериментальный, дорого стоить не может, – широко улыбнулся Гай, – Двести ашинов за этот год будет достаточно.

– У меня нет таких денег, – горько вздохнул Сальер.

– За тебя заплатит Верховный Совет, не переживай. Ты и остальные потеряшки, от которых отказались по разным причинам семьи и опекуны – попавшие в беду жители Алаутара, а моя школа – решение проблемы. Стандартная графа расходов Верховного Совета.

На том и договорились. Через десять дней Викроуд должен был прибыть в Калантак, в школу в Розовом торговом переулке с необходимыми вещами.

Мальчишки вместе с Эрмиром прогулялись вдоль берега, увидели серфингистов, среди которых были друзья Эрмира – сестры двойняшки и Аурэль, поговорили, познакомились, искупались в теплом море в то время, как отец Викроуда обсуждал с Гаем и Дарком школу в разломе, предрассудки чистокровных и неизбежные перемены. Нежизнеспособные правила,

мешающие быть счастливыми, стояли поперек горла у слишком большого числа чистокровных ведьмаков магов.

На закате Абрэвитар с сыном отправились домой в Шардорех – город на востоке Шарда, насчитывающий 28 тысяч жителей, один из тех, что находился на «луче звезды».

* * *

Следующие три дня Гай раздавал долги. Встречался с жертвами ограблений своих будущих учеников и вручал «компенсацию ущерба». Многие «жертвы» очень удивлялись, будучи уверенными, что просто теряли свои кошельки. Мальчишки никого даже не толкнули, не говоря уже об ином ущербе здоровью. Тафы грабили иначе. Те, у кого кошельки срезали с поясов, также обнаруживали пропажу спустя большое количество времени.

К огромному удивлению Гая, дочь Модирмаха не стала требовать «компенсацию», удовлетворившись возмещением фактического ущерба. Впрочем, стоило Гаю принять приглашение «на кофе», стало понятно, почему.

Семья Модирмаха считала Гая весьма ценным знакомством. Зять Модирмаха открывал в Калантаке картинную галерею, побывав в аналогичном заведении в Лаукаре и, естественно, хотел, чтобы в его галерее выставлялись работы Аурэля и «других талантливых молодых художников» (в том числе Инвервиры – дочери Стража Порядка Кадъераина). Ссориться при этом раскладе с Гаем они, конечно, не желали.

Эрмир, в свою очередь, наслаждался последними днями каникул, таская друзей в Лаукар, в том числе вернувшегося из Саймура Аварда, которому теперь никто не запрещал покидать границы Калантака. В двадцать один год ведьмак марбо считался способным отвечать за свои действия самостоятельно.

Конечно, Эрмир рассказал о планах наставника открыть школу и не совсем обычных учениках. Салима, познакомившаяся с Викроудом и Сальером во время прогулки по берегу, утверждала, что «парни абсолютно адекватные». Ей очень понравился Викроуд. Ее сестра, знавшая ее всю жизнь и Эрмир, читающий эмоции, знали об этом наверняка, посмеивались и молчали.

Сами беглецы, воришки и потеряшки медленно, но верно приходили в себя. Во владениях Кайлин и Ордъераина жили все, кроме Зораха, после окончания лечения переехавшего в дом родственников. Чакуриеша переселили в «дом на холме» буквально в день его ухода из школы в разломе. Шрамы, сильные ушибы после «воспитательных мер», а также общая слабость от добровольной голодовки не считались «особой проблемой».

С середины лета и до конца первого месяца осени проходили спортивные состязания. В том числе воинские турниры, где нередко участники получали серьезные травмы и даже, бывало, умирали. В госпитале дари Тасимы и без Чакуриеша лежало много «клиентов». Такую ерунду как ушибы, пневмония, укус тафа, оглушение после удара заклинания «сакх» дари Кайлин легко могла вылечить в домашних условиях.

Когда на следующий день Юмирш проснулся в шикарной спальне, первое, о чем он подумал – он умер. Потом увидел сидящих на краю своей постели Аримара и Гордора, вспомнил, как оказался здесь, вновь закрыл и открыл глаза, проверяя не сон ли это.

– Ты живой? – спросил его Гордор, – Сутки дрыхнешь, дари Кайлин разрешила тебя разбудить, если к обеду не проснешься сам.

– Мне не верится, что все это наяву, – проскрипел Юмирш, голос у него сел, но никаких неприятных ощущений больше не чувствовалось, ничего не болело, даже сопلي исчезли.

Вокруг витал густой можжевелево-ментоловый аромат. На его груди под ночной рубашкой был наклеен огромный пластырь-компресс, также имевший похожий запах.

– Я тоже спал сутки, а потом думал, что переселился в собственный сон, – признался Аримар, хлопнув его по ноге, – Все наяву, вставай, ты еще здешнюю еду не пробовал. Сальер тоже тут, и Эйдарад, и новенький, который с тобой был...

– Чакуриеш, – кивнул Юмирш, – мы почти незнакомы.

– Он до завтра будет спать, – успокоил его Гордор, – он просто избит, ничего страшного.

Он Ири?

Юмирш вновь кивнул, сел на постели и потрянул головой.

– Если это сон, я не хочу просыпаться никогда, лучше умереть.

– Не дадут тут тебе умереть, – усмехнулся Аримар.

Юмирш смотрел на друзей, стараясь осознать происходящее. Аримар и Гордор улыбались. Оба дорого и красиво одеты, Юмирш не видел вблизи подобных вещей. На нем самом была очень мягкая, приятная к телу одежда – свободные штаны и рубашка без рукавов. Никогда прежде он не видел таких широких и удобных кроватей, не говоря уже о том, чтобы спать на них.

– Иди в ванную, одевайся и пора в столовую, – прервал его размышления Гордор, – смотри только не утони в здешней ванне. Держу пари, ты не видел никогда такого великолепия.

Друзья проводили его в ванную комнату, вручив стопку шикарной одежды и показав, как пользоваться бесчисленными кранами, успокоили, что сами освоили эту науку буквально вчера. Значит, он тоже освоит.

В столовой Юмирш встретил Эйдарада и Сальера, Эйдарад казался заторможенным и бледным, но тоже был рад его видеть. Познакомился он и с говорящим лисом Бартом, а также с дари Маликой и дариком Агеларом. Мог ли он когда-то подумать, что будет сидеть за одним столом с членами Верховного Совета и обсуждать вкусную рыбу и ягодный соус к мясной запеканке.

Его отца казнил Верховный Совет. Наверняка, многие родичи считали бы, что он должен испытывать, по меньшей мере, неприязнь к Верховным Магам. Однако Юмирш даже задумываться о том не собирался. С отцом его не связывали теплые чувства. Он жил с дедом, который считал его отца неудачником, неумным и упертым «где не следует». Отец был пиратом, больше не умел ничего. Юмирш вырос без него, под влиянием деда и мнения того насчет его отца. Поговаривали, что мать Юмирша ушла из жизни после крупной семейной ссоры. Юмирш не помнил ее, ему было два года, когда она умерла, однако привык считать отца виновным в ее смерти. Между ними всегда стояла глухая стена. Юмирш не слишком расстроился, узнав о смерти отца. Деда оплакивал, отца нет.

После смерти деда он решил, что не хочет больше никаких родственных уз и сильных чувств. Когда некого терять – это неуязвимость. И все же он умудрился привязаться к Гордору и остальным одношкольникам. Глупо. Очень глупо.

После обеда они гуляли по берегу с лисом Бартом и смешным дружелюбным псом Халифом.

Гордор все еще хромал и опирался на трость, в которую сложился его костыль. Эйдарад не слышал части обращенных к нему фраз, сам Юмирш быстро устал. Однако это была лучшая прогулка за последние десять месяцев.

Аримар и Сальер играли во фрисби (правила им объяснил Барт, а Халиф с удовольствием отнимал «тарелку» во время ее полета) Юмирш, Гордор и Эйдарад наблюдали за ними, сидя на черном песке.

Мерно гудел прибор, солнце танцевало в водяных брызгах. Теплый морской бриз лохматил волосы.

– Я хочу остановить время, – сладко потянулся Эйдарад, – так хорошо, подольше бы. Я только теперь понял, как устал...

– От чего? – удивился Гордор.

– От жизни, которая у меня была. Не только когда мы сбежали, от всей целиком, – слегка заикаясь проговорил Эйдарад, вытянувшись на песке во весь рост, даже голову уложил на песок, прикрыл глаза от солнца ладонью.

– Сильно тебя приложило «сакхом», – вздохнул Гордор, – Интересно, Зорах будет учиться с нами?

– В Намариэ пойдет, – протянул Эйдарад, – Он целитель и хотел в школу травников. Дари Тасима его возьмет в свою школу.

– Ты так уверено говоришь, – усмехнулся Юмирш.

– Я это знаю, пустота во мне научилась говорить, – вздохнул Эйдарад и надолго замолчал. Юмирш и Гордор переглянулись.

– Это странно звучит, – заметил в итоге Гордор, – Ты имеешь в виду, что с тобой разговаривает кто-то живущий у тебя в голове?

– Я не знаю, как это объяснить, – протянул Эйдарад, понимая, что его слова пугают друзей, – со мной что-то странное творится, раньше я не ощущал подобного. Во мне будто живет пустота там, где должно жить что-то хорошее. Эта пустота знает все, надо только прислушаться... Я несу чушь, – он тяжело вздохнул и замолчал, будто у него кончились силы.

– Ты говорил об этом дари Кайлин? – спросил Юмирш.

– Да, она сказала мне пожить с этим, потом объяснит, когда я приду в себя окончательно.

Гордор и Юмирш одинаково облегченно выдохнули, значит умом их приятель точно не повредился.

– Ой, смотрите, девчонки! – радостно крикнул Аримар, поймал фрисби и, засмотревшись куда-то в сторону, оступился и упал.

Гордор засмеялся. По берегу шли девушки, одну из них все уже знали – Инвервира, чья семья жила во владениях Верховных Магов, две другие, видимо, ее подруги – симпатичная ведьмачка пальори и высокая стройная белокурая девушка аркельд.

Девчонки явно направлялись в их сторону. Халиф забыл о тарелке, которую пытался отобрать у играющих, рванул к ним навстречу. Аримар поднялся, быстро отряхнулся, Гордор тоже вскочил. Юмирш лишь улыбнулся той прыти, с которой он это сделал. Эйдарад не понял, что происходит, Сальер и лис Барт отнеслись спокойно. Юмирш тоже, он понимал волнение Аримара и Гордора, но сам не видел смысла дергаться. Такие красавицы не обратят на него внимание, они старше и из благополучных богатых семей.

– Знакомьтесь, господа, мои подруги, Гелара и Ладика, – улыбнулась Иви и сразу же представила подружкам всех парней.

Эйдарад сообразив, что что-то происходит, сел на песке, заморожено уставившись на девчонок.

– Гелара – сестра всем вам знакомого Эрмира, – добавила в итоге Иви.

– Ух, ты! Ты получается из дома Нирдэра, чистокровная Тея! – воскликнул Аримар, слегка поклонившись.

Гелара засмеялась.

– Да, я могу в теории когда-нибудь за кого-то из вас выйти замуж. Правда мой магический потенциал, по словам профессора Крамбль, можно раскачать до 700 лет и больше, потому в ближайшие двести лет я точно замуж не пойду.

– За нас с Юмиршем в любом случае не вышла бы, – улыбаясь, вздохнул Гордор, – мы тоже из клана Риг, как твой отец.

– За меня вполне, – широко улыбнулся Аримар, – Я – Юкра, правда, как маг никакой...

– Ты очень красивая, – некстати брякнул Эйдарад, стряхивая с волос сзади черный песок, – жаль, что ты такой сильный маг, ты для нас всех как сладкий персик, который не достать и не облизать.

– Его шарахнуло «сакхом», прости его за неучтивость и несвязность речи, – поспешил объяснить Гордор, метнув в приятеля рассерженный взгляд.

Тот вновь тяжело вздохнул.

– Простите, я буду молчать.

Гелара задержала на нем взгляд своих светло-карих, с зеленцой глаз, явно несколько не оскорбившись. Через месяц ей должно было исполниться восемнадцать лет, высокая, стройная, симпатичная – она прекрасно знала, что нравится многим мальчишкам. В ней не было такой калатарийской утонченности, как у ее подруги Ивервиры, но она была собой более, чем довольна, ее все в себе устраивало.

Ладика тоже была хороша собой – изящная, не слишком высокая, с золотыми волосами, на солнце отливающими рыжею, тонкими чертами лица, ясными, голубыми глазами. В ней чувствовалась легкость и немалый магический потенциал.

– Ладика учится в Сайнз, как я и Эрмир, – улыбнулась Иви, – она будущий преподаватель.

– И тоже маг за 650 лет, еще один персик, – вздохнул Эйдарад и, опомнившись, добавил, – молчу, молчу...

Девчонки засмеялись. Все они были одеты в легкие тонкие брюки из плотного хлопка, туники с поясом и спортивную обувь, потому предложение «поиграть в тарелку» восприняли на «ура».

Халиф и лис после затеяли догонялки, потом играли в «веришь-не веришь», обсуждали магию чистокровных кланов, сидя на теплом, черном, поблескивающем на солнце антрацитовым блеском песке.

Сальер признался, что способен оборачиваться волком, Гелара и Иви также рассказали, что они обе оборотни. Гелара могла перекидываться в рысь, а Иви в белоснежную лису с синими глазами. Обычно в зверином обличье цвет глаз менялся. Когда Гелара становилась рысью, ее глаза желтели, как и у Сальера в образе волка. У Иви цвет глаз не менялся, когда она оборачивалась лисой. Это считалось весьма необычным.

Эйдарад не мог отвести взгляда от Гелары, хотя очень старался не пялиться в упор. Та не имела ничего против, но делала вид, что не замечает.

Когда солнце стало клониться к закату, Юмирш решил задать давно мучивший его крайне неучтивый вопрос оборотням:

– Скажите, вы, оборачиваетесь в одежде или вам надо раздеваться?

– Зачем раздеваться? – удивились девчонки.

– Нужно раздеваться, – вздохнул Сальер.

Девчонки удивленно уставились на него.

– Вы просто сильные маги, Викроуд тоже не раздевается, прежде чем стать лисом. Одежда как бы тоже оборачивается у вас, становясь частью шерсти, точнее, энергетическим слоем вокруг вас. А я слабый маг, если я обернусь в одежде, я стану волком, завернутым в одежду. Возможно, потому я цепляю всех насекомых в траве...

– Надо же! Я не знала о таких особенностях! – всплеснула руками Гелара, – Даже не задумывалась никогда об одежде, само получалось.

– Кстати! – вспомнил Барт, – Если лечить звериные болезни, когда ты в цивилизованном обличье, ты не вылечишься полностью. Болезни зверя надо лечить, пока ты зверь. Вернувшись в свой истинный вид, ты перестаешь быть больным зверем, а когда снова обернешься, твой зверь останется больным.

– Вот оно что! – понимающе вздохнул Сальер, благодарно кивнув лису, – Я этого не знал.

– Теперь знаешь, – усмехнулся лис, – Пора ужинать, я приглашаю всех составить мне компанию...

Уговаривать никого не пришлось. Подруги Иви тоже не отказались от приглашения. На первый ужин хозяева дома не пришли, все были заняты, только родители Иви присоединились к дружной компании подростков за столом.

Орвира и Кадьераин поздравили Гелару с поступлением в Крамбл. Юмирш с завистью вздохнул. Он тоже мечтал когда-нибудь поступить туда. В своих тайных мечтах он создавал

глубоководные аппараты, чтобы гулять по морскому дну, глядя на рыб, или искать сокровища среди обломков затонувших кораблей.

– Тебе только пятнадцать, я думаю, этот путь легко откроется тебе, – заверила его мать Иви – Орвира, декан факультета «танцы» в Сайнз, когда он озвучил свои мечты.

– Господин Гай не обязан за меня платить, это слишком, – вздохнул мальчишка, – я буду считать себя его вечным должником.

– Гай рассердился бы, услышав такое, – тепло улыбнулась Иви, – он никому не помогает, если не хочет. А если хочет, то, не принимая его помощь, ты становишься у него на пути причинения добра.

Девчонки захихикали. Парни смущенно переглянулись.

– Ваш наставник вам это сам объяснит, – усмехнулся Кадъераин, – вы не раз убедитесь, что он думает совсем не так, как бы привыкли думать сами.

– Он добрый, но его добротой невозможно воспользоваться в корыстных целях, – выдал Эйдарад и, стоило взглядам сидящих за столом обратиться к нему, тут же добавил, – я молчу, простите...

– Не извиняйся, ты абсолютно прав, – кивнула Гелара, – господин Гай весьма непрост, не наивен и не делает того, чего сам не желает. Ему нравится иногда помогать, он не ждет ответных услуг за это. Он это делает ради своего же удовольствия.

– Он может себе позволить быть щедрым, – поддержала подругу Иви.

– Честно говоря, меня от него в дрожь бросает, – признался Аримар, – он может быть очень опасным.

– Я сомневаюсь, что вы способны довести его до этой стороны натуры, – хмыкнул Кадъераин, – он весьма великодушен и снисходителен к пакостникам вроде вас троих, – он обвел взглядом бывших воришек, – потому я, как Страж Порядка, предупреждаю вас от своего имени – будете куролесить дальше, отправлю в подвал кантона к тафам думать над вашим поведением. Поверьте, Гай не станет возражать.

Кадъераин все еще не мог простить мальчишкам грабежи. Те смущенно потупились. Орвира тронула мужа за руку и мягко улыбнулась:

– Все заслуживают шанс стать лучше.

– Мы им непременно воспользуемся, – заверил всех Аримар.

Гордор энергично кивнул, соглашаясь. Эйдарад, заметно погрузнев, но перехватив взгляд подмигнувшей ему Гелары, не стал долго раздумывать над чем-то, вновь вернувшись к трапезе.

Глава 4

Крейдар возвращался домой от соседей. Сегодня они с Рамишей ходили одним желанием на рынок, в парк и к реке. Он хвастался своими умениями, Рамиша делала покупки, навещала бабушку, живущую у реки, и угощала его мороженым в городском парке Тарда. День пролетел быстро и интересно. Завтра он должен был увидеть брата и отправить его и остальных беглецов вновь «на дело» в Калантак и Лаукар.

Настроение у Крейдара было чудесным. Ровно до того момента, как он увидел у крыльца своего дома мать и Салтарада в компании известных на весь Алаутар целительниц дари Тасимы и дари Кайлин. От неожиданности он застыл на месте, едва не угодив под колеса проезжавшей мимо повозки.

Что-то случилось с Эйдарадом. Сердце рухнуло в желудок, а из горла повалил хриплый кашель. Дари Тасима быстро заметила его и через пару минут приступ сошел на нет просто оттого, что она подошла, взяла его за руку и, улыбаясь, подвела к родителям и дари Кайлин.

– Все хорошо, тебе нет нужды тревожиться. С твоим братом все в порядке. Он у меня дома, – усмехнулась дари Кайлин, лукаво глядя на него.

Крейдар мгновенно понял, что она знает абсолютно все об их перемещениях, Эйдараде и компании, чем они занимались и где. Знает и не хочет говорить его матери и ее супругу. Крейдар благодарно кивнул.

– Прошу, пройдемте в дом, – засуетилась мать, – на пороге разговаривать неудобно.

– Только ненадолго, – предупредила дари Тасима, – через час заканчиваются бои на арене Калантака, нам раненых собирать еще...

Салтарад открыл перед ними дверь.

– Собственно, мы пришли чтобы кое-что уточнить и рассказать вам, – пройдя в гостиную вновь заговорила дари Кайлин, – во-первых, мы нашли Эйдарада, он в безопасности, он сбежал из школы на материке Шард...

– Как он туда попал? – ахнула мать, – Он должен быть в Штара...

– Дядя отправил его на Шард, тем самым отказался от опекунства. Он не один такой. Вчера состоялся Верховный Совет, посвященный этому вопросу, – пояснила дари Кайлин.

– Опека над несколькими мальчишками, среди которых Эйдарад, отныне перешла к верховному магистру новой школы Калантака, господину Гаю. Он официальный и единственный опекун вашего сына до возраста полной силы. Эйдарад будет жить в школе, в Калантаке. Конечно, вы сможете его навещать или приглашать в гости по согласованию с его опекуном, – договорила дари Тасима.

Ее голос действовал удивительно успокаивающе, она буквально излучала собой обволакивающее спокойствие и поддержку.

«Магия» – восхищенно подумал Крейдар. Его мать ощутимо расслабилась и повеселела.

– Все к лучшему, – вздохнул Салтарад, – Я рад за мальчишек, школа в Калантаке всяко лучше, чем их чистокровные опекуны. Мы бы взяли Эйдарада в свой дом, не задумываясь, но правила непреложны.

– Их родители и опекуны как раз нарушили эти самые непреложные правила, – усмехнулась дари Кайлин.

Крейдар подумал, что она, в отличие от дари Тасимы, хоть и выглядит ослепительно красивой молодой и приветливой калатари, заткнет за пояс любую самую свирепую и древнюю ведьмачку пальори. Дари Кайлин легко могла убить без жалости и сомнений. Властная, беспощадная, хладнокровная, при этом действительно приветливая и желающая добра этому миру.

– Мальчишкам повезло, что господин Гай так вовремя открыл свою школу. На самом деле, мы пришли к вам по иному вопросу, – улыбнулась дари Тасима, – Крейдар и Эйдарад близнецы, мы знаем о недуге Крейдара и о том, что он весьма сильный маг.

Слуга каро поставила на стол перед диванами в гостиной фрукты, сладости, кофейник и чашки. Салтарад отвлекся, разливая всем кофе. Дари Кайлин благодарно кивнула, взяв в руки предложенную чашку кофе. Крейдар нетерпеливо ждал продолжения. Сердце забило чаще.

– У двойняшек может быть разный магический потенциал, но у близнецов нет. У близнецов он бывает различным во взрослом возрасте, в случае, если один из них раскачал свой потенциал до возраста полной силы, а второй по каким-то причинам не смог этого сделать, так и не получив полного доступа к своим возможностям, – улыбнулась дари Тасима Крейдару.

– То есть, Эйдарад тоже маг за 700 лет? – ахнула мать.

– Верно, – кивнула дари Тасима, – Больше скажу, недуг Крейдара – это искусственный психологический барьер. У Эйдарада тоже есть такой, только иначе проявлен. Их потенциал изначально скован, спрятан от сознания.

– Но у Шуари нет настолько сильных магов, – вырвалось у Крейдара, – простите за неучтивость, я перебил...

– Мы думаем, у Шуари, как в любом другом клане чистокровных ведьмаков, есть маги разной силы. Сильные, слабые и немаги, – спокойно продолжила дари Кайлин, грея руки о кофейную чашку, – Просто клан Шуари запрещает быть магом. Это глубокая установка, магический потенциал в этом клане должен проявляться минимально, сильные маги в детстве уязвимы, как любые дети, сильными магами в клане Шуари быть опасно...

– Какой кошмар, – вздохнул Салтарад, несколько не удивившись. Видимо он сам это подозревал, не хотел или боялся озвучивать.

Мать Крейдара горько усмехнулась.

– Сколько бед из-за этих глупых предрассудков...

– Я думаю, пройдет не так много времени и эти предрассудки проплывут у всех перед глазами в виде хладного трупа, – хохотнула дари Кайлин, переглянувшись с дари Тасимой. Та тоже улыбнулась.

– Получается, Крейдар болен, потому что боится быть сильным магом? – уточнил Салтарад.

– Не так однозначно, но в целом, верно, – кивнула дари Кайлин, – Крейдар нашел способ выжить, будучи магом с проявленным мощным потенциалом. Как не забавно, его смертельно опасный недуг сохранил ему психику и жизнь. Магический потенциал Эйдарада был свернут еще более причудливо, в ложный талант, прилегающий к средне проявленному потенциалу. Эйдарад сильный маг Воздуха, способный управлять волнами, но не как маг, в том числе Воды, а именно как маг Воздуха. Потенциала магии Воды в нем ноль. Однако его сознание и все магические действия шли через попытки применения именно этой магии, скрывая тем самым мощь воздушного потенциала. Все это совершенно не осознавалось им и не осознается до сих пор.

– Маг Воздуха и маг Воды, – понимающе вздохнул Салтарад, – это красивый финт природы.

– Да, если бы не негласный запрет клана Шуари на сильную магию, – вновь сокрушенно вздохнула мать, – мне очень обидно за моих сыновей.

Дари Тасима дотронулась до ее руки.

– Не грустите, им по семнадцать лет, они успеют раскачать свой потенциал и получить все ключи к собственному могуществу. Крейдар будет здоров.

– Это возможно? – Крейдар боялся поверить услышанному.

– Да, твоя болезнь – не болезнь, это ментальная установка, связанная с телом. Ты легко избавишься от нее, находясь в безопасной среде, зная, что ты маг и можешь сколько угодно

колдовать без риска для здоровья и жизни. Ты мог бы поступить в школу вместе с братом. Тем более, ты можешь перемещаться одним желанием. Ты можешь хоть каждый вечер после занятий возвращаться домой, – Кайлин говорила это Крейдару, но смотрела на его родителей.

Те откровенно обрадовались и расслабились. И, конечно, не имели ничего против его обучения в школе в Калантаке. Вероятные расходы их не пугали. Мать была счастлива, Салтарад счастлив, потому что счастлива была она, к тому же, он успел привязаться к Крейдару и радовался за него тоже.

Дари Тасима и дари Кайлин вскоре распрощались и ушли, сообщив, что через неделю Крейдар может при желании прийти в новую школу господина Гая в Розовом торговом переулке. Оплата за обучение в этом году будет смехотворной, поскольку школа только открылась и вся программа обучения экспериментальная. Двести ашинов в год за обучение в Калантаке при полном пансионе – родители Крейдара не могли отказаться от столь заманчивого предложения.

– Господин Гай – это ведь тот самый наставник Эрмира, Мертвого Ветра? – позже за ужином уточнила мать, все еще не веря в то, что услышала о собственных сыновьях и их перспективах.

– А кто же еще, – весело усмехнулся Салтарад, – У кого еще, кроме Верховного Совета хватит духу отобрать у чистокровных их детей и демонстративно учить их как аркельдов. Держу пари, в его школе будут уроки музыки и танцев.

Крейдар счастливо рассмеялся. Ему давно не было так спокойно на сердце. С братом все в порядке, никаких тайн, никакого ожидания тревожных новостей, мать и отчим счастливы и им не грозят разборки с родственниками Шуари, а он сам, как выяснилось, способен навсегда избавиться от своего тяжелого недуга. Это ли не счастье?

«Этот кошелек действительно сыграл свою роль» – Крейдар не сомневался, что именно из-за Мертвого Ветра его одиозный наставник решил открыть эту школу и взять туда Эйдарада и его друзей.

На секунду он вспомнил о Рамише и радость слегка поблекла.

Им придется расстаться. Впрочем, он будет возвращаться домой в неучебные дни и праздники, родители будут им гордиться. В следующем году Рамиша тоже поступит учиться в Намариэ, она хотела стать лекарем, как ее родители. Они будут учиться в Калантаке оба... Мимолетная грусть прошла. Читающий эмоции Салтарад понимающе подмигнул ему:

– Ты умеешь переноситься одним желанием, мы будем часто видеться, – заверил он его.

– Я поверить не могу, что ты будешь здоров! – улыбнулась мать, – Чудесный день! Давайте, распечатаем упаковку «ледяной пыли» и отметим эти новости!

Салтарад прищелкнул пальцами, соглашаясь, и отправился на кухню за пирожными. Вернулся не только с коробкой «ледяной пыли», но и с бутылкой хоррора.

– За господина Гая стоит выпить! – засмеялся он.

Возражать никто не собирался.

Сам господин Гай судорожно пытался решить, чему же ему учить молодое поколение, пока занимался суетными делами – возмещал ущерб пострадавшим от действий своих будущих учеников, помогал Арикарде, Ордье́раину и Мальшарду перестраивать гостиницу, искал преподавателей, договаривался с поставщиками мебели, нанимал слуг каро...

Дарк предложил обучать парней серфингу, Мальшард вызвался учить их «воинскому искусству». В расписании кулинарной школы Малики и Светланы появился курс «для школьников». Эланор неожиданно предложила приходить раз в четыре дня и проводить занятия по «немагическому траволечению». Она преподавала в Намариэ «калатарийскую медицину» и считала важным, чтобы немаги тоже имели доступ к знаниям о целительных свойствах трав.

Узнав о школе Гая, его старая знакомая и бывшая однокурсница Сури-Ди, ныне исследователь свойств минералов и супруга старшего магистра школы Крамбль, предложила преподавать в его школе «минералогия» – науку о камнях, их использовании, свойствах и ценности.

Гай благодарно соглашался со всеми подобными предложениями. Потом посчитал расходы и искренне понял Мирада-Яр – верховного магистра школы Сайнз, «дерущую три шкуры» с родителей богатых студентов. Школа получалась весьма дорогим удовольствием. Даже готовые работать за небольшую оплату преподаватели – это 500 ашинов каждый месяц расхода. Плюс еда, оплата услуг каро, обеспечение учеников бытовыми удобствами, одеждой и инвентарем – 1000—1500 ашинов чистого убытка каждый месяц, если не больше. Гай смеялся над этим. По-настоящему, его это несколько не волновало. Он мог себе позволить подобные расходы даже из собственного кармана. Хоррор приносил хороший доход. Однако Верховные Маги не хотели «оставлять его с этой проблемой наедине». Для тех, кто мог наворочить тысячу ашинов за пятнадцать минут, было не сложно «помочь благому делу».

Потому, Гай, не задумываясь, заказал в свою будущую школу рояль, две скрипки, два альта и четыре гитары. Эрмир немедленно устроил на работу своего приятеля Лиодаля, которому 50 ашинов каждый месяц за шесть-восемь часов работы казались «бешеными деньгами за удовольствие». Учить ведьмаков музыке было более чем легко. Все они обладали абсолютным слухом и могли научиться играть на любом музыкальном инструменте за несколько часов. Подобные занятия любой ведьмак воспринимал как чистое удовольствие и развлечение. Задача Лиодаля была проста – облечь «развлечение» в официальный урок. Мальчишки ведьмаки обязаны были думать, что учеба – это не только трудности, но и удовольствие. Как и вся жизнь.

Гай хотел прежде всего учить в своей школе «жить эту жизнь хорошо и радостно».

– Как ты назовешь свою школу? – спросил у наставника Эрмир вечером последнего дня месяца Данкей.

С первого дня месяца Сьер в школах Сайнз, Ассагар и Крамбль начинались занятия. В школе Гая они должны были начаться лишь на пятый день Сьер. Сам же Эрмир следующим утром готовился идти учиться.

– Дольчевита, – засмеялся Гай.

Эрмир легко перевел с языка Внутреннего Поля вложенный смысл и тоже улыбнулся.

– По звучанию похоже на «долчара витар» (в пардэне это переводилось как «жизненная сила») – весьма символично.

– И, главное, похоже на смысл оригинала. Сладкая жизнь – это всегда бонус к жизненной силе, – глубокомысленно заметил Гай.

* * *

В второй половине второго дня месяца Сьер все обязательные необходимые приготовления к новому учебному году в новой школе были завершены. Гай мог отдохнуть и перевести дух, но к нему пришел расстроенный Волрктлар.

Еще четыре старенькие лисы «отправились на радугу», как сказал ему Гай.

– Я так и не научился терять, – горестно вздохнул самый древний и мудрый смертный Алаутара.

Гай не видел смысла подбирать слова утешения, налил ему виски, предложив:

– Расскажи о них, насколько хочешь подробно. Через много лет память попрячет многое, но ты сможешь вспомнить их, воссоздав в памяти этот рассказ.

Они устроились в креслах у камина, каро принес трубки и табак.

– Тебе будет скучно, – усмехнулся Волрктлар, – ты ведь не знал их даже. Для тебя все мои лисы, кроме Барта, на одну морду...

– Я потерплю, – заверил его Гай, – я знаю, что твои лисы умные и забавные, почему бы не послушать. Говори. Тебе станет лучше, точно тебе говорю.

Следующие пару часов Волрктлар описывал жизнь разумных магических животных Эфирного леса на своем острове. Гай вовсе не скучал, рассказ получился смешной. Потом за Волрктларом пришли Эрмир и Коромэлл.

Коромэлл весной тоже поступил в Сайнз на кулинарный факультет. Он дружил с Иви и общался с Эрмиром. Еще через полчаса пришла Айра. Пообедали, еще раз вспомнили почивших старичков. Семейство Волрктлара уже собиралось домой, когда внезапно явились соседи – дарик Эвар с супругой Даникой и подростком калатари – долговязым, нескладным и угрюмым зеленоглазым брюнетом.

Последние пару недель Эвар и Даника гостили у друзей Даники на калатарийской земле Хахад. Вернулись буквально накануне, заглянув в дом Кайлин и Ордье́раина узнать новости. И, конечно же, сразу познакомились с толпой квартирующих в доме Верховных Магов «новостей».

– Познакомьтесь, это Дариэль из рода Клэм, – представил всем подростка Эвар и обернулся к Гаю, – прости, но мы тебе еще одну проблему решили сосватать.

Гай нервно засмеялся.

– Разбавить мне ведьмацкий чистокровный факультет?

– Ведьмацкий, да, но не чистокровный, – вздохнула Даника.

Волрктлар с трудом подавил смех и поманил к себе ошеломленных жену и сына.

– Мы вас оставим, господа, спасибо за гостеприимство.

Дариэль оторопело переводил взгляд с одного Верховного Мага на другого.

– Простите, я...

Волрктлар с семейством исчезли, не дослушав, Гай возмущенно фыркнул:

– Сбежал! От вопросов моих удрал!

– Мы тебе сами все объясним, – заверил его Эвар.

Спустя пару минут все вновь устроились на диванах, Эрмир вызвал из подпола слугу каро, приказав готовить ужин, но прежде подать фрукты, чай и кофе. Калатари чаще предпочитали травяные и ягодные настои или чай. Даника тоже.

– Дариэль умудрился поссориться со всеми своими многочисленными родственниками и еще вчера был твердо намерен поступить в школу воинов. Беда в том, что он молод, ему всего семнадцать, его туда не взяли бы. Идти ему некуда. Он жил у моих друзей, но его это тяготило, – заговорила Даника, – Услышав о твоей школе, мы подумали, что еще один ученик тебе будет кстати.

Гай засмеялся.

– Прости, это не значит, что ты обязан его брать, – поспешил добавить Эвар, – но мы решили, вдруг... Зораха же дари Тасима взяла в Намариэ.

– Это судьба, господа, – смеясь, хмыкнул Гай, – Все верно. Арикарда сделала в моей школе шесть жилых комнат. В каждой должно жить по двое учеников, по ее расчетам. Одна из комнат девчачья по стилю, по моей вине. Пять для парней. Все в порядке. Господин Дариэль успел поступить в мою школу удивительно вовремя. Он мой девятый ученик.

– Надо же! – облегченно вздохнула Даника, улыбнувшись.

Дариэль явно расслабился и успокоился.

– Как ты сподобился переругаться с родней так, что тебя выставили из дома? – напрямую спросил его Эрмир, – У меня друг чистокровный калатари, я знаю, что ты сильно старался ради такого результата.

– Я сам ушел, – обижено буркнул Дариэль, – У меня не было выбора, но я ушел раньше, чем меня об этом попросили. Успел спасти самолюбие.

Гай, Эвар и Даника молча переглянулись.

– Мои родители расстались и у них сейчас другие семьи, меня хотели отдать в услужение семье сестры новой жены моего отца. Чтобы я прислуживал роду Дэкли в глуши?! Да никогда

в жизни! Они богатые и самодовольные. Идарэль Дэкли все детство подставлял меня в школе, а теперь я должен прислуживать в его доме? Лучше умереть на турнире в первом раунде!

В семьях калатари и некоторых смешанных была традиция отправлять молодежь на полгода-год в чужой дом «учиться вести хозяйство» в качестве прислуги или подмастерьев, если не в дома, а в мастерские или торговые лавки. Считалось, подобная практика «сбивает спесь с молодых» и «учит быть самостоятельными».

– Я просто никому не нужен, – резко закончил Дариэль, – от меня решили избавиться.

– Искать тебя не будут? – спросил Гай.

– Нет. Его действительно фактически изгнали, – ответила за него Даника, – в чистокровных семьях землевладельцев Хахад все очень строго. Конечно, они ожидают, что он поселится где-то у друзей или знакомых и будет искать способ вернуться и искупить свою вину, но искать сами и возвращать не станут. Дариэль очень упертый и непреклонный, как и вся его родня.

– Так, ладно, для моей чистокровной, наглухо шибанутой школы в самый раз, – прервал ее Гай, посмотрел на мальчишку, – Ты маг?

– Слабый, до пятого уровня заклинаний могу только, шестой уже с цесмарилами.

– Как Лиодаль, – кивнул Эрмир, – но его потенциал качнули уже сейчас к пятистам годам.

– Я могу быть только воином.

– Это ты решишь потом, – успокоил его Гай, – пока ты мой студент. Как быть с опекой? Кто его официальный опекун сейчас? – он вновь обернулся к Эвару и Данике.

– У калатари нет закона и традиции опеки. Любой старший родственник, в чьем доме живет подросток, по сути, его опекун, пока подросток живет там. Ушел, все, опека прекратилась автоматически. Если он будет жить в твоей школе, то его опекуном будешь ты, – с готовностью пояснила Даника, – Но мы хотели бы через кантон Калантака сделать официальную опеку над ним на себя, а тебе выдать временную, как любому верховному магистру школы пансиона для тех, кому нет двадцати лет.

– А сам то ты не против учиться в школе Калантака? – вдруг спросил у калатари подростка Эрмир.

Тот засунул в рот пирожное, отхлебнул чай и кивнул, не в силах что-либо сказать. Однако всем читавшим эмоции и мотивы было все ясно. Парень был более чем не против.

В итоге до открытия школы Эвар и Даника решили приютить будущего ученика Гая у себя. У них были гостевые спальни.

– Завтра я переселю часть своего табора на постоянное место жительства. Вы приводите вашего ребеночка послезавтра. Ни минуты для личного счастья...

– Ты уж прости нас, – усмехнулся Эвар, – явились с отдыха, привезли еще одну проблему...

– Ай, все правильно и как должно быть.

На ужин соседи все-таки не остались, отправились по магазинам «готовить ребенка к новому учебному году». Не успела дверь за ними закрыться, пришли Киард с Зораксом. Как раз к ужину.

Гай и Эрмир уже не удивлялись, просто пригласили гостей к столу. Киард хотел возместить ущерб, нанесенный Зораксом, из собственного кармана, но Гай отказался слушать.

Зоракс поступил в Намариэ, был спокоен и счастлив, и уже практически здоров, лишь корсет на руке ему еще предстояло носить какое-то время. Его сложно было узнать с первой встречи. Сейчас он выглядел как обыкновенный молодой довольный жизнью оболтус пальбори. Два месяца «вольной жизни», сердечный недуг и прочие переживания не оставили на нем глубокого следа.

Переезд в Калантак, школа мечты, комфортный дом родственников, в обществе которых ему было легко и спокойно, и самое главное – осознание, что отец вовсе не бросил его на произвол судьбы. Просто ошибся и дал время ему и себе «прийти в себя» от последствий этой

ошибки. Киард и Джамира сумели его в этом убедить. По сути, сохранили Ноюрсету отношения с сыном.

После ужина гости отправились домой, а Эрмир удрал на свидание с девушкой в Лакшори. Гай с тоской подумал, что ему в последнее время совсем не до «личной жизни» и решил все-таки выкраивать время «на разврат». Если придется, вписывать в расписание верховного магистра, потому как «не дело это жить без личной жизни».

На самом деле, он очень устал за последние десять дней. Слишком много новостей, дел, встреч, делового общения. У него банально не осталось сил на «личную жизнь».

Он сидел у камина с чашкой кофе и новой книгой Юны и ничего не желал в этот момент. Однако в дверь осторожно постучали. Гай громко чертыхнулся. Близкие его дому или Эрмир возникли бы в этот час прямо в гостиной перед его глазами.

– Кого принесло за час до абсолютной полночи? – буркнул он, нехотя соскребая себя с дивана.

На пороге стоял смутно знакомый ведьмак пальори с темноглазым подростком, одновременно похожим на него самого и совсем другого типажа.

– Простите за поздний визит, господин Гай, – начал ведьмак и Гай моментально вспомнил, где и когда его видел. Джар Шуари, некогда снятый с корабля бандитов перед тем, как тот отправился в лапы кредиторов и врагов экипажа. Бывший пират и убийца родственников, тем не менее, оправданный Верховным Советом, потому как действовал этот преступник из мотива защитить свою тайную семью и расправлялся с шантажистами и бандитами, угрожавшими ему и его близким.

Гай приоткрыл дверь шире.

– Проходите, кофе, чай?

– Нет, покорнейше благодарю, – слегка поклонился ведьмак.

Вошедший следом за ним мальчишка в точности повторил этот же жест. У них был разный цвет глаз, но похожие черты лиц и мимика. Джар был голубоглазым, как и большая часть Шуари, у мальчишки глаза были темно-карими, почти черными, он казался изящнее отца и не потому, что подросток. Джар, как и все Шуари, был очень высокий, широкоплечий, с мощной мускулатурой. Мальчишка явно был создан иначе. Тоже пальори наверняка вырастет высоким, но все же будет иметь куда более скромные габариты.

– Я – Джар Шуари, возможно, вы помните меня, это мой сын Кирьяр, он – Шьир.

Гай понимающе кивнул. Он уже знал об особенностях чистокровных ведьмацких кланов, указал гостям на диваны в гостиной.

– Я так понимаю, вы по поводу моей школы? – не стал ходить вокруг да около Гай. Он прекрасно чувствовал мотив Джара и хотел облегчить ему задачу.

– Для моего клана и всего чистокровного мира мой сын – не мой, – тяжело вздохнув, проговорил Джар, усевшись на диван.

Мальчишка устроился в кресле напротив. Гай сел на соседний диван поближе к своей недопитой чашке кофе.

– Родственники моей супруги хотят, чтобы клан Ири установил доподлинно являются ли наши дети чистокровными. Они понимают, что Кирьяр – Шьир, но хотят знать это определенно, чтобы иметь рычаг давления. Парень не должен воспитываться женщиной, ведь по нашим правилам я не распоряжаюсь его судьбой. Если это произойдет, то опека перейдет родне жены из клана Шьир. Или я должен буду признаться официально, что это мой сын. А я – Шуари, господин Гай. Я не хочу, чтобы мой ребенок был зависим от моего клана. Я многое сделал, чтобы этого не произошло никогда, – Джар не собирался идти путем долгих предисловий. – Я прошу вас взять его в свою школу под официальную опеку до возраста полной силы. Я готов отдать вам за это все, что у меня есть. Я хочу, чтобы мой сын рос вне чистокровного мира. После 25 лет его сколько угодно могут признать частью клана Шьир, это никуда

от него не уйдет. Это его кровь и истинный клан. Однако я и моя супруга хотим, чтобы он рос у нас на глазах, свободным и, простите за прямоту, не битым даже в теории. Против вас никто не пойдет. За вами Верховный Совет, все прекрасно знают, что вы аркельд и будете учить чистокровных парней как аркельдов. Нас с женой это более, чем устраивает.

Гай задумался ровно на минуту.

– В моей школе обучение в этом году стоит двести ашинов, дальше возможно подорожает до пятисот, – невозмутимо ответил он, – Я теперь подкован в вопросах опеки, временной и постоянной. Я не вижу ничего невозможного в вашем случае. Однако, если у меня будет полная опека, то жить Кирьяр должен будет в школе и платить за него вам не придется. Я должен буду учить его за свои средства...

Джар явно заволновался.

– Я сделаю безвозмездное тайное пожертвование школе, если у меня не хватит средств, то я стану вашим вечным должником...

– Пожертвование в двести ашинов в этом году, – улыбнулся Гай, – более вы ничего мне не будете должны.

Джар откровенно выдохнул.

– Конечно, Кирьяр сможет бывать в городе, в гостях у матери и ее мужа, – Гай вновь усмехнулся тому, с каким облегчением Джар слушал его. Он явно считал, что ему придется уговаривать «верховного магистра» долго и упорно, – Он также сможет принимать гостей по вечерам в общей гостиной в школе. Вы будете видаться часто. Но жить Кирьяр будет именно в школе и на ночь забирать его будете только под расписку и после моего одобрения.

Мальчишка впервые улыбнулся, переглянувшись с отцом.

– Моя благодарность вам неоценима. Я ваш вечный должник, – вновь став серьезным, заговорил Джар.

– Двести ашинов безвозмездно и анонимно за год обучения, и вы мне ничего более не должны до следующего года, – повторил Гай, – Я хочу сделать этот мир немножко счастливее и комфортнее для чистокровных упертых его жителей. Я рад, что вы разделяете мои стремления, – он обернулся к довольному мальчишке, – Ну, рассказывай теперь ты о себе сам.

Тот вздрогнул, смутившись, Джар ему ободряюще кивнул.

– Я – Кирьяр, в девятый день месяца Ноюр мне исполнится 18 лет. Я маг за 700 лет, скорее всего, чистокровный Шъир.

– Что ты любишь делать? Возможно, ты хотел учиться в какой-то школе до того, как узнал о моей?

– Честно говоря, я никогда не думал о таком, – слегка стусевавшись, признался парень, – я обалдуй. Я люблю музыку, море, рыбачить люблю.

Джар хмыкнул без какого-либо раздражения.

– Немагическую школу я закончил только сегодня и не слишком успешно, я не прошел испытания знаний весной, сегодня исправлял ошибки... Я не дурак, я лентяй, – продолжал мальчишка, – Мне нравятся корабли и парусный спорт, я видел все соревнования парусников, все-все!

– Значит, серфинг тебе тоже понравится, – усмехнулся Гай.

– Его не взяли бы в другую магическую школу Калантака, – резюмировал его отец, – когда мы с женой услышали, что вы берете слабых магов тоже, вы не представляете, как мы обрадовались. Ее родственники считают, она лишает сына будущего, держа его вдали от клана Шъир, а мы знаем, что он очень свободолюбив. Его нельзя в чистокровные правила.

– Весь в родителей, – лукаво усмехнулся Гай и Джар кивнул, соглашаясь, – Послезавтра приходите в Розовый торговый переулок, моя школа напротив кулинарной школы, – подвел итог Гай, – и, господин Джар, больше никому не рекламируйте мою школу в этом году. У меня там осталась лишь комната для двух девчонок.

– Спасибо вам еще раз, – поклонился Джар, встав с дивана.

Кирьяр последовал его примеру, после нырнув отцу под руку. Никакие правила и предрассудки чистокровного мира тут не действовали. Обычная семья ведьмаков, готовая на многое, чтобы жить лишь по велению собственных сердец.

Гай невольно улыбнулся. Труп его врага старательно плыл к нему. Он и сам уже поверил, что вскоре увидит его своими глазами. Чистокровные ведьмаки – просто ведьмаки, способные любить и учиться на ошибках прошлых поколений, а вовсе не закостенелые бесчувственные чурбаны, как рисовалось ему прежде.

* * *

В третий день месяца Съер, после второго завтрака все будущие ученики школы Дольчевита, жившие в доме Кайлин и Ордъераина, собрались в гостиной первого этажа для встречи со своим верховным магистром и официальным опекуном до достижения возраста полной силы.

Казалось бы, поводов нервничать не было и все же они волновались. Верховные Маги – Малика и Агелар спустились в гостиную вместе с ними, равно как лис Барт и всюду сопровождавший их последние дни пес Халиф.

В гостиной уже сидел дарик Дарк. Юмирш почему-то побаивался его. Слишком у того был спокойный, безэмоциональный, холодный взгляд и ироничное отношение ко всему. Дарк казался похожим по складу натуры на ведьмака, но был аркельдом, что делало его непредсказуемым во всех смыслах.

Не успели все рассестся по диванам, в гостиной объявились господа Дамард и Гай. Дамард мог переноситься одним желанием, равно как Дарк, Кайлин, Малика, Эвар и Эрмир.

– Так, господа, приветствую, – усмехнулся Гай, обводя взглядом своих «шуршеров».

Он казался усталым. Красиво и дорого одет, летний темно-бордовый форит, легкие черные хлопковые брюки, ботинки из тонкой кожи, такие стоили больше 25 ашинов и делались, как правило, на заказ. Это бывшие грабители хорошо знали. Именно по таким деталям они выбирали жертв для ограблений. Способные платить такие деньги за обувь не станут сильно переживать из-за потери кошелька и бежать в кантон жаловаться на вероятное ограбление. Гай был молод – это было видно и чувствовалось. Однако, кроме того, в нем безошибочно ощущалась мощь и непредсказуемость. Такого грабить никто из них не стал бы. Опасно. Такой мог легко убить на месте, не со зла, а не рассчитав и перепутав с тафом.

– Сегодня вы переедете в школу. Загостились, – продолжил Гай, – Я вам раздам списки предметов, которые есть в ваших комнатах и которые отныне будут принадлежать вам, пока не испортятся или не израсходуются. Это то, что у вас должно быть. Если что-то кончается, становится мало, рвется, портится, ломается, вы просто говорите об этом. Точнее, пишете на листе и передаете слуге каро или мне. Или идете покупать сами, если вдруг захотите потратить собственные деньги.

– Это как? – опешил Аримар, – Собственные деньги у нас?

– У вас. Я не собираюсь выдавать вам на мороженое для девушки всякий раз как вам приспичит, – хмыкнул Гай, – каждый пятый день месяца или около того, вы будете получать по двадцать ашинов, которые вольны тратить как вам угодно. Однако, если в течение следующего месяца вы сотворите какую-нибудь вопиющую дичь, я лишу вас этого подарка. Если же вы сотворите нечто хорошее и порадуете меня, например, блестяще сдадите экзамены или вас похвалит кто-то из преподавателей, могу прибавить к вашим 20 ашинам еще 10 или даже 20, смотря насколько обрадуюсь.

Мальчишки, казалось, не верили собственным ушам.

– Далее. Три непреложных правила жизни в моей школе – завтрак в 8 утра, обед в час дня, ужин в шесть вечера. Кто не пришел, проспал, опоздал, тот голодает до следующей трапезы. На кухню к каро не ходить, еда только в столовой. Принесли что-то из города, съели в столо-

вой, принесли в запас коробку «ледяной пыли» – храните в комнате, ваше дело. Накрошили там – сами убираете, мне тараканы и склярии (слизняки из числа домашних паразитов) в здании не нужны. Или быстро учитесь очистительным заклинаниям или будете намывать свою комнату вручную за любую крошку, которую я там найду. Иногда буду заходить проверять, насколько у вас чисто.

Прозвучало сурово, но никто не испугался и даже не напрягся, для любого из этих парней это было само собой разумеющимся.

– После ужина и до 10 вечера вы сможете выходить в город, гулять, где вам заблагорассудится и делать что угодно, не нарушая трех законов Алаутара. В 10 вечера вы обязаны вернуться в школу. Если вы этого не делаете, слуга каро сообщает мне, и я вас ищу лично. Я не хочу этим заниматься, потому что вы безответственные болваны, я хочу себе спокойные приятные вечера дома. Почему ищу вас именно я, надо пояснить?

Юмирш и Сальер одновременно кивнули.

– Ваши чистокровные родственники могут иметь на вас некие собственные планы. Если вы не вернулись вовремя, я автоматически считаю, что вас похитили, держат в плену и т. д. Если выясняется, что вы просто шляется по кабакам, забыв о времени – вас ждет ночь в подвале на жесткой постели и штраф – минус сколько-то ашинов в следующем месяце. Понятно?

Мальчишки закивали. Многие только теперь осознали, что дело не только в правилах школы, но еще и в их безопасности. Особенно прониклись Эйдарад и Чакуриеш.

– Каро подают вам завтрак, обед и ужин, но на стол вы накрываете сами, постельное белье меняется раз в десять дней, каро просто забирают его у вас из комнат и кладут стопку нового, но именно вы снимаете и стелите его. Не сменили – остались спать на грязном еще на десять дней. Или пользуйтесь очистительными заклинаниями или стирайте сами, прачечная в подвале. Каро не убирают ваши комнаты, не носят вам наверх еду и не ищут по школе ваши вещи, понятно?

Вновь энергичные кивки.

– Вы живете по двое. Можете сразу решить, кто с кем. Эйдарад, ты помнишь, надеюсь, что твой брат тоже будет учиться в Дольчевита.

Эйдарад счастливо улыбнулся. Сальер потянул за рукав Юмирша.

– Ты же со мной живешь?

Тот лишь кивнул. Гордор хлопнул по ладони Аримара, как если бы они заключили сделку.

– Кроме вас в моей школе будут учиться Крейдар – брат Эйдарада, Викроуд, чистокровный калатари – Дариэль и Кирьяр – еще один чистокровный ведьмак. Все они заселятся только завтра.

– У нас школа для чистокровных? – осторожно спросил Чакуриеш.

– Видимо, да. Хотя я не планировал этого, – усмехнулся в ответ Гай, – что еще хочу сказать. К вам могут приходиться гости. Встречаться с ними следует внизу в общей гостиной. Если решили показать свою комнату, убедитесь, что ваш сосед по комнате пристойно одет, не спит, ваши гости ему не мешают и готовы лицезреть его и ваш бардак. Вы живете не в одиночку.

Мальчишки захихикали.

– Если вдруг вы сотворили какую-то дичь в городе и Стражи Порядка вас заперли в подвале кантона – после того, как вас оттуда выпустят, вы на какое-то время переезжаете в подвал школы без права получения карманных денег на неопределенный срок. Особенно, если мне придется возмещать ущерб за сотворенную вами в городе дичь.

Опять же никто не удивился, правила им казались логичными, понятными и справедливыми.

– Некоторые занятия у вас будут в кулинарной школе рядом с Дольчевита и в Лаукаре на пляже.

На этой фразе мальчишки остолбенели.

– Да, господа, я собираюсь учить вас серфингу, – со своего дивана поднялся Дарк, – Это полезно для здоровья, развития координации и навыков понимания ветра и волн.

– Это потрясающе, – еле выговорил от шока Гордор.

– Серфингу? Нас? В Лаукаре? – Аримар задохнулся от полноты чувств.

– Примерно раз в пять дней, да, вас, серфингу, в Лаукаре, – спокойно повторил Дарк.

Дамард и Гай понимали, что их друг с трудом сдерживает смех. Они его давно знали, однако мальчишки видели лишь спокойствие и невозмутимость.

– На занятия по серфингу вас нужно будет доставлять в Лаукар, поэтому опаздывать к месту встречи не рекомендую, – договорил Гай, – А вообще, о занятиях мы еще поговорим не раз, пока скажу лишь, что ваши занятия будут с девяти до часу утром и с двух до пяти-шести во второй половине дня. Расписание я вам раздам позже. Сейчас вернусь к бытовым вопросам. Ваши личные вещи должны жить в ваших комнатах. Все раскиданное и забытое в гостиной, столовой, купальне, ваннх и классных комнатах имеет право считаться потерянным и ничейным, то есть я могу это выбросить вам в назидание или забрать себе. Также любой нашедший чужую вещь имеет законное право в дальнейшем считать ее своей, нечего кричать потом, что вас ограбили. Однако, если кто-то украдет чужую вещь у кого-то из комнаты, считайте, остался без карманных денег на полгода. Воровство невыгодно. Вы должны это хорошо усвоить. Я легко узнаю, имело ли место воровство или нет. И последний момент, – вспомнил Гай, – возможно, у вас появятся друзья или подруги в городе. Вас будут приглашать в гости. Это не возбраняется. Вы можете даже оставаться в гостях на ночь, если заранее в письменном виде представите мне согласие хозяина дома, куда вас пригласили, принять вас у себя. Даже если вас приглашает Эрмир на мою дачу в Лаукаре.

– Сам будешь писать согласие? – все же не выдержал, хихикнув Дарк.

– Именно. Я же забуду сорок раз, если не заставлю себя это где-то записать.

Все смеялись, кто-то вслух, кто-то про себя. Мальчишки расслабились.

Спустя пять минут Дарк, Дамард и Малика перенесли Гая и всех его подаванов ко входу в недавно перестроенное и отремонтированное здание. Вверху, под самой крышей, крупными буквами из цветной плитки было выложено слово – Дольчевита. Само здание теперь было облицовано черным мрамором с яркими светло-голубыми прожилками. Цветные буквы названия школы были хорошо заметны. Эрмир решил, что названия домов на материке Шард – отличная идея и Гай с ним согласился.

В холле будущих учащихся встретила Арикарда, доделывавшая камин в гостиной и три слуги каро. Слуги поклонились и немедленно удалились. Арикарда обняла Гая и тоже попрощалась, они с Дарком планировали походить по магазинам перед скорым переездом на зиму в Лаукар.

Малика и Дамард отправились в кулинарную школу, у них были свои дела.

Гай провел своих учеников по всей школе, все показал, все объяснил. Три этажа и четвертый подвальный. В подвале теперь, помимо кухни и квартир каро, была ведьмацкая купальня – четыре душевых комнаты, выходящие к бассейну, а также комната наказаний – крошечная каморка-спальня с примыкавшей не менее крошечной уборной, закрывающаяся на железный засов, который почему-то был приделан так, что легко открывался как снаружи, так и изнутри. Всем мальчишкам ведьмакам эта комната показалась обычной спальней в подвале. Они прекрасно поняли, едва заглянув туда, что наказаний в привычном им смысле слова в школе не подразумевается. Сидеть в подвале за серьезную провинность в комнате, которая даже толком не запирается – это чисто аркельдская версия наказания.

На первом этаже разместилась просторная общая гостиная, она же библиотека – большие удобные диваны, книжный шкаф, кресла у огромного камина. Юмирш и Сальер сразу углядели на низком столике у витражного арочного окна коробки с настольными играми. Чакуриеш ухватил из книжного шкафа книгу о «кулинарных путешествиях», а Гордор ахнул от восторга, заметив сразу несколько книг Юны.

В столовой был только стол на шестнадцать персон и огромный шкаф с посудой, столовыми приборами и всевозможными салфетками. Еще на первом этаже обнаружился кабинет верховного магистра и небольшая уборная между гостиной и лестницей наверх.

– Чтоб никто не обосрался, пока бежал до второго этажа, – глубокомысленно прокомментировал Аримар, тут же получив пинок от идущего с ним рядом Гордора.

Гай хрюкнул от смеха, но решительно проигнорировал как это замечание, так и действие другого своего ученика.

На втором этаже были две учебные аудитории, еще одна уборная, гимнастический зал, он же для отработки заклинаний и занятий с оружием. Тут были шкафы с тренировочным оружием и сложенные стопкой в углу матрасы, для смягчения падений. Следующий зал оказался для занятий музыкой. Тут стоял настоящий рояль, стоивший Гаю целое состояние за скорость изготовления, на полках под стеклом лежали скрипки, альты и гитары. Тут мальчишки застряли надолго. Гай их не торопил. Чакуриеш вцепился в гитару, Аримар засел за рояль, Юмиршу больше понравилась скрипка, а Сальеру альт, Гордору и Эйдараду нравилось абсолютно все.

«Зачем их вообще учить музыке?» – усмехнулся про себя Гай, услышав довольно сложный и красивый перебор клавиш, очень похожий на настоящую, полноценную мелодию от того, кто пять минут назад впервые увидел рояль.

– Мы будем этому учиться? – восхищенно воскликнул Юмирш.

Гай лишь кивнул. Только спустя полчаса они вернулись к осмотру школы и прошли на третий жилой этаж. Жилые комнаты получились достаточно просторными. В каждой стояло по две кровати, по два письменных стола, соответственно, по два стула, с обеих сторон двери разместились встроенные шкафы с зеркальными дверцами. Между кроватями стояла длинная тумбочка-комод с многочисленными ящиками, с каждой стороны которой лежала коробка с мелкими бытовыми вещами. На стенах у кроватей висели светильники, и часы-будильники.

Все жилые комнаты были одинаковые, кроме одной, с сиреневым потолком и витражным окном с рисунком птиц.

– У нас будут жить еще и девчонки? – удивился Чакуриеш.

– Когда-нибудь, но не в ближайшее время – пожал плечами Гай, не уточнив, что просто перепутал рисунок витража, и вместо обычного нейтрального заказал «птичек», каких часто делали в своих апартаментах молодые девушки.

Кроме шести жилых комнат на третьем этаже обнаружили три небольшие, но удобные ванне комнаты, совмещенные с уборными.

– Никто не обосрется, туалетов навалом, – едва слышно усмехнулся Аримар и вновь получил тумак от приятеля.

– Если кто-то все-таки сподобится, сам будет убирать, – с убийственной серьезностью предупредил Гай.

После того, как все выбрали себе жилье, Гай показал им, где в шкафу лежат одеяла, комплекты постельного белья, полотенца и выдал им еще и по коробке с канцтоварами.

Потом все вновь спустились вниз, осмотрели небольшой закрытый двор для тренировок на воздухе, прошли в кабинет верховного магистра, где получили огромный ворох одежды и по четыре пары обуви: летние полуботинки, зимние сапоги, кроссовки и домашние туфли. Все это наставник немедленно подогнал каждому по размеру.

Этого мальчишки тоже не ожидали. Гордор, Сальер и Эйдарад признались, что никогда прежде у них не было такого количества одежды. Целых пять отличных рубашек, по два форита, по два жилета и по пять брюк. Ужас, как много. Остальные промолчали, видимо, не посчитав это количество «отчаянной роскошью», однако качеству тканей удивились абсолютно все мальчишки. Таких дорогих вещей не было прежде ни у кого из них. Еще больше поразило то, что всем теперь полагались личные леталки – гиры.

Когда эмоции улеглись, Гай потащил весь свой ученический состав показывать дорогу от школы до своего дома. Долетели на этот раз на гирах, медленно и подмечая все улицы и ориентиры, разделяющие Дольчевита и дом верховного магистра.

– Я хочу, чтобы вы знали, куда бежать, если у вас что-то случается, – объяснил Гай, – я не буду жить в школе, но это не значит, что вам не к кому обратиться за помощью. Мало ли что...

– Вдруг родня вспомнит, – зло хмыкнул Чакуриеш.

– Особенно в этом случае, – подтвердил Гай, – Я не для того все это затеял, чтобы кто-то мешал вам дальше жить. Я ваш опекун и больше никто никаких прав на вас не имеет. Всех, кто не согласен с этим, я смогу переубедить. Потому мне важно знать, что вы найдете дорогу к моему дому в нужный момент.

– Я запомнил. Я точно найду, – кивнул Аримар, – Я найду любое место, если однажды там побывал.

– Он мастерски ориентируется везде, – подхватил Эйдарад, – никто как он не может.

– И это отлично, – подытожил Гай.

На следующий день он объяснял школьные правила пришедшим в школу с родителями оставшимся ученикам. Дариэля привели за руку Эвар и Даника. Вместе с Кирьяром пришли его мать и отец, Викроуда привел отец, а Крейдара семья его матери.

Было много слез и трогательных слов. Эйдарад повис на матери и долго не мог отлепиться от нее, та плакала от счастья. Мать Кирьяра горячо поблагодарила Гая за «бесценную неоплаченную услугу». Родители близнецов и Кирьяра прошли с ними на третий этаж и долго еще беседовали с детьми в их комнатах. Отец Викроуда, осмотрев школу, по-настоящему успокоился. Дариэль легко вписался в ведьмацкую «тусовку». Эвар и Даника взяли на себя роль его покровителей, настоятельно порекомендовав обращаться к ним за любой помощью. Гай по просьбе Эвара оформил Дариэля как временно опекаемого. А самого Эвара и Данику как официальных представителей ребенка, отдающих его под временную опеку верховному магистру школы. Заодно Эвар и Даника оплатили обучение за год и сделали «добровольное, анонимное, безвозмездное пожертвование» в 10 тысяч ашинов. Над словом «анонимное» в шапке расписки, переданной Эваром Гаю в руки, все трое смеялись особенно громко и долго.

Таким образом, Викроуд, Крейдар и Дариэль могли свободно покидать школу на неучебные дни и каникулы, Кирьяр тоже, но под письменное разрешение на это Гая. Однако всем без исключения своим нынешним студентам Гай решил выделять карманные деньги и оплачивать целиком все вещи из списка необходимых, в том числе одежду, обувь и леталки.

Викроуд и Дариэль обрадовались, узнав, что их все же будут учить воинскому мастерству. Викроуд поселился в комнате с Чакуриешем, они оба были самые взрослые из учеников Дольчевита. Кирьяр оказался в одной комнате с Дариэлем и оба остались тем довольны.

Родители Крейдара, Кирьяра и Викроуда быстро познакомились, и, ни о чем друг друга не спрашивая, сразу поняли все друг о друге. Все личные семейные истории в чистокровном мире были широко известны. Мать Крейдара и Эйдарада из клана Лайя знала историю загадочного происхождения детей Ноюры из клана Крист, «восставшей из мертвых» три года назад и сразу заключившей брачный союз с немагом из клана Шуари, из-за которого когда-то якобы погибла. Отец Викроуда знал о побеге Эйдарада с Шарда, Джар и его жена знали о злополучной школе, организованной бывшими пиратами, они общались с сестрой Киарда, тоже из клана

Крист, порвавшей когда-то отношения с большей частью чистокровного мира. И все они знали о Гае – одиозном аркельде, глубоко увязнувшем во всех аспектах чистокровного сообщества, благодаря наличию у него ученика – чистокровного ведьмака Эрмира, воплощения Мертвого Ветра.

Мальчишки познакомились друг с другом и не обнаружили «непримиримых противоречий». Неожиданно выяснилось, что Аримар много знает об особенностях жизни и традициях чистокровных калатари на земле Хахад. Аримар вообще знал слишком много для ведьмака, кажущегося всем грубоватым и простым балбесом.

Остаток дня прошел в бесконечных разговорах. Гаю удалось выставить вон родителей своих учеников только ближе к девяти вечера. Сам он еще возился какое-то время с бумагами об опеке, расписанием занятий, и прочими «магистерскими делами». Домой отправился только в десять, навесив на дверь магический замок, чтобы «шуршеры не разбежались в ночи». На самом деле, этот замок предупредил бы его обо всех попытках влезть внутрь тоже, особенно, о злонамеренных.

Дома Эрмир заставил его подробно рассказать обо всем, что было днем, и сам поделился новостями из Сайнз: о друзьях, занятиях и сплетнях. У Коромэлла вновь в семье было горе. Лис-старичков больше не осталось, все ушли друг за другом «на радугу», розовый сад опустел.

Волрктлар решил написать о своих лисах книгу, чтобы никогда не забывать, какими они были – его первые магические лисы Эфирного леса.

Глава 5

Шли дни. Жизнь учащихся Дольчевита устаканилась, потекла спокойно и безмятежно. Никто из учеников «не творил дичи». Чакуриеш и Аримар больше других преуспевали на уроках в кулинарной школе, Сальер, Викроуд и Крейдар обнаружили настоящий талант к траволечению и травознанию. Кирьяр и Эйдарад стали «звездами серфинга» с первого же занятия. Юмирш и Гордор выделялись на уроках минералогии.

Гордор признался, что способен чувствовать старые вещи и предметы мебели, понимать, что они хотят и делать так, что вещи хотели служить дальше именно ему. Оказывается, там, где обстановка хорошая, вещи «молчат», но там, где плохо, вещи становятся разговорчивыми и мечтают «свалить из дурного места». В его картине мира, кража стола из плохого дома не было ограблением, а лишь «спасением несчастного стола».

Викроуд, Дариэль Аримар, Кирьяр и Гордор с огромным удовольствием занимались с Мальшардом «воинским искусством». Они любили это все, а Мальшард их не торопил, не старался принизить, спровоцировать на агрессию или сделать больно на этих занятиях. С точки зрения мальчишек – чистое удовольствие, а не занятие, отбирающее уйму сил. Мальшард сам давно не тренировался и потому тоже отлично и с пользой проводил время.

Уроки музыки и серфинга для всех были стопроцентным восторгом и только.

Сам Гай понемногу учил на своих занятиях самым простым бытовым заклинаниям, которых почему-то многие студенты не знали – очистить помещение от грязи и пыли, зажечь свечи, постричь волосы, убрать разлитую воду в ванне, перетащить тяжелое, уменьшить и увеличить покупки. Для этих элементарных заклинаний Сальеру, Гордору, Дариэлю и Аримару нужны были цесмарилы, но постепенно они учились и надобность в ашинах сокращалась.

На уроках серфинга Дарк аккуратно «распаковывал» воздушный потенциал Эйдарада, заставляя обращать внимание на ветер и воздушные потоки. Крейдара же концентрировал на движении волн и «голосе воды». Неожиданно мощный воздушный потенциал обнаружился у Кирьяра, он отлично управлял энергией ветра и, в отличие Эйдарада, не боялся своей магии.

Эланор с уверенностью утверждала, что магия Викроуда и Сальера близка по своей природе к Силе Жизни.

У Дариэля и Сальера потенциал был действительно слаб. А вот с Аримаром все оказалось непросто. Гай на своих занятиях часто ловил его на том, что он ленится использовать пасы, обходится мыслеобразами. Для слабых магов результат при таком использовании заклинаний был недостижим, но у Аримара почему-то периодически что-то получалось, однако заклинания выше пятого уровня ему давались с трудом.

В один из дней Гай заманил в свою школу «коллегу» – дарика Наримара, чтобы тот «взглянул на экземпляр».

Тот взглянул. Засунул Аримара в цесмарильный купол и заставил попробовать самое сложное из хорошо ему известных и отработанных заклинаний 6 уровня – перемещение предмета средней тяжести (стул). С 52 попытки заклинание легко получилось и потом получалось безукоризненно и вне купола, а следовательно без цесмарильных вовсе.

– Намучаешься ты с ним, – предупредил коллега, выставив вымотанного уроком ученика вон из зала отработки заклинаний. Тот был абсолютно счастлив при том, что едва волочил ноги, поднимаясь к себе в комнату.

– Так он слабый маг или как? – все же уточнил Гай.

– Сейчас на 550 – это факт. Только это совершенно точно не предел. Чтобы его раскатать до его истинного уровня и даже до потенциала в 550 лет, проявленного на данный момент, ты хлебнешь кучу истерик и слез. Я видел сотни таких «экземпляров». Дети сильных магов, от которых ждут слишком много и сразу. Такие видят, что для родителей все легко, видят, что

не могут также или же им постоянно об этом говорят, требуют больше стараться, упрекают в разгильдяйстве, потом они смиряются, что ничего не могут, их в этом убеждают каждый день. В итоге они боятся пробовать. Причем, страх вытеснен, они действительно перестают мочь. Таких нельзя жалеть и сомневаться в их способностях. Он у тебя должен делать одно тупое действие до результата с мыслью, что пока не сделает спать и жрать не пойдет. Ты не должен допускать мысли, что у него может не получиться, если допустишь – он мгновенно считает это и ничего не сможет, – объяснил Наримар.

Они спустились в кабинет Гая, Наримар устроился в удобном кресле у витражного окна. Вечерело, Гай зажег светильник и сел во второе кресло, огляделся по сторонам.

– Мог ли я подумать месяц назад, что стану верховным магистром?

– Мы все знали, что однажды станешь, – усмехнулся Наримар, – чуть раньше, чуть позже, это твое и от тебя бы не ушло в любом случае. Вот контингент ты, конечно, выбрал своеобразный, что уж говорить.

– Изуродованные чистокровными предрассудками парни – видимо, мой профиль.

– Эйдарара на следующий год отпустишь в Ассагар? – ухмыльнулся дарик Наримар.

– Забирай, опеку не отдам, лучше платить буду.

– Официально, разумеется, будешь, реально, конечно нет. Нам с Тасимой тоже важно делать для этого мира что-то доброе и светлое.

– Тасима намекнула, что хочет забрать себе Крейдара на следующий год.

– Он целитель с огромным потенциалом, конечно, она положила на него глаз.

– Как там Зорах?

– Тоже целитель, гениальный, по сути, травник. Причем, возня с настойками и вытяжками его самого исцеляет практически. Он успокаивается и расслабляется в этой деятельности. Говорит, мать готовила все эти настойки, он рядом терся, смотрел и так учился.

– Мать ведь у него Тея, – заметил Гай.

– Еще и поэтому Тасима его точно далеко от себя не отпустила бы. Наверняка он может возвращать с дороги смерти далеко по ней зашедших, но к этому его надо привести постепенно.

– А что про Кирьяра моего скажешь?

Наримар пожал плечами.

– Могушественная, но ленивая тафья задница. Его бы я в Ассагар не взял бы, сложно ему было бы в моей школе. Я знаю таких. Они становятся успешными лишь в том, что им нравится делать и не выносят прилагать усилия там, где не ощущают себя успешными. Усердие и терпение – не самые сильные его качества, мягко говоря.

Гай засмеялся.

– Его раскачивать некуда, как и Крейдара. Потенциал полностью проявлен. Практически все маги за 700 лет нуждаются лишь в осознании своих сил, знаниях, куда и как применить свои таланты, в навыках работы с заклинаниями, в контроле, потому что этот мощный потенциал остается нестабильным, в силу того, что это подростки. Крайне редко бывает, чтобы маг за 700 лет раскачался до 800 и выше. Нет, как правило, такой потенциал весь на ладони для имеющих сравнимый с моим опыт работы с подростками.

– А как же Мальшард? – удивился Гай, – Мы учились с ним в Крамбль, его определяли как мага 650 лет. А теперь он маг 800—850 лет.

– Он маг Ледяного Дождя, это немного другая история. Не хочется бросать тень на наших с тобой коллег из Крамбль, но они могли проигнорировать, что потенциал магии Ледяного Дождя многослоен по умолчанию, и неправильно определить его возможности изначально. Однако, есть более правдоподобная версия. Мы говорили о нем как-то с Тасимой и Волркларом. Они считают, его раскачал ты своим заводом виски. Экспериментальная, сложно организованная магия, постоянное ее применение, возраст нестабильности и гибкости психики

и потенциала, ты рядом, а значит и твоя магия «веры в себя». В Крамбль его бы так не раскачали. Я практически уверен в этом.

– Так, все мои шуршеры будут не покладая рук трудиться на моих заводах хоррора. Буду эксплуатировать детский труд! – постановил Гай.

Наримар расхохотался.

– А платить будешь им продукцией...

В кабинет заглянул Эрмир. Увидев дарика Наримара, поклонился, сложив руки в почтительном жесте приветствия и тут же выпалил:

– Я доставил учителя музыки, можно я тоже с ними поучусь играть на чем-нибудь?

– Кто я такой, чтобы стоять на пути твоего стремления к знаниям? – хохотнул Гай, – Иди, учись...

В коридоре уже галдели поднимающиеся по лестнице студенты, предвкушающие очередной урок-развлечение. Наримар тоже усмехнулся:

– Ты правильно назвал школу, хоть в городе и гадают, что это за слово и почему такое. Серфинг, музыка, уроки, как готовить еду – для любого, не слишком избалованного ведьмака это «сладкая жизнь» как она есть.

Следующий день был всеобщим неучебным в Калантаке, потому как на всех аренах и спортивных площадках проходили полуфиналы спортивных состязаний и турниров. Стремительно приближалось Осеннее Равноденствие – всеобщий выходной в мире Алаутар. В этот день должны были состояться финалы турниров, а также вручались призы всем победителям завершеного спортивного сезона.

Сразу после завтрака все студенты Дольчевита разбежались кто куда. К Эйдараду и Крейдару пришли родители, чтобы вместе с ними идти смотреть большие скачки. Кирьяр тоже удрал домой на весь день. Дариэля пригласили Даника и Эвар пойти вместе на турнир лучников, где выступал старый друг Даники, в доме которого Дариэль жил какое-то время. Викроуд и Чакуриеш отправились смотреть турнир воинов – самый кровавый и опасный. Остальные просто слонялись по городу целый день.

Гай, проводив всех студентов, все-таки отправился в гости к давней подруге Шартабэль-Деми «заниматься личной жизнью». Эрмир с друзьями также весь день гулял, то и дело встречая знакомых. Юмирш и Сальер развлекались на каруселях, а после обеда на закрывающемся со дня на день ролледроме. Гордор и Аримар наконец-то нашли парикмахерскую «модельные стрижки», присоединившись к легиону «модно постриженных столичных парней», а после навестили Зораха в доме его родственников, оценили потрясающий потолок в гостиной, сделанный Эрмиром, пообедали у них же в гостях и дальше отправились гулять, уже втроем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.